ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Зинченко Ольга Игоревна

ПРИЗНАНИЕ ЮРИСДИКЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН

Специальность 5.1.5. Международно-правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Вылегжанин Александр Николаевич

Москва – 2024

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА 1. ЮРИСДИКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН: НАЧАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ. 22

1.1. Понятие юрисдикции Международного Суда ООН. 22

1.2. Принцип согласия государств на юрисдикцию Международного Суда ООН. 48

ГЛАВА 2. СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СОГЛАСИЯ ГОСУДАРСТВ НА ЮРИСДИКЦИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН ПО КОНКРЕТНОМУ СПОРУ 54

2.1. Понятие и содержание специального соглашения 54

2.2. Сфера применения специальных соглашений 59

2.3. Некоторые вопросы толкования специальных соглашений. 66

2.4. Согласие на юрисдикцию Суда *post hoc*: *forum prorogatum* 74

ГЛАВА 3. ВЫРАЖЕНИЕ СОГЛАСИЯ ГОСУДАРСТВ НА ЮРИСДИКЦИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН ПОСРЕДСТВОМ ЮРИСДИКЦИОННЫХ КЛАУЗУЛ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ 85

3.1. Понятие, виды и содержание юрисдикционных клаузул международных договоров 85

3.2. Сфера применения юрисдикционных клаузул международных договоров 102

3.3 Некоторые вопросы толкования юрисдикционных клаузул международных договоров 151

ГЛАВА 4. ЗАЯВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВ О ПРИЗНАНИИ ЮРИСДИКЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ. 175

4.1. Понятие и правовая природа заявления о признании юрисдикции Международного Суда ООН 175

4.2. Сфера применения заявлений государств о признании юрисдикции Международного Суда ООН 190

4.3. Некоторые вопросы толкования заявлений о признании юрисдикции Международного Суда ООН 212

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 226

Список источников 242

ВВЕДЕНИЕ

Разрешение споров между государствами посредством различного рода судебных и квазисудебных механизмов имеет весьма давнюю историю[1]. Первый постоянно действующий многосторонний орган международного правосудия, правомочный рассматривать споры между государствами, появился лишь в XX веке с учреждением Лиги Наций и получил название Постоянной Палаты Международного Правосудия[2]. Сегодня Международный Суд ООН, учрежденный «в качестве главного судебного органа Объединенных Наций» (ст. 1 Статута Суда)[3], продолжает играть важную роль в разрешении возникающих между государствами споров.

Актуальность диссертационного исследования. Несмотря на значительное количество способов мирного разрешения споров и возросшее число международных судебных инстанций (трибуналы, суды, арбитраж и т.д.), Международный Суд ООН остается востребованным для государств механизмом для решения противоречий, неизбежно возникающих в процессе осуществления международной деятельности[4]. В повестке дня Суда находится 18 межгосударственных споров (февраль 2024 г.), производство по большинству из них было начато в последние 5 лет. Изменился и характер споров, передаваемых сторонами в Суд: хотя «классическим» их предметом долгое время являлись вопросы территориального титула и делимитации морских пространств, за последние 20 лет Суд рассматривал дела по весьма

---

[1] *Вылегжанин А.Н., Штодина И.Ю.* Мирное разрешение международных споров. / Международное право. В 2 частях. Ч.1: учебник для вузов. / отв. ред. А.Н. Вылегжанин. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2021. – С. 320-322; *Капустин А.Я.* Международные суды: тенденции развития и влияние на национальные правовые системы. // Государство и право. – 2018. – № 7. – С. 120; *Капустин А.Я., Ковлер А.И., Белялова А.М., Лебедева Я.И., Фокин Е.А.* Практика рассмотрения межгосударственных жалоб в международных судах: история вопроса и перспективы. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 6. – С. 117.

[2] *Хорватский В.Л.* Лига наций. – М., 1937 г.

[3] *Кожевников Ф.И., Шармазанашвили Г.В.* Международный суд ООН: Организация, цели, практика. – М.: Международные отношения, 1971. – С. 3.

[4] *Капустин А.Я.* Международное судебное толкование международного договора: современные тренды // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. – № 8. – С. 104.

широкому кругу тем[5], включая вопросы прав человека, экологии, экономики, воздушного права, иммунитетов должностных лиц государств, международного уголовного права[6] и т.д.

Актуальность темы также проявляется в усилившейся в последние годы вовлеченности Российской Федерации в процессы в Международном Суде ООН. Российская Федерация выступила, например, ответчиком в этом Суде[7] по заявлению Грузии в 2008 г. на основании Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.; по заявлению Украины в 2017 г. на основании той же Конвенции, а также Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г.; по заявлению Украины в 2022 г. на основании Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. Ввиду в целом положительного опыта отстаивания Россией своей позиции в Международном Суде ООН по заявлению Украины 2017 г. не исключена и вероятность участия России в одном или нескольких процессах в Суде на стороне государства-заявителя, в частности, на основании Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. в связи с нарушениями в ряде стран прав соотечественников[8].

---

[5] *Higgins R., Webb P., Akande D., Sivakumaran S., Sloan J.* Oppenheim's International Law. – Oxford, 2017. – P. 1204.

[6] *Скуратова А.Ю., Синякин И.И.* Международное уголовное право: учебное пособие. / Под ред. А. Н. Вылегжанина. – М.: Проспект, 2021. – С. 25.

[7] *Капустин А.Я., Ковлер А.И., Белялова А.М., Лебедева Я.И., Фокин Е.А.* Практика рассмотрения межгосударственных жалоб в международных судах: история вопроса и перспективы. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 6. – С. 120.

[8] Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации 2023 г. «О ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» // URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/1918450/ (дата обращения: 11.02.2024); “TASS” official website, “Russian embassy sends note to Germany’s foreign ministry over discrimination of Russians”, 5 March 2022 // URL: https://tass.com/politics/1417243 (accessed date: 11.02.2024); “TASS” official website, “Russia urges UN rights officials to condemn Estonia’s discriminatory initiative”, 1 September 2023 // URL: https://tass.com/politics/1668349 (accessed date: 11.02.2024); Официальный сайт Посольства Российской Федерации в Латвийской Республике, Интервью Временного

В контексте современной международной жизни можно прогнозировать регулярность направления заявлений в Международный Суд ООН в ближайшие годы. Так, Нидерланды и Канада направили заявление в Международный Суд 8 июня 2023 г. на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г., отказавшись продолжать консультации с Сирией по теме нарушений прав человека[9]. В связи с катастрофой рейса МН-17 Австралия и Нидерланды начали процедуры в отношении России в рамках Совета ИКАО (на основании Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г.), решение которого также может быть обжаловано в Международный Суд ООН[10]. Нет сомнений в том, что выбор в пользу упомянутых международных договоров не случаен: их юрисдикционные клаузулы предусматривают возможность передачи споров о толковании и применении данных конвенций в Международный Суд ООН. Налицо и тенденция политизации деятельности Суда, оказания на него давления: так, в ноябре 2022 г. на площадке Генеральной Ассамблеи ООН в ходе дискуссий по пункту повестки «Доклад Международного Суда» от ряда делегаций звучали прямые призывы к государствам-участникам ООН вступить в дело *«Украина против России»* (2022 г.). 33 государства подали соответствующие

поверенного в делах России в Латвии О.О.Зыкова «РИА Новости», приуроченное ко Дню дипломатического работника // URL: https://latvia.mid.ru/ru/voenno_memorialnaya_rabota/zaprosy_kotirovok/intervyu_vremennogo_poverennogo_v_delakh_rossii_v_latvii_o_o_zykova_ria_novosti_priurochennoe_ko_dnyu/ (дата обращения: 11.02.2024).

[9] *Application of the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (Canada and the Netherlands v. Syrian Arab Republic)*, Joint application instituting proceedings, 8 June 2023 // URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/188/188-20230608-APP-01-00-EN.pdf (accessed date: 16.10.2023); *Зинченко О.И.* Международный Суд ООН на современном этапе: актуальные вызовы и перспективы. // Право и управление. XXI век. – 2023. – № 4 (69). – С. 33.

[10] *Ivanov D.V., Donakanian V.G.* The ICAO Council as a Dispute Settlement Body: Theoretical and Practical Issues. // Moscow Journal of International Law. – 2022. – № 3. – С. 36.

ходатайства в Суд на основании ст. 63 Статута, 32 из которых были удовлетворены Судом[11] (кроме США).

Закономерным следствием данных тенденций является возникновение в практике Суда разногласий между сторонами относительно того, правомочен ли он рассматривать возникший спор или отдельные его аспекты. Юрисдикция Международного Суда не является обязательной для всех государств, а основана на принципе их согласия. Поэтому особую актуальность для государств представляют вопросы, связанные с определением наличия или отсутствия согласия государства на юрисдикцию Суда, а также «границ» такого согласия: они становятся ключевыми почти в каждом деле, рассматриваемом Судом. Зачастую в международной практике от данного вопроса зависит исход возникшей ситуации, чем обусловлены нешуточные баталии государств в Суде именно на юрисдикционной стадии рассмотрения дел.

В настоящей работе предложена авторская систематизация способов выражения государствами согласия на юрисдикцию Международного Суда ООН при подтверждении их равенства по юридической силе, но отличий по «механизму» действия, в порядке толкования ст. 36 Статута Международного Суда. Речь идет, прежде всего, о передаче спора на его рассмотрение посредством специального соглашения (фр. *compromis*); о задействовании юрисдикционных клаузул международных договоров; о признании юрисдикции Суда посредством одностороннего заявления (так называемая система «факультативной клаузулы»). В диссертационном исследовании содержится подробное описание особенностей, характерных для каждого из способов выражения государствами согласия на юрисдикцию Международного Суда, и вытекающих из них практических последствий, в том числе в плане сферы их применения и подходов Суда к их толкованию.

---

[11] *Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation: 32 States intervening)*, Order of 5 June 2023, Admissibility of the Declarations of Intervention.

Внимание в диссертации уделяется и анализу представленных государствами предварительных возражений (англ. *preliminary objections*) против юрисдикции Суда.

Степень научной разработанности проблемы. Общие вопросы организации и начальной практики Международного Суда ООН получили глубокое освещение в юридической науке, в том числе в русскоязычной международно-правовой литературе. Их рассматривали в своих трудах, прежде всего, «классики» отечественной международно-правовой науки, ушедшие из жизни: профессора Н.Н. Полянский [12], С.Б. Крылов [13], Ф.И. Кожевников [14], Г.В. Шарманазашвили [15]. Вместе с тем, упомянутые научные работы были опубликованы на раннем этапе деятельности Международного Суда ООН и потому по объективным причинам не могли учесть многие аспекты его обширной практики, сформировавшейся впоследствии.

Деятельность Международного Суда ООН в общем плане освещается в посвященных вопросам системы мирных средств разрешения международных споров монографиях проф. А.Х. Абашидзе[16], проф. Р.А. Каламкаряна[17], д.ю.н.

---

[12] *Полянский Н.Н.* Международный Суд. – Москва: Изд-во Акад. Наук СССР, 1951; *Полянский Н.Н.* Вопросы Международного Суда на конференции в Сан-Франциско. Стенограмма публичной лекции доктора юридических наук Н.Н. Полянского, прочитанной 2 августа 1945 г. в Лекционном зале в Москве. – М.: 1946 г.

[13] *Крылов С.Б.* Международный Суд Организации Объединенных наций: Вопросы международного права и процесса в его практике за десять лет (1947-1957). – М.: Госюриздат, 1958. – 167 с.; *Крылов С.Б.* История создания Организации Объединенных Наций: Разработка текста Устава Организации Объединенных Наций (1944-1945). – Под ред. [и с предисл.] проф. Тункина Г. И. – 2-е изд., доп. – Москва: Изд-во ИМО, 1960. – 343 с.; *Крылов С.Б.* Материалы к истории Организации Объединенных Наций. Вып. 1. Создание текста Устава Организации объединенных наций. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1949 г. – 344 с.

[14] *Кожевников Ф.И.* Советское государство и международное право. – М.: 1948; *Кожевников Ф.И., Шарманазашвили Г.В.* Международный Суд ООН: организация, цели, практика. – М.: Международные отношения, 1971. – 160 с.

[15] *Кожевников Ф.И., Шарманазашвили Г.В.* Международный Суд ООН: организация, цели, практика. – М.: Международные отношения, 1971. – 160 с.

[16] *Абашидзе А.Х., Солнцев А.М.* Мирное разрешение международных споров: современные проблемы: монография. – 2-е изд. – М.: РУДН, 2012. – 307 с.

[17] *Каламкарян Р.А.* Международный Суд в миропорядке на основе господства права. – М.: Наука, 2012. – 310 с.

Г.Г. Шинкарецкой [18]. Есть и относительно новые исследования практики Международного Суда ООН в сфере морского права (например, монография «Решения Международного Суда ООН» проф. А.Н. Вылегжанина [19]; книга «Международное морское право. Статьи памяти А.Л. Колодкина» [20], монография Е.С. Орловой «Конкуренция юрисдикций международных судебных органов при рассмотрении международных морских споров» [21]). Крупные разделы, посвященные Международному Суду ООН, имеются в учебниках под редакцией проф. К.А. Бекяшева[22], проф. А.Н. Вылегжанина[23], проф. И.И. Лукашука [24] и др. Внимания заслуживают и посвященные отдельным вопросам деятельности Международного Суда ООН публикации

[18] *Шинкарецкая Г.Г.* Международная судебная процедура. – М.: Наука, 1992; *Шинкарецкая Г.Г.* Тенденции развития судебных средств мирного разрешения международных споров: монография. – М.: Nota Bene, 2009. – 250 с.

[19] *Вылегжанин А.Н.* Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. – М.: Юридическая литература, 2004. – 244 с.

[20] *Колодкин Р.А., Пунжин С.М.* Международное морское право: статьи памяти А. Л. Колодкина. – Сост. Колодкин Р.А., Пунжин С.М. – М.: Статут, 2014. – 412 с.

[21] *Орлова Е.С.* Конкуренция юрисдикций международных судебных органов при рассмотрении международных морских споров: монография. — Москва: ИНФРА-М, 2022. — 175 с.

[22] *Бекяшев К.А.* Международное право. Учебник для бакалавров. Отв. ред. Бекяшев К.А. – М.: Проспект, 2013. – 663 с.

[23] *Вылегжанин А.Н.* Международное право: учебник для академического бакалавриата. / отв. ред. А.Н. Вылегжанин. – М.: Юрайт, 2015; *Вылегжанин А.Н., Штодина И.Ю.* Мирное разрешение международных споров. / Международное право. В 2 частях. Ч.1: учебник для вузов. / Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2021.

[24] *Лукашук И.И.* Международное право: особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 517 с.

А.Я. Капустина[25], Г.Г. Шинкарецкой[26], Д.С. Боклан[27], С.М. Пунжина[28], А.С. Исполиновa[29], С.В. Гузея[30], Н.С. Симоновой[31] и др.

Среди русскоязычных диссертационных исследований анализ вопросов, связанных с различными основаниями юрисдикции Суда, представлен в кандидатских диссертациях Ковача И.[32] (1957 г.), Кудрявцева В.Д.[33] (1970 г.),

---

[25] *Капустин А.Я.* Международное судебное толкование международного договора: современные тренды // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. – № 8. – С. 104 – 117; *Капустин А.Я.* Международные суды: тенденции развития и влияние на национальные правовые системы. // Государство и право. – 2018. – № 7. – С. 120 – 132; *Капустин А.Я., Ковлер А.И., Белялова А.М., Лебедева Я.И., Фокин Е.А.* Практика рассмотрения межгосударственных жалоб в международных судах: история вопроса и перспективы. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 6. – С. 116 – 134.

[26] *Шинкарецкая Г.Г.* Доказательства в международном судебном процессе: постановка вопроса // Международное право. – 2020. – № 4. – С. 60 – 71; *Шинкарецкая Г.Г.* Понятие доказательств в международном судебном процессе: постановка вопроса // Международное право. – 2020. – № 2. – С. 70 – 81; *Шинкарецкая Г.Г.* Практика международных судов в области сбора доказательств // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2021. – № 1. – С. 1 – 11; *Шинкарецкая Г.Г.* Доказательства в процессе Международного Суда: концептуальные аспекты // Международное право и международные организации. – 2022. – № 1. – С. 11 – 21; *Шинкарецкая Г.Г.* Цифровые доказательства в процессе Международного Суда // Международное право и международные организации. – 2023. – № 1. – С. 55-66.

[27] *Боклан Д.С.* Практика разрешения Международным Судом ООН споров, вытекающих из международных экологических и международных экономических отношений // Международное правосудие. – №2 (10). – 2014. – С. 99 – 105.

[28] *Пунжин С.М.* Процессуальное право Международного Суда ООН: встречные требования (условия приемлемости) // Международное правосудие. – № 1(9). – 2014. – С. 80 – 92; *Пунжин С.М.* Процессуальное право Международного Суда ООН: классификация предварительных возражений. // Международное правосудие. – № 1(2). – 2012. – С. 46 – 60.

[29] *Исполинов А.С.* Статус оговорок в решениях международных судов // Международное правосудие. – № 2. – 2020. – С. 72 – 87; *Исполинов А.С.* Сила и слабость универсальных договоров о защите прав человека // Российский юридический журнал. – 2022. – № 3. – С. 26 – 43.

[30] *Гузей С.В.* Основные проблемы процесса в международном суде ООН и развитие норм международного процессуального права // Право и политика. – М.: NotaBene, 2006. – № 6. – С. 88 – 102.

[31] *Симонова Н.С.* Проблема обязательной юрисдикции Международного Суда ООН сквозь призму способов ее признания // Международное публичное и частное право. – 2016. – № 4. – С. 10 – 13; *Симонова Н.С.* Факультативность обязательности в дискуссии о юрисдикции Международного Суда ООН // Российская юстиция. – 2016. – № 8. – С. 23 – 25.

[32] *Ковач И.* Международный арбитраж и международный суд: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / И. Ковач; Науч. рук. проф. С.Б. Крылов; Московский государственный институт международных отношений. – Москва, 1953. – 431 с.

[33] *Кудрявцев В.Д.* Компетенция международного суда ООН: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность: 12.00.00 / В.Д. Кудрявцев.

Величковского А.В.[34] (2003 г., в которой преимущественно рассматривается обязательная юрисдикция Международного Суда ООН), а также в докторской диссертации Шинкарецкой Г.Г.[35] (2010 г.). Отдельные вопросы юрисдикции Международного Суда ООН освещены в диссертациях Гончаровой Н.Н. [36] (пути повышения эффективности Суда) и Е.С. Орловой [37] (в контексте Конвенции ООН по морскому праву).

Среди иностранных источников соискателем использован комментарий к Статуту Международного Суда ООН под редакцией А. Циммерманна[38], а также посвященные Международному Суду ООН монографии проф. М.О. Хадсона [39] , проф. Ч.Ф. Амерасингха [40] (юрисдикция

Науч. рук. Проф. Ф.И. Кожевников; Московский государственный институт международных отношений. – Москва, 1970. – 364 с.

[34] *Величковский А.В.* Юрисдикция международного Суда ООН: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право / А.В. Величковский; Науч. рук. Л.В. Павлова; Белорусский государственный Университет. – Минск, 2003.

[35] *Шинкарецкая Г.Г.* Судебные средства разрешения международных споров: тенденции развития: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право / Г.Г. Шинкарецкая; Институт государства и права РАН. – Москва, 2010. – 341 с.

[36] *Гончарова Н.Н.* Международный Суд ООН: пути повышения его эффективности: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право / Н.Н. Гончарова; Науч. рук. Р.М. Валеев; Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2007.

[37] *Орлова Е.С.* Конкуренция юрисдикций международных судебных органов при рассмотрении международных морских споров. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право / Е.С. Орлова; Науч. рук. А.Я. Капустин; Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации». – Москва, 2020.

[38] *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019; *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Eds.) The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2012.

[39] *Хадсон М.О.* Международные суды в прошлом и будущем. / Пер. с англ. Богомольной Ф.Е.; Под ред. Крылова С.Б. – М.: изд-во иностр. лит., 1947. – 392 с.

[40] *Amerasinghe C.F.* Jurisdiction of International Tribunals. –The Hague: Brill | Nijhoff, 2003. – 881 p.

международных трибуналов), проф. Р. Колба[41], проф. Ш. Розенна[42], проф. Х. Терлвея[43], К. Тэмса[44], Х. Сюэ[45], Р. Ананда[46] и С. Александрова[47] (односторонние заявления о признании юрисдикции Международного Суда ООН). Отдельные аспекты юрисдикции Международного Суда ООН освещались в англоязычных монографиях проф. Р. Хиггинс[48], Ю. Шани[49], Дж. Коллиера и В. Лоуэ[50], в статьях М. Фитцморис[51] (система «факультативной клаузулы»), Е. Каннисаро и Б. Бонафе[52] (юрисдикционные клаузулы), Л. Хардона[53] (юрисдикционные клаузулы), А. Орахелашвили[54]

---

[41] *Kolb R.* The International Court of Justice. – Oxford: Hart Publishing, 2013. 1307 p.

[42] *Rosenne S.* The Law and Practice of the International Court, 1920 – 1996. – Vol. 2. – Martinus Nijhoff Publishers: The Hague, 1997; *Rosenne S.* The Law and Practice of the International Court, 1920-2005. – Volume II, Jurisdiction. – 4th ed.– Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2006; *Rosenne S.* The World Court: What it is and how it works. / T.D. Gill (ed.). – 6th edition. – Leiden: United Nations Publications, 2003.

[43] *Thirlway H.* The International Court of Justice. – New York: Oxford University Press, 2016. 224 p.; *Thirlway H.* The Law and Procedure of the International Court of Justice: Fifty Years of Jurisprudence. Volume I. – Oxford: Oxford University Press, 2013.

[44] *Tams C.* The Continued Relevance of Compromissory Clauses as a Source of ICJ Jurisdiction, // A wiser century? Judicial Dispute Settlement, Disarmament and the Laws of War 100 Years after the Second Hague Peace Conference / *Giegerich T.* (ed.) – Berlin: Duncker & Humblot, 2009.

[45] *Xue H.* Jurisdiction of the International Court of Justice. – Leyden: Brill / Nijhoff, 2017. – 262 p.

[46] *Anand R.P.* Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice. – London: Asia Publishing House. – 1961.

[47] *Alexandrov S.* Reservations in Unilateral Declarations Accepting the Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice. – Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1995. – 164 p.

[48] *Higgins R.* Problems and Process: International Law and How We Use It. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 304 p.

[49] *Shany Y.* Questions of Jurisdiction and Admissibility before International Courts. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 186 p.

[50] *Collier J., Lowe V.* The settlement of disputes in international law. Institutions and procedures. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 395 p.

[51] *Fitzmaurice M.* The Optional Clause System and the Law of Treaties: Issues of Interpretation in Recent Jurisprudence of the International Court of Justice // Australian Year Book of International Law. – Vol. 20. – 1999. – P. 127 – 160.

[52] *Cannizzaro E., Bonafé B.* Fragmenting International Law through Compromissory Clauses? Some Remarks on the Decision of the ICJ in the Oil Platforms Case // European Journal of International Law. – № 16. – 2005. – P. 481 – 497.

[53] *Jardón L.* The Interpretation of Jurisdictional Clauses in Human Rights Treaties // Anuario Mexicano de Derecho Internacional. – Vol. XIII. – 2013. – P. 99 – 143.

[54] *Orakhelashvili A.* Adjudicating Racial Discrimination Claims: Issues of Jurisdiction and Admissibility in Ukraine v Russia. // Moscow Journal of International Law. – №1. – 2021. – P. 57 – 69.

(рассмотрение Международным Судом ООН заявлений против России, что также отражено в диссертации).

Новизна диссертационного исследования. Несмотря на внушительный перечень трудов, посвященных мирным средствам разрешения споров в целом и Международному Суду в частности, подробного и структурированного исследования всех способов признания юрисдикции Международного Суда ООН на уровне диссертации с опорой на обширную практику Суда, в том числе новейшую, в отечественной юридической литературе нет. В упомянутых отечественных работах специально не исследовались те споры с участием Российской Федерации, в которых поднимаются важнейшие вопросы, связанные с юрисдикцией Международного Суда ООН. Кроме того, в них подробно не затрагиваются практические проблемы, связанные с особенностями каждого из способов признания юрисдикции Международного Суда ООН. В то же время именно эти аспекты являются практически востребованными, так как обстоятельный сопоставительный анализ характерных черт различных способов выражения согласия на юрисдикцию Международного Суда ООН и имеющихся «подводных камней» способен стать фундаментом для осознанного выбора в пользу того или иного юрисдикционного основания или определения юридической тактики в ходе юрисдикционной стадии рассмотрения спора в Суде.

Что же касается многочисленных публикаций иностранных авторов по вопросам юрисдикции Международного Суда ООН, то в них зачастую встречаются концепции, не соответствующие подходам отечественной науки и дипломатии к функционированию Международного Суда ООН.

Новизна настоящей диссертации также состоит в ее охвате: она объединила в себе теоретическое обобщение исследований юрисдикции Международного Суда ООН, включая учет статистики применения различных способов выражения согласия на его юрисдикцию, выявление основных практических трудностей для участников процесса и самого Суда при

задействовании каждого из имеющихся юрисдикционных оснований, а также описание подходов Суда к их толкованию, подкрепленное примерами из его практики, в том числе новейшей. Новизна также состоит в уточнении соответствующего терминологического аппарата, используемого в контексте темы юрисдикции Международного Суда ООН.

Область исследования. Область исследования соответствует пунктам 4 «Юрисдикция в международном праве» и 28 «Тенденции развития мирных средств разрешения международных споров. Международное правосудие» паспорта научной специальности 5.1.5. «Международно-правовые науки»; пункту 6 «Проблемы правового регулирования развития общества и международных отношений» Приоритетных направлений научных исследований МГИМО МИД России.

Объект исследования. Объектом исследования являются вопросы юрисдикции Международного Суда ООН и способов выражения государствами согласия на нее. В фокусе настоящей работы находится юрисдикция Международного Суда ООН по спорным делам (англ. *contentious jurisdiction*). В диссертации показано, что полномочия Суда по вынесению консультативных заключений относятся не к области его «юрисдикции», а к сфере его «компетенции» (в рамках авторского анализа понятийного аппарата Статута Международного Суда ООН).

Предмет исследования. Предметом исследования являются положения Статута Международного Суда ООН, юрисдикционные клаузулы международных договоров и их *travaux préparatoires*, специальные соглашения о передаче споров на рассмотрение Судом, односторонние заявления государств о признании его юрисдикции, решения Международного Суда ООН, касающиеся толкования юрисдикционных оснований и рассмотрения юрисдикционных возражений государств, а также доктринальные источники по вопросам юрисдикции Международного Суда ООН. Особое внимание в рамках предмета исследования занимает анализ

особенностей юрисдикционных клаузул международных договоров как наиболее часто используемого основания для передачи споров в Суд.

Хронологические рамки диссертационного исследования: 1920 г. (учреждение Постоянной Палаты Международного Правосудия – «предшественницы» Международного Суда ООН) – настоящее время.

Цель диссертационного исследования. Основная цель диссертационного исследования состоит в сопоставлении существующих способов выражения согласия государств на юрисдикцию Международного Суда ООН на основе анализа их характеристик, выявлении тенденций и закономерностей с точки зрения практической сферы применения различных юрисдикционных оснований путем анализа практики Международного Суда и государств, а также в обобщении подходов Суда к толкованию различных юрисдикционных оснований при рассмотрении споров.

Для достижения цели исследования поставлены и решены следующие **задачи**:

– обобщить современные международно-правовые доктринальные позиции по теме юрисдикции Международного Суда ООН, включая характеристики и особенности различных юрисдикционных оснований (в том числе в контексте их сферы применения);

– сформулировать определение термина «юрисдикция Международного Суда ООН», а также определения и основные характеристики каждого из оснований юрисдикции Международного Суда ООН, осуществить их сравнительный анализ;

– исследовать практику Международного Суда ООН по вопросам юрисдикции, выявить используемые им методы толкования соответствующих юрисдикционных оснований;

– проанализировать практику государств в сфере выражения согласия на юрисдикцию Международного Суда ООН, включая правовые позиции на юрисдикционной стадии рассмотрения споров с их участием, при учете

статистических данных относительно практики применения различных юрисдикционных оснований;

– рассмотреть проблемы, возникающие в контексте разных юрисдикционных оснований, в том числе в свете развивающейся практики государств и Международного Суда ООН;

– спрогнозировать возможное дальнейшее развитие системы юрисдикции Международного Суда ООН, соответствующей практики Суда по толкованию и применению различных юрисдикционных оснований, а также возможных политико-правовых последствий вынесенных им к настоящему моменту решений в этой области.

Теоретическая и методологическая основа исследования. Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания: формально-логический, формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой, анализ и синтез. Эмпирическая основа исследования включает международно-правовые документы Международного Суда ООН (судебные решения, особые мнений судей, письменные и устные заявления сторон). Теоретическую основу исследования составляют, прежде всего, многочисленные труды отечественных юристов-международников по общему международному праву, а также по проблемам мирного разрешения международных споров. В конкретном плане учтены монографические исследования по вопросам организации и функционирования Международного Суда ООН отечественных и иностранных правоведов (С.Б. Крылов, Ф.И. Кожевников, Н.Н. Полянский, Г.В. Шарманазашвили, А.Н. Вылегжанин, А. Циммерманн, С. Александров).

По итогам диссертационного исследования на защиту выносятся следующие положения:

1. Ввиду отсутствия определения понятия «юрисдикция Международного Суда ООН» в Уставе ООН (в т.ч. в такой его части, как Статут Суда), а также неоднородности придаваемых ему значений в науке и практике, предложено

следующее. Под юрисдикцией Международного Суда ООН понимаются два взаимосвязанных набора его полномочий выносить решение, имеющее обязательную силу, по правовому спору между конкретными государствами, выразившими согласие на его рассмотрение Судом на основании норм международного права: а) юрисдикция в «широком» смысле, определяемая Статутом Суда и предоставляющая ему потенциальное полномочие рассматривать определенные категории дел; и б) юрисдикция в «узком» смысле – специальная, определяемая волеизъявлением сторон в отношении данного спора и предоставляющая Суду целевое полномочие урегулировать конкретный спор. Суд рассматривает спор только в случае, если таковой подпадает под его юрисдикцию и в «широком», и в «узком» смысле.

2. Предлагаются следующие уточнения в части понятийно-терминологического аппарата, используемого в контексте темы юрисдикции Международного Суда ООН:

А. Категоризация юрисдикции Международного Суда ООН в научно-правовых публикациях и даже в некоторых документах на а) юрисдикцию «по спорным делам» и б) «консультативную юрисдикцию» представляется с точки зрения международного права не вполне корректной. Понятие «юрисдикция Международного Суда ООН» предложено использовать только применительно к спорам, переданным государствами; а в контексте вынесения Судом консультативных заключений предложено использовать понятие «компетенция Суда», также предусмотренное Статутом.

Б. Положение международного договора, в соответствии с которым государства соглашаются с тем, что связанные с данным договором споры между ними могут быть переданы на рассмотрение Суду, решения которого будут иметь обязательную силу, предложено обозначать термином «юрисдикционная клаузула», а не термином «оговорка», вопреки нередкому использованию последнего в научно-правовых публикациях в таком контексте.

В. Предложено не использовать термин «оговорки» в контексте односторонних заявлений государств о признании юрисдикции Международного Суда ООН согласно п. 2 ст. 36 Статута: для обозначения содержащихся в них ограничений юрисдикции Суда более уместным представляется термин «условия».

3. Прослеживается неоднородность практики государств по передаче споров на рассмотрение Международного Суда ООН. Ожидания разработчиков Статута о формировании всеобъемлющей обязательной юрисдикции Суда за счет участия всех государств в системе «факультативной клаузулы» не оправдались. На ограниченную практику ее применения повлиял ряд факторов: простота процедуры изменения и отзыва односторонних заявлений; сложности, вытекающие из включения в односторонние заявления условий; ограниченный круг участников; «тактические преимущества» нахождения за рамками системы и др.

4. Зародившаяся в 1980-х гг. тенденция заключения специальных соглашений для передачи споров в Суд, представлявшаяся современникам перспективной, впоследствии «угасла» по ряду причин: практическая применимость данного юрисдикционного основания только к спорам, в разрешении которых заинтересованы обе стороны; возможная неопределенность в вопросе о правовой природе заключаемого между сторонами документа; потенциальные разногласия сторон касательно предмета спора.

5. Выявлен неуклонный рост количества обращений в Международный Суд ООН, основанных на юрисдикционных клаузулах международных договоров. Прогнозируется сохранение данного тренда вопреки ряду факторов (малое число таких клаузул, успешно применявшихся в Международном Суде; оговорки к юрисдикционным клаузулам; нестабильность системы юрисдикционных клаузул) и возникших вызовов (попытки «подстраивания» споров под конвенции, содержащие

юрисдикционные клаузулы; трудности при рассмотрении «фактоемких» дел на основе юрисдикционных клаузул международных договоров и т.д.).

6. Важность принципа согласия государств на юрисдикцию определяет необходимость сбалансированной позиции Суда при толковании юрисдикционных оснований в целях установления истинного содержания волеизъявления государств-сторон спора. Применение Судом к односторонним заявлениям в рамках п. 2 ст. 36 Статута правил толкования международных договоров в части, не противоречащей особому характеру системы «факультативной клаузулы», на практике позволяло учитывать намерения соответствующих государств и их свободу усмотрения при определении «объема» согласия на юрисдикцию Суда. При этом Суд не допускал произвольного изменения государствами своих обязательств, взятых на определенный срок или при наличии в заявлении условия о предварительном уведомлении. Подчеркнута необходимость конкретных формулировок условий, включаемых в одностороннее заявление, в особенности при намерении государства исключить из юрисдикции Суда определенную ситуацию. С опорой на позицию отечественных юристов-международников и практику Суда обоснована правомерность т.н. «автоматических» условий.

7. Не могут быть поддержаны предлагаемые некоторыми авторами «более гибкие» подходы к установлению согласия государств на юрисдикцию Суда в определенных случаях (например, по спорам, касающимся прав человека), в том числе в ущерб установленным в ряде договоров досудебным процедурам, поскольку это способствовало бы потенциальным злоупотреблениям (например, юрисдикционными клаузулами международных договоров или принципом *forum prorogatum*) и подрывало бы стабильность системы международного правосудия. Позиция Суда в отношении допустимости оговорок, касающихся юрисдикционных клаузул международных договоров, содержащих нормы *jus cogens*, представляется взвешенной, вопреки мнению некоторых ученых.

Практическая и теоретическая значимость диссертационного исследования. Практическая ценность проведенного в диссертации анализа особенностей различных форм выражения согласия государств на юрисдикцию Международного Суда ООН и его подходов к толкованию соответствующих юрисдикционных оснований состоит в том, что наличие у политического руководства государства четкого представления относительно практических проблем (как с позиции заявителя, так и ответчика) при признании юрисдикции Международного Суда различными способами, предусмотренными в статье 36 Статута, позволяет принять своевременные, взвешенные решения. Они могут касаться как стадии определения параметров согласия на юрисдикцию Суда и объема передаваемых ему полномочий по разрешению споров, так и стадии подачи заявлений или же направления предварительных возражений против его юрисдикции. Значимость исследования определяется также и тем, что Российская Федерация выразила согласие на юрисдикцию Международного Суда ООН посредством участия в ряде международных договоров, содержащих юрисдикционные клаузулы, которым уделено особое внимание в настоящей работе.

Теоретическая ценность диссертационного исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в программах высших учебных заведений при уточнении и актуализации учебной дисциплины «Мирные средства разрешения международных споров», а также использованы в качестве пособия для студентов, принимающих участие в конкурсных имитационных судебных разбирательствах. Кроме того, сама диссертация может стать отправной точкой для дальнейших научных исследований практики Международного Суда ООН.

Степень достоверности и апробация результатов. Основные положения и выводы диссертации представлены в следующих публикациях:

- Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, индексируемых в SCOPUS:

1. *Vylegzhanin A.N., Ivanov D.V., Zinchenko O.I.* Claims Concerning Racial Discrimination: Jurisdictional Approaches of the International Court of Justice / Vylegzhanin A.N., Zinchenko O.I. // Kutafin Law Review. – 2022. – Vol. 9. – № 2. – P. 355 – 391.

2. *Vylegzhanin A.N., Zinchenko O.I.* Cases relating to the Law of the Sea: Issues of jurisdiction of the International Court of Justice / Vylegzhanin A.N., Zinchenko O.I. // Vestnik of Saint Petersburg University. Law. – 2023. – № 3. – P. 686 – 702.

- Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, индексируемых в ВАК:

1. *Вылегжанин А.Н., Зинченко О.И.* Юрисдикция Международного Суда ООН: некоторые теоретические вопросы. / А.Н. Вылегжанин, О.И. Зинченко // Московский журнал международного права. – 2018. – № 4. – С. 6 – 32.

2. Зинченко О.И. Международный Суд ООН на современном этапе: актуальные вызовы и перспективы / О.И. Зинченко // Право и управление. XXI век. – 2023. – № 4 (69). – С. 32 – 40.

- Прочие издания:

1. Зинченко О.И. Споры, касающиеся вооруженных конфликтов: подходы Международного Суда ООН к вопросам юрисдикции / О.И. Зинченко // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 6 (169). – С. 23 – 29.

Диссертантом представлен доклад в ходе Межвузовской научно-магистерской конференции «Актуальные вопросы международного гуманитарного права», организованной Дипломатической академией МИД России 11 мая 2022 г.[55]

Кроме того, диссертант лично принимал участие в подготовке позиций Российской Федерации в контексте дел, рассматриваемых в Международном

[55] Официальный сайт Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации // URL: https://mgimo.ru/about/news/departments/aktualnye-voprosy-mezhdunarodnogo-gumanitarnogo-prava/ (дата обращения: 11.02.2024).

Суде ООН, в т.ч. в соответствующих слушаниях в Суде (3 – 7 июня 2019 г.[56] и 6 – 14 июня 2023 г.[57]).

Структура диссертации обусловлена ее целью и задачами. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и списка литературы. В первой главе «Юрисдикция Международного Суда ООН: теоретические вопросы» рассматриваются исходные общетеоретические аспекты юрисдикции Международного Суда ООН, включая подходы юристов-международников к определению понятия юрисдикция, выделению ее видов. Отдельное внимание уделено основополагающему для юрисдикции Международного Суда принципу согласия государств. Главы 2, 3 и 4 посвящены общему анализу оснований для юрисдикции Международного Суда ООН, перечисленных в статье 36 Статута. В Главе 2 «Способы выражения согласия государств на юрисдикцию Международного Суда ООН по конкретному спору» рассмотрены случаи установления юрисдикции Суда на основании специальных соглашений и принципа *forum prorogatum*. Особое внимание в диссертационном исследовании уделено юрисдикционным клаузулам международных договоров (как наиболее часто используемому юрисдикционному основанию), которым посвящена Глава 3. В Главе 4 «Заявления государств о признании юрисдикции Суда обязательной» анализируется система «факультативной клаузулы», в том числе ее правовая природа. В заключении диссертации обобщены результаты проведенного диссертационного исследования, сформулированы основные выводы.

---

[56] *Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation)*, Judgment of 8 November 2019, Preliminary Objections, P. 11.

[57] *Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation)*, Verbatim record 2023/5, P. 10 // URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/166/166-20230606-ora-01-00-bi.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

ГЛАВА 1. ЮРИСДИКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН: НАЧАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

1.1. Понятие юрисдикции Международного Суда ООН

Международный Суд ООН, расположенный во Дворце мира в Гааге, был учрежден Уставом Организации Объединенных Наций в качестве «главного судебного органа Объединенных Наций» (ст. 92 Устава ООН); исполнение решений Суда может обеспечиваться Советом Безопасности ООН. Данный судебный орган стал преемником Постоянной Палаты Международного Правосудия, которая действовала с 1922 г. в рамках Лиги Наций.

Функции любого международного судебного органа или трибунала неразрывно связаны с понятием юрисдикция, которое берет свое начало в римском праве и означало «судопроизводство» (*jus* – «право»; *dico* – «говорю»). В популярном в англоязычной литературе юридическом энциклопедическом словаре дана такая дефиниция понятия юрисдикция (англ. "*jurisdiction*"): «термин всеобъемлющего значения, охватывающий всякую разновидность судебного действия»[58]. В общем же плане под юрисдикцией суда или трибунала понимается его полномочие решать в соответствии с применимым правом (лат. "*jus dicere*"[59]) спор определенного характера между конкретными сторонами[60].

Международные судебные органы (включая Международный Суд ООН и его «предшественницу» – Постоянную Палату Международного Правосудия) чаще всего констатировали наличие или отсутствие своей юрисдикции без проведения предметного анализа данного термина, используя его в различных значениях и обстоятельствах: в контексте рассмотрения

---

[58] Black's Law Dictionary. Definitions of the Terms and Phrases of American and English Jurisprudence, Ancient and Modern. – 6th ed. – West Publishing Company, 1990. – P. 847 ("A term of comprehensive import embracing every kind of judicial action").

[59] «Излагать закон», «вершить правосудие».

[60] *Thirlway H.* The International Court of Justice. – New York: Oxford University Press, 2016. – P. 35 ("The 'jurisdiction' of a court or tribunal is essentially the power to decide according to law (*jus dicere*) a dispute of a particular nature between specific parties").

спорных дел (*contentious cases*), вынесения консультативных заключений (*advisory opinions*)[61], для обозначения функций несудебных органов[62] и т.д. Случаи использования термина «юрисдикция» судебными инстанциями в различных контекстах подробно изложил в своей монографии проф. Ч.Ф. Амерасингх[63]. Аналогичным образом ситуация обстоит и в международно-правовой литературе[64].

Вместе с тем, отсутствие в юридической литературе и практике Международного Суда ООН единого общепризнанного определения рассматриваемого термина не свидетельствует о его малозначительности. Напротив, именно наличие у Суда юрисдикции рассматривать определенное дело регулярно становится предметом разногласий между спорящими сторонами, а его решение по данному вопросу зачастую имеет ничуть не меньшее политическое значение, чем решение по существу спора. Это обусловлено в том числе и тем, что государства выражают свою озабоченность в связи с возможным расширительным толкованием международными судебными органами своей юрисдикции и выходом за пределы соответствующих полномочий.

Таким образом, несмотря на то, что значение термина «юрисдикция» может быть установлено из контекста, в котором он употребляется в каждом конкретном случае, для неспециалиста данная задача может оказаться затруднительной. Кроме того, в теоретическом плане точность и предсказуемость использования терминологического аппарата представляет важность для науки международного права[65]. Именно нормы, регулирующие

---

[61] *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory*, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2004, P. 144, Para. 14.

[62] *Certain Expenses of the United Nations (Article 17, paragraph 2, of the Charter)*, Advisory Opinion of 20 July 1962, I.C.J. Reports 1962, P. 168 (*"... determine its own jurisdiction"*).

[63] *Amerasinghe C.F.* Jurisdiction of International Tribunals. – The Hague: Brill | Nijhoff, 2003. – P. 58.

[64] *Валеев Р.М., Курдюков Г.И.* Международное право. Общая часть: учебник. – М.: Статут, 2011. – С. 371.

[65] *Кудрявцев В.Д.* Компетенция международного суда ООН: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность: 12.00.00 / В.Д. Кудрявцев.

вопросы «юрисдикции» Международного Суда ООН, во многом определяют то место, которое Суд занимает в системе мирных средств разрешения международных споров, его отличительные черты и особенности. Наконец, «размывание» термина «юрисдикция» в политическом дискурсе, подкрепляемое в том числе соответствующей доктринальной базой, способствует продвижению концепции, направленной на «легализацию» искусственного придания политическим или техническим органам судебных функций (например, Совету Международной организации гражданской авиации [66] или Техническому секретариату Организации по запрещению химического оружия[67]).

Науч. рук. Проф. Ф.И. Кожевников; Московский государственный институт международных отношений. – Москва, 1970. – С. 90 («Для [западных] ученых отсутствует проблема юридического определения объема и характера компетенции Суда. С их точки зрения Суд должен стремиться рассматривать любой международный спор. Они пытаются теоретически свести к минимуму количество условий, ограничивающих юрисдикцию Суда. Иначе говоря, их цель – не определить юридические границы компетенции Суда, а обосновать ее практическую безграничность»).

[66] В частности, Нидерланды и Австралия подали против России жалобу в Совет ИКАО в целях установления международно-правовой ответственности России за крушение рейса МН-17, что является попыткой придания данному техническому органу судебных функций. Вместе с тем, в англо- и русскоязычной литературе и практике самого Международного Суда ООН нередки указания на «юрисдикцию ИКАО». См., например, *Appeal relating to the jurisdiction of the ICAO Council under Article 84 of the Convention on International Civil Aviation (Bahrain, Egypt, Saudi Arabia and United Arab Emirates v. Qatar)*, Judgment of 14 July 2020, I.C.J. Reports 2020. – P. 81; *Appeal relating to the jurisdiction of the ICAO Council under Article II, Section 2, of the 1944 International Air Services Transit Agreement (Bahrain, Egypt and United Arab Emirates v. Qatar)*, Judgment of 14 July 2020, I.C.J. Reports 2020. – P. 172; *Гончарова Н.Н.* Реализация международных норм и стандартов в воздушном законодательстве России в разрезе соотношения международного и российского права // Международное публичное и частное право. – 2018. – № 6. – С. 29 («В частности, интересными являются решение по делу «Индия против Пакистана» 1972 г., в рамках которого поднимался вопрос юрисдикции ИКАО…»); *Rose C.* Appeal relating to the jurisdiction of the ICAO Council. // American Journal of International Law. – 2021. – 115 (2). – P. 301. Подробнее см. *Ivanov D.V., Donakanian V.G.* The ICAO Council as a Dispute Settlement Body: Theoretical and Practical Issues. // Moscow Journal of International Law. – 2022. – № 3. – С. 41 – 43.

[67] 27.06.2018 г. на специальной сессии Конференции государств-участников Конвенции по запрещению химического оружия большинством голосов было принято решение о наделении Техсекретариата ОЗХО «аттрибутивными функциями», т.е. направленными на установление виновных в использовании химического оружия. См.: OPCW Conference of the States Parties, Fourth Special Session, Doc. C-SS-4/DEC.3, 27 June 2018 // URL: https://www.opcw.org/sites/default/files/documents/CSP/C-SS-4/en/css4dec3_e_.doc.pdf (дата обращения: 09.02.2023).

В этой связи для проведения в последующих главах настоящего диссертационного исследования обстоятельного анализа иных практических вопросов, связанных с юрисдикцией Международного Суда ООН, представляется целесообразным выработать определение термина «юрисдикция Международного Суда ООН», в том числе с учетом имеющихся в научных источниках и практике Международного Суда ООН и Постоянной Палаты Международного Правосудия позиций по данному вопросу.

В советской юридической литературе, посвященной Международному Суду ООН, наиболее часто употребим термин «компетенция» (о его различиях с термином «юрисдикция» см. далее). Так, автор первой советской монографии, посвященной Международному Суду ООН, проф. Н.Н. Полянский не приводит определения понятия «юрисдикция Международного Суда ООН». Вместе с тем, в Главе 3 («Главнейшие вопросы организации Международного Суда») его монографии [68] имеется раздел XI «Границы компетенции Международного Суда», в котором компетенция рассматривается с «объективной» и «субъективной стороны». Первая подразумевает, что только государства могут быть сторонами в деле, рассматриваемом Судом. Вторая определяется двумя положениями: во-первых, Суд рассматривает только правовые споры, а во-вторых, не вмешивается во внутренние дела государств. Также в Главе 6 («Процесс в Международном Суде») монографии проф. Н.Н. Полянского в Разделе II «Подсудность дел Международному Суду» [69] рассматриваются вопросы доступа государств к Суду; статья 36 Статута; принцип согласия государств на юрисдикцию Суда, невозможность отзыва согласия при юрисдикции, основанной на принципе *forum prorogatum*; международно-правовой характер спора (при этом, в отличие от раздела XI «Границы компетенции Международного Суда», не упоминается консультативная функция Суда). На основании положений Статута проф. Н.Н. Полянским выделяется «только два

[68] *Полянский Н.Н.* Международный Суд. – Москва: Изд-во Акад. Наук СССР, 1951. – С. 77.
[69] *Ibidem,* С. 149.

признака спора между государствами, от которых зависит отнесение его к ведению Международного Суда: субъективный и объективный»[70]. Далее проф. Н.Н. Полянский подробно рассматривает, при каких обстоятельствах «Международный Суд должен признать дело себе неподсудным»: по субъекту[71] и по предмету[72]. Наконец, проф. Н.Н. Полянский отделяет вопросы «неподсудности дела Международному Суду» от ситуации «недопустимости принятия дела Международным Судом к своему рассмотрению»[73], которая возникает, например, при соглашении сторон о «возможности выполнить или не выполнить решение Международного Суда» или при поступлении в Международный Суд дела после принятия его к рассмотрению другим компетентным органом.

Проф. С.Б. Крылов также оперирует термином «компетенция Международного Суда ООН», не раскрывая его значения, но отмечая ее факультативный характер для государств[74].

---

[70] *Ibidem,* С. 150 («Это должен быть спор между государствами, выразившими или общим образом, или для данного случая согласие на юрисдикцию Международного Суда; это должен быть спор по вопросу, который может быть разрешен на основании норм международного права»).

[71] *Ibidem,* С. 150 («Дело неподсудно Международному Суду, если оно возбуждается односторонним ходатайством против стороны, с которую сторона, ходатайствующая о рассмотрении спора, не связана соглашением об обязательной юрисдикции, если, конечно, эта сторона в данном случае не выразит сама своего согласия на юрисдикцию Международного Суда»).

[72] *Ibidem,* С. 151 (По предмету спора Международный Суд должен признать дело себе неподсудным, во-первых, тогда, когда спор не может быть разрешен на основании норм международного права […]. Спор не может быть разрешен на основании норм международного права тогда, когда он относится к области, регулируемой нормами национального права. Спор не может быть разрешен на основании норм международного права и тогда, когда он это неправовой спор»).

[73] *Ibidem,* С. 157 («… когда соглашением сторон о передаче дела на рассмотрение Суда предусмотрено какое-либо условие, противоречащее Статуту Суда».

[74] *Крылов С.Б.* Международный Суд Организации Объединенных наций: Вопросы международного права и процесса в его практике за десять лет (1947-1957). – М.: Госюриздат, 1958. – С. 10, 12; *Крылов С.Б.* История создания Организации Объединенных Наций: Разработка текста Устава Организации Объединенных Наций (1944-1945). – Под ред. [и с предисл.] проф. Тункина Г.И. – 2-е изд., доп. – Москва: Изд-во ИМО, 1960. – С. 226; *Крылов С.Б.* Материалы к истории Организации Объединенных Наций. Вып. 1. Создание текста Устава Организации объединенных наций. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1949 г.

В монографии проф. Ф.И. Кожевникова и проф. Г.В. Шармазанашвили[75] не приводится определения термина «юрисдикция Международного Суда ООН», а при рассмотрении относящихся к ней вопросов (возможность обращения в Суд только государств, добровольный характер передачи споров на его рассмотрение, наличие спора юридического характера и др.) используются также термины «компетенция», «компетентность» и «подсудность». Вместе с тем в главе V «Решения Суда по вопросу о его компетенции в конкретных делах» косвенно подтверждается выделение «общей компетенции» Суда» и компетенции рассматривать конкретное дело[76]. При этом проф. Ф.И. Кожевников отмечает: «Советская дипломатия всегда придерживалась той точки зрения, что компетенция [Международного Суда ООН] должна быть ограничена известными рамками»[77].

Проф. Анисимов Л.Н. в своей монографии подчеркивает, что «исключительно важное значение для уяснения деятельности Международного Суда ООН имеет вопрос о его компетенции или юрисдикции»[78]. При этом под юрисдикцией Суда проф. Анисимов Л.Н. понимает «правомочие Суда выносить: решения по поводу собственной компетенции относительно рассмотрения переданного ему дела; обязательные для спорящих сторон решения по существу переданных на его рассмотрение судебных дел; консультативные заключения по направленным Суду запросам». Акцентируется, что данными полномочиями Международный Суд ООН наделяется «только с согласия заинтересованных сторон, признавших, что он может действовать в означенном качестве». Проф. Л.Н. Анисимов также отмечает стремление «империалистических государств […] расширить

---

[75] *Кожевников Ф.И., Шармазанашвили Г.В.* Международный суд ООН: Организация, цели, практика. – М.: Международные отношения, 1971. – С. 25, 33 – 34, 61, 65, 67.

[76] *Кожевников Ф.И., Шармазанашвили Г.В.* Международный суд ООН: Организация, цели, практика. – М.: Международные отношения, 1971. – С. 58 («Иногда поводом для предварительных возражений является отрицание не общей компетенции суда, а непризнание его компетентности в данном конкретном случае по тем или иным мотивам»).

[77] *Кожевников Ф.И.* Советское государство и международное право. – М.: 1948. – С. 335.

[78] *Анисимов Л.Н.* Международно-правовые средства разрешения межгосударственных споров (конфликтов). – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. – С. 87.

компетенцию Международного Суда», что встречало закономерный отпор со стороны Советского Союза[79].

Ковач И. в диссертационном исследовании (под научным руководством проф. С.Б. Крылова)[80] определяет компетенцию Международного Суда как «совокупность полномочий, предоставленных ему Уставом ООН, его Статутом и Регламентом», разделяя компетенцию на «судебную» (в отношении решения международных споров) и «консультативную» (в отношении консультативных заключений). Судебная компетенция, в свою очередь, подразделяется на компетенцию *ratione personae* («компетенция по субъекту», отражающая, что только государства могут являться сторонами в спорах, разрешаемых Международным Судом) и *ratione materiae* («предметная компетенция», которая не ограничивается только юридическими спорами, а охватывает все дела, переданные Международному Суду сторонами, и все вопросы, специально предусмотренные Уставом ООН или действующими договорами и конвенциями[81]). Отмечается добровольный характер юрисдикции Международного Суда[82].

В кандидатской диссертации В.Д. Кудрявцева (под научным руководством проф. Ф.И. Кожевникова) «Компетенция Международного Суда Организации Объединенных Наций» критикуется подход ряда западных ученых, рассматривающих вопросы компетенции Суда лишь в качестве одного из процессуальных условий принятия дела к рассмотрению. Отмечается, что компетенция представляет собой «полномочия [Суда] по

---

[79] *Ibidem*, С. 89.

[80] *Ковач И.* Международный арбитраж и международный суд: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / И. Ковач; Науч. рук. проф. С.Б. Крылов; Московский государственный институт международных отношений. – Москва, 1953. – С. 255.

[81] *Ковач И.* Международный арбитраж и международный суд: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / И. Ковач; Науч. рук. проф. С.Б. Крылов; Московский государственный институт международных отношений. – Москва, 1953. – С. 272 («Нам кажется, что нельзя считать компетенцию Международного Суда ограниченной только спорами юридического характера, перечисленными в п.2 статьи 36 Статута Суда»).

[82] *Ibidem,* С. 279.

рассмотрению дела по существу, т.к. без этого невозможно разрешение спора способом юридической процедуры»[83]. Таким образом, «компетенция Суда является не условием начала процесса, но наличие у Суда этой компетенции дает ему возможность вынести необходимое решение» [84]. Приводится следующее определение данного термина: «совокупность полномочий [Международного Суда ООН] по осуществлению международного правосудия (рассмотрению юридических споров) и вынесению консультативных заключений, как это определено Уставом ООН и Статутом Международного Суда». Выделяется абстрактная или общая юрисдикция (наличие у Суда права на рассмотрение дел определенной категории согласно Статуту) и конкретная юрисдикция («компетенция на рассмотрение данного дела»)[85]. При этом не проводится существенного различия между терминами «юрисдикция» и «компетенция»[86].

В российской юридической литературе, посвященной Международному Суду ООН, также отсутствует единство в определении термина «юрисдикция Международного Суда ООН». В большинстве случаев данный термин используется без упоминания его содержательного наполнения, а также попеременно с термином «компетенция»[87] (который используется несколько реже, чем в советский период[88]).

---

[83] *Кудрявцев В.Д.* Компетенция международного суда ООН: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность: 12.00.00 / В.Д. Кудрявцев. Науч. рук. Проф. Ф.И. Кожевников; Московский государственный институт международных отношений. – Москва, 1970. – С. 89.

[84] *Ibidem,* С. 89.

[85] *Ibidem,* С. 133.

[86] *Ibidem,* С. 131.

[87] *Абашидзе А.Х., Солнцев А.М.* Мирное разрешение международных споров: современные проблемы: монография. – 2-е изд. – М.: РУДН, 2012; *Игнатенко Г.В., Тиунов О.И.* Международное право: учебник / отв. ред. Игнатенко Г.В., Тиунов О.И. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. – С. 402, 406.

[88] *Шинкарецкая Г.Г.* Тенденции развития судебных средств мирного разрешения международных споров: монография. – М.: Nota Bene, 2009. – С. 124.

Проф. Каламкарян Р.А. выделяет «спорную юрисдикцию» и «консультативную юрисдикцию» Суда[89], отмечая, что «субъектами судебного разбирательства по спорной юрисдикции выступают исключительно государства», а также акцентируя «согласительную основу», служащую «юридическим основанием при возбуждении дела в Международном Суде»[90]. Проф. Каламкарян Р.А. не разделяет взглядов о разграничении всех споров на правовые и политические[91], солидаризируясь с мнением спецдокладчика Комиссии международного права по вопросу арбитражной процедуры проф. Ж. Сселя о том, что данная дискуссия «представляется сегодня совершенно праздной»[92]. В контексте арбитража Р.А. Каламкарян характеризует термин «юрисдикция» как определяющий «компетенцию арбитражного суда вынести заключение по делу в соответствии с правом, учреждающим суд, или правом, устанавливающим его юрисдикцию»[93]. При этом отмечается, что «границы юрисдикции определяются согласно тому международно-правовому акту, на основе которого был сформирован арбитражный суд».

Д.ю.н. Шинкарецкая Г.Г. определяет понятие «компетенция» как объем полномочий международного судебного или арбитражного органа[94]. Отмечается, что компетенция определяется положениями учредительного акта судебного органа, а уточняется в «документах, которыми конкретное

---

[89] *Каламкарян Р.А.* Международный Суд в миропорядке на основе господства права. – М.: Наука, 2012. – С. 8 – 9.
[90] *Ibidem*, – С. 15
[91] *Ibidem*, – С. 103 – 105.
[92] Yearbook of the International Law Commission, 1950. – Vol. 2. – New York, 1957. – Document A/CN.4/18: Rapport par G. Scelle, rapporteur special. – P. 135 // URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1950_v2.pdf (дата обращения: 18.02.2023).
[93] *Каламкарян Р.А.* Международный Суд в миропорядке на основе господства права. – М.: Наука, 2012. – С. 117.
[94] *Шинкарецкая Г.Г.* Тенденции развития судебных средств мирного разрешения международных споров: монография. – М.: Nota Bene, 2009. – С. 120; *Шинкарецкая Г.Г.* Судебные средства разрешения международных споров: тенденции развития: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право / Г.Г. Шинкарецкая; Институт государства и права РАН. – Москва, 2010. – С. 160.

спорное дело передается на разбирательство»[95]. Акцентируется, что процесс определения компетенции является двухэтапным: «в учредительном документе устанавливаются общие рамки компетенции, а в обращении сторон ее объем уточняется»[96]. Под юрисдикцией Суда при этом понимается «право рассматривать споры с участием того или иного государства» (тогда как компетенция обозначает «объем полномочий в ходе разбирательства»)[97].

В учебнике под ред. проф. Валеева Р.М. и проф. Курдюкова Г.И. в качестве одного из значений термина юрисдикция указано следующее: «комплекс процессуальных мероприятий, входящих в компетенцию судебных органов»[98].

Проф. В.С. Верещетин, не приводя определения «юрисдикции Международного Суда ООН», отмечает, что Суд представляет собой «единственный орган международного правосудия, юрисдикция которого является глобальной и универсальной как в географическом смысле, так и с точки зрения предмета споров, связанных с международным публичным правом», акцентируя это отличие Международного Суда ООН от «других международных судебных органов и специализированных трибуналов»[99]. Среди особенностей юрисдикции Суда выделяется и то, что только государства могут являться сторонами по спорам. Проф. В.С. Верещетин косвенно подтверждает наличие юрисдикции в узком смысле[100].

В Словаре международного права, составленном Дипломатической академией МИД России, указывается, что «под юрисдикцией нередко понимают компетенцию, круг полномочий, власть, право решать те или иные

---

[95] *Ibidem*.
[96] *Ibidem*, С. 121.
[97] *Ibidem*, С. 127.
[98] *Валеев Р.М., Курдюков Г.И.* Международное право. Общая часть: учебник. – М.: Статут, 2011. – С. 372.
[99] *Тузмухамедов Б.Р.* Международное право: учебник / отв. ред. Б.Р. Тузмухамедов. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – С. 271.
[100] *Ibidem*, С. 278 («Для этого он должен также удостовериться, что данные государства выразили свое согласие стать участниками разбирательства в Суде или, иными словами, Суд имеет юрисдикцию в отношении спорящих государств»).

вопросы и т.д. Иногда юрисдикцию называют правовой властью»[101]. В другом словаре-справочнике по международному праву юрисдикция обозначается как «подсудность определенных категорий дел международным органам»[102].

Отсутствует единообразие в понимании термина «юрисдикция Международного Суда ООН» и в зарубежной литературе. Член Постоянной Палаты Международного Правосудия проф. Гарвардского университета М.О. Хадсон в своей монографии «Международные суды в прошлом и будущем» не упоминает определения термина «юрисдикция». Однако можно сделать вывод о том, что данный термин рассматривается им в широком и узком смыслах: «вопросы, касающиеся компетенции этих судов в отношении лиц» (которые «удобно рассматривать в плане общей проблемы доступа к судам») и «вопросы, касающиеся предметной компетенции судов» [103] соответственно. Он также отмечает, что: «[О]б осуществлении юрисдикции международным судом можно говорить лишь в том случае, если суд правомочен разрешать относящиеся к спору вопросы таким образом, чтобы стороны были связаны его решением»[104].

Проф. Ш. Розенн определяет термин «юрисдикция» как власть или полномочия Суда выносить решение, имеющее обязательную силу, по существу или конкретным обстоятельствам переданного ему на рассмотрение дела[105]. В данном контексте он использует понятие «основная юрисдикция» (англ.: *mainline jurisdiction*). Вместе с тем, как отмечает проф. Ш. Розенн, для наделения Суда «основной юрисдикцией» рассматривать конкретный спор

---

[101] Словарь международного права. / Отв. ред. Егоров С.А. – М: Статут, 2014. – С. 467.
[102] *Макушев П. В., Хридочкин А.В.* Международное право: словарь-справочник. – М.: Прометей, 2017. – С. 563.
[103] *Хадсон М.О.* Международные суды в прошлом и будущем. / Под ред. проф. Крылова С.Б.; Предисл. проф. Полянского Н.Н. – М.: Гос. изд-во иностр. лит. – 1947. – С. 104.
[104] *Ibidem* – С. 119.
[105] *Rosenne S.* The World Court: What it is and how it works. / T.D. Gill (ed.). – 6th edition. – Leiden: United Nations Publications, 2003. – P. 67 («.. the power or authority of the Court to render a binding decision on the substance or merits of a case placed before it»); *Гузей С.В.* Основные проблемы процесса в Международном Суде ООН и развитие норм международного процессуального права // Право и политика. – 2006. – № 6. – С. 88 – 102.

недостаточно участия соответствующих государств в Статуте – необходим «отдельный акт, направленный конкретно в отношении определенного или определимого государства в отношении определенного или определимого типа спора»[106]. Кроме того, проф. Ш.Розенн выделяет «второстепенную юрисдикцию» (англ.: *incidental jurisdiction*), которая включает в себя «ряд различных и обычно промежуточных вопросов, которые могут возникнуть в ходе ведения дела» (например, полномочия контролировать ход разбирательства, принимать решения о назначении временных мер, определять собственную юрисдикцию, рассматривать ходатайства об участии третьих сторон, полномочия толковать или пересматривать решение и т.д.). При этом целесообразность выделения данной категории обосновывается тем, что «ни один из этих вопросов второстепенной юрисдикции не зависит от прямого согласия сторон», а проистекает из Статута Суда. В основе юрисдикции Международного Суда ООН, как отмечает проф. Ш. Розенн, лежат принцип согласия государств, а также обязательный и окончательный характер решений Суда.

Основываясь на анализе ряда решений международных судебных инстанций[107], проф. Ч.Ф. Амерасингх выделяет два основных значения термина «юрисдикция». В «узком» смысле этот термин подразумевает вопросы, связанные с ограничениями по времени, месту, кругу лиц и предмету (*ratione temporis, loci, personae* and *materiae*)[108], и приравнивается автором термину «компетенция» (об их соотношении см. далее). Однако, как отмечает

---

[106] *Rosenne S.* The World Court: What it is and how it works. / T.D. Gill (ed.). – 6th edition. – Leiden: United Nations Publications, 2003. – P. 70 («To confer mainline jurisdiction requires a separate act altogether, one directed specifically towards a defined, or ascertainable, State in respect of a defined, or ascertainable type of, dispute»).

[107] В частности, Международного трибунала по бывшей Югославии. См.: *Prosecutor v. Dusko Tadic aka "Dule",* Decision on the Defence Motion on Jurisdiction, IT-94-1, International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, 10 August 1995, para. 4. // URL: https://www.refworld.org/cases,ICTY,47fdfb518.html (дата обращения: 09.02.2023).

[108] *Amerasinghe C.F.* Jurisdiction of International Tribunals. – The Hague: Brill | Nijhoff, 2003. – P. 53 («… a narrow concept of jurisdiction reduced to pleas based on the limits of its scope in time and space and as to persons and subject-matter).

проф. Ч.Ф. Амерасингх: «юрисдикция — это не просто сфера (в данном случае ее лучше описать как «компетенцию»); по сути, это — как видно из латинского происхождения самого слова, *jurisdictio* — юридическая власть, следовательно, обязательно легитимная власть «устанавливать закон» (*dire le droit*) в пределах этой сферы авторитетным и окончательным образом»[109]. Проф. Ч.Ф. Амерасингх (как и проф. Ш. Розенн) выделяет первичную (или базовую, англ.: *primary*) юрисдикцию и второстепенную (или неотъемлемую, англ.: *incidental, inherent jurisdiction*) юрисдикцию. Первая проистекает главным образом из документа (или документов), устанавливающего соответствующий международный трибунал, на рассмотрение которого передается спор[110]. Для иллюстрации второстепенной юрисдикции проф. Ч.Ф. Амерасингх приводит те же примеры, что и Ш. Розенн, и отмечает, что вопросы, в отношении которых международные трибуналы обладают второстепенной юрисдикцией, могут не быть прямо закреплены в учредительном документе суда или трибунала.

Проф. Ю. Шани отмечает, что под юрисдикцией могут пониматься «два взаимосвязанных набора юрисдикционных полномочий и условий»[111]: а) юрисдикция в «широком» смысле (*in abstracto*, абстрактная, фундаментальная), которая устанавливается учредительными документами судебного органа (и иногда нормами общего международного права) и определяет то, какие категории споров он может рассматривать, и какие «юрисдикционные условия» применимы; и б) юрисдикция в «узком» смысле (*in concreto*, конкретная, специальная), которая определяется волеизъявлением

---

[109] *Amerasinghe C.F.* Jurisdiction of International Tribunals. – The Hague: Brill | Nijhoff, 2003. – P. 53 («But jurisdiction is not merely an ambit or sphere (better described in this case as "competence"); it is basically — as is visible from the Latin origin of the word itself, *jurisdictio* — a legal power, hence necessarily a legitimate power, "to state the law" *(dire le droit)* within this ambit, in an authoritative and final matter»).

[110] *Amerasinghe C.F.* Jurisdiction of International Tribunals. – The Hague: Brill | Nijhoff, 2003. – P. 190.

[111] *Shany Y.* Questions of Jurisdiction and Admissibility before International Courts. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – P. 66 – 67 (“[…] two interlocked sets of jurisdictional authorization and conditions […]”).

государств-сторон спора и отвечает на вопрос о том, привело ли сочетание общих и конкретных условий к тому, что конкретный спор или ситуация подпадает под юрисдикцию суда[112].

Как отмечалось ранее, в практике Международного Суда ООН универсальное определение термина «юрисдикция Суда» не было выработано. Однако выделение «узкого» и «широкого» значения данного термина (прослеживающееся в работах ряда советских, российских и зарубежных ученых) косвенно подтверждается текстом решения Суда в *деле Ноттебома*: «Суд не рассматривает определение значения слова «юрисдикция» в целом. В настоящем деле он должен определить сферу действия и значение соответствующего основания юрисдикции (англ. *relevant title of jurisdiction*)» [113] . На основе выводов Суда в группе *дел, касающихся правомерности применения силы* (Сербия и Черногория против государств-членов НАТО)[114], можно также предположить, что Суд рассматривает условия его базовой юрисдикции (в «широком» смысле) как отменяющие любые противоречия в терминах, определяющих его конкретную юрисдикцию по делу[115]:

«... [П]о мнению Суда, следует проводить различие между вопросом юрисдикции, который касается согласия стороны, и вопросом о праве стороны предстать перед Судом в соответствии с требованиями Статута, который не является вопросом согласия. Вопрос заключается в том, имела ли с правовой точки зрения Сербия и Черногория право обращаться в Суд в качестве участника Статута в тот момент, когда ей было возбуждено разбирательство

---

[112] *Ibidem* ("… did the combination of general and specific authorizations and conditions bring a particular dispute or situation under the purview of the Court's jurisdictional authority?").
[113] *Nottebohm (Liechtenstein v. Guatemala),* Preliminary Objection, Judgment of November 18th 1953, I.C.J. Reports 1953, P. 121 ("The Court is not concerned with defining the meaning of the word "jurisdiction" in general. In the present case, it must determine the scope and meaning' of the relevant title of jurisdiction").
[114] См., например, *Legality of Use of Force (Serbia and Montenegro v. United Kingdom)*, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2004, P. 1307, Para. 34.
[115] *Shany Y.* Questions of Jurisdiction and Admissibility before International Courts. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – P. 73.

по этим делам. Поскольку этот вопрос не зависит от мнений или пожеланий Сторон, даже если бы они сейчас пришли к общему мнению по нему, Суду не пришлось бы принимать это мнение как обязательно правильное. Таким образом, функция Суда по исследованию данного вопроса и вынесению собственного заключения является обязательной для Суда независимо от согласия сторон и никоим образом не является несовместимой с принципом, в соответствии с которым юрисдикция Суда зависит от согласия»[116].

В приложенном к решению Международного Суда ООН по *делу о проливе Корфу* особом мнении судьи И. Дакснера указано на следующие варианты использования термина «юрисдикция» в международном праве: (1) для «признания Суда в качестве органа, созданного для цели *jus dicere*, и получения права обращаться в него»; (2) «для определения компетенции Суда, т.е. для наделения Суда правом разрешать конкретные споры»[117].

На основании вышеизложенного представляется важным выделить следующие основополагающие характеристики юрисдикции Международного Суда ООН, которые должны быть отражены в определении данного термина: принцип согласия государств на ее осуществление; правовой характер подлежащих рассмотрению Судом споров; обязательный и

---

[116] *Legality of Use of Force (Serbia and Montenegro v. United Kingdom)*, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2004, P. 1307, Para. 34 ("On this point, however, it is the view of the Court that a distinction has to be made between a question of jurisdiction that relates to the consent of a party and the question of the right of a party to appear before the Court under the requirements of the Statute, which is not a matter of consent. The question is whether as a matter of law Serbia and Montenegro was entitled to seise the Court as a party to the Statute at the time when it instituted proceedings in these cases. Since that question is independent of the views or wishes of the Parties, even if they were now to have arrived at a shared view on the point, the Court would not have to accept that view as necessarily the correct one. The function of the Court to enquire into the matter and reach its own conclusion is thus mandatory upon the Court irrespective of the consent of the parties and is in no way incompatible with the principle that the jurisdiction of the Court depends on consent").

[117] *Corfu Channel* case (*UK* v. *Albania)*, Preliminary objection, Judgment, I.C.J. Reports 1948, P. 15, Dissenting opinion by Judge *ad hoc* Daxner, P. 39 ("The word 'jurisdiction' has two fundamental meanings in international law. This word is used: (1) to recognize the Court as an organ instituted for the purpose *jus dicere* and in order to acquire the ability to appear before it; (2) to determine the competence of the Court, i.e., to invest the Court with the right to solve concrete cases").

окончательный характер решений Суда. При формулировании определения термина «юрисдикция Международного Суда ООН» представляется важным отразить дихотомию его «узкого» и «широкого» значения, поскольку это отражает тот факт, что само по себе участие государства в Статуте Международного Суда лишь «открывает» перед государством возможность представать перед Судом в роли заявителя или ответчика, но не позволяет государству «пройти через эту дверь» [118]. Вместо этого должна существовать дополнительная форма согласия на юрисдикцию Суда (в «узком» смысле). В подходах Суда к рассмотрению вопросов юрисдикции также прослеживается «разнесение» данных двух аспектов.

Вместе с тем, представляется возможным не согласиться с имеющимся в некоторых доктринальных источниках включением консультативных функций Суда в определение термина «юрисдикция» – консультативные заключения Международного Суда не являются обязательными, а при их вынесении не требуется согласия государств (более подробно различия терминов «юрисдикция» и «компетенция» изложены далее). Также представляется излишним отдельно упоминать в базовом определении термина «юрисдикция Международного Суда ООН» выделяемую некоторыми учеными «второстепенную» юрисдикцию, поскольку положения, регулирующие соответствующие вопросы (назначения Судом временных мер, принятия в процесс третьих сторон и т.д.) касаются собственно судопроизводства и представлены в одноименной главе III Статута (а не в главе II «Компетенция Суда»). Кроме того, данные вопросы не возникают в каждом деле, а также не влекут вынесения окончательных постановлений по существу спора.

Таким образом, представленный анализ позволяет выработать следующее уточненное определение термина «юрисдикция Международного

---

[118] *Murphy S.D.* Courts and Tribunals of General Jurisdiction. The International Court of Justice. // The Rules, Practice and Jurisprudence of International Courts and Tribunals. / *Giorgetti C.* (ed.) – Brill, 2012. – P. 15.

Суда ООН»: под юрисдикцией Международного Суда ООН понимаются два взаимосвязанных набора его полномочий выносить решение, имеющее обязательную силу, по правовому спору между конкретными государствами, выразившими согласие на его рассмотрение Судом на основании норм международного права: а) юрисдикция в «широком» смысле (определяемая Статутом Суда и предоставляющая ему потенциальное полномочие рассматривать определенные категории дел) и б) юрисдикция в «узком» смысле (специальная, определяемая волеизъявлением сторон в отношении данного спора и предоставляющая Суду целевое полномочие урегулировать конкретный спор). Суд рассматривает спор только в случае, если таковой подпадает под его юрисдикцию в «широком» и «узком» смысле.

Юрисдикция Международного Суда ООН в «широком» смысле. Международный судебный орган наделяется юрисдикцией в «широком» смысле в момент, когда он учреждается, то есть он получает общее право выносить решения по определенным категориям дел. Таким образом, юрисдикция в «широком» смысле термина регулируется, как правило, уставным документом соответствующего суда, которым он учреждается. В нем также определяются основные признаки, характеризующие споры или ситуации, по которым суд уполномочен выносить решения, а именно: юрисдикция *ratione personae* (юрисдикция по отношению к субъекту международного права, англ.: *personal jurisdiction*), юрисдикция *ratione materiae* (предметная юрисдикция, англ.: *subject-matter jurisdiction*), юрисдикция *ratione temporis* (временная юрисдикция, англ.: *temporal jurisdiction*) и юрисдикция *ratione loci* (пространственная или территориальная юрисдикция, англ.: *spatial or territorial jurisdiction*) [119] . Большинство подробных положений, касающихся юрисдикции, функций и полномочий

[119] *Shany Y.* Ch. 36 Jurisdiction and Admissibility // The Oxford Handbook of International Adjudication / Romano C., Alter K., Shany Y. (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 781.

Международного Суда ООН, содержатся в его Статуте, который прилагается к Уставу ООН и является его неотъемлемой частью.

Предметная юрисдикция Международного Суда ООН потенциально неограниченна и охватывает *любые* правовые споры с участием государств[120]. Так, в статье 36 Статута Международного Суда предусматривается, что «1. К ведению Суда относятся *все дела*, которые будут переданы ему сторонами, и *все вопросы*, специально предусмотренные Уставом Объединенных Наций или действующими договорами и конвенциями. 2. Государства — участники настоящего Статута могут в любое время заявить, что они признают без особого о том соглашения, *ipso facto*, в отношении любого иного государства, принявшего такое же обязательство, юрисдикцию Суда обязательной по *всем правовым спорам*, касающимся: […] b) *любого вопроса международного права*»[121]. Как отмечает проф. Н.Н. Полянский: «Значение Международного Суда как органа, компетентного в разрешении только правовых споров, подчеркивается и в ст. 92 Устава [ООН], где он называется главным судебным органом [ООН] (судебный же орган может разрешать только правовые вопросы), и в ст. 96, предусматривающей, что Генеральная Ассамблея или Совет Безопасности могут запрашивать от Международного Суда консультативные заключения по любому юридическому вопросу»[122].

Суд рассматривал дела, затрагивающие широкий круг вопросов[123], включая территориальные споры, делимитацию морских пространств[124],

---

[120] *Higgins R.* Problems and Process: International Law and How We Use It. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – P. 192; *Тузмухамедов Б.Р.* Международное право: учебник / отв. ред. Б.Р. Тузмухамедов. — 4-е изд., перераб. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – С. 271.

[121] Выделено автором.

[122] *Полянский Н.Н.* Международный Суд. – Москва: Изд-во Акад. Наук СССР, 1951. – С. 77.

[123] *Абашидзе А.Х., Солнцев А.М.* Мирное разрешение международных споров: современные проблемы: монография. – 2-е изд. – М.: РУДН, 2012. – С. 123; *Капустин А.Я., Ковлер А.И., Белялова А.М., Лебедева Я.И., Фокин Е.А.* Практика рассмотрения межгосударственных жалоб в международных судах: история вопроса и перспективы. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 6. – С. 119.

[124] *Вылегжанин А.Н.* Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. – М.: Юридическая литература, 2004. – С. 12; См. также *Вылегжанин А.Н.* Правовой статус Шпицбергена и прилегающих морских районов: академический

трансграничные водотоки, дипломатическую защиту[125], толкование договоров (в том числе в сфере защиты прав человека[126]), экономические и экологические споры[127], применение силы, международное гуманитарное право[128]. В ряде случаев Суд сталкивался с предварительными возражениями государств, касающимися юрисдикции *ratione materiae*: в частности, о наличии «правового спора» между сторонами[129]. Суд, толкуя положения статьи 36 (1) Статута («все дела» или «все вопросы»), установил, что его юрисдикция *ratione materiae* ограничена лишь «правовыми спорами» (как прямо предусмотрено только в статье 36 (2) Статута)[130]. «Классическое» определение понятия спора было дано Постоянной Палатой Международного Правосудия в *деле о палестинских концессиях Мавромматиса*: «разногласие по вопросу права или факта, конфликт правовых взглядов или интересов между двумя лицами»[131] (в *деле о Восточном Тиморе* данное определение

учебник для магистратуры / А.Н. Вылегжанин, В.К. Зиланов, В.М. Савва; отв. ред. А.Н. Вылегжанин. – М.: Норма, 2019. – С. 74, 86.

[125] *Нагиева А.А.* Дипломатическая защита бипатридов. // Московский журнал международного права. – 2015 (2). – С. 65.

[126] *Вылегжанин А.Н., Зинченко О.И.* Юрисдикция Международного Суда ООН: некоторые теоретические вопросы. // Московский журнал международного права. – 2018(4). – С. 18.

[127] *Боклан Д.С.* Практика разрешения Международным Судом ООН споров, вытекающих из международных экологических и международных экономических отношений // Международное правосудие. – №2 (10). – 2014. – С. 99; *Боклан Д.С.* Международное экологическое право и международные экономические отношения: монография. — М.: Магистр: ИНФРА-М, 2020. – С. 116.

[128] *Верещетин В.С.* Международный Суд ООН на новом этапе // Московский журнал международного права. – 2002. – № 2. – С. 74 – 85; *Абашидзе А.Х., Солнцев А.М.* Мирное разрешение международных споров: современные проблемы: монография. – 2-е изд. – М.: РУДН, 2012. – С. 123.

[129] *South West Africa (Ethiopia v. South Africa; Liberia v. South Africa)*, Preliminary Objections, Judgment of 21 December 1962, I.C.J. Reports 1962, P. 319, 328 (“Before undertaking this task, however, the Court finds it necessary to decide a preliminary question relating to the existence of the dispute which is the subject of the Applications”); *Aegean Sea Continental Shelf (Greece v. Turkey)*, Jurisdiction of the Court, Judgment, I.C.J. Reports 1978, P. 13; *East Timor (Portugal v. Australia)*, Judgment, I.C.J. Reports 1995, P. 90, 99 – 100.

[130] *Tomuschat C.* Article 36 // *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.) The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 721; *Shany Y.* Questions of Jurisdiction and Admissibility before International Courts. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – P. 69.

[131] *Mavrommatis Palestine Concessions (Greece v. United Kingdom)*, Jurisdiction, Judgment of August 30 1924, 1924 PCIJ Series A, № 2, P. 11 (“A dispute is a disagreement on a point of law or fact, a conflict of legal views or of interests between two persons”).

было уточнено посредством изменения формулировки на «между двумя сторонами»[132]). Однако в практике Суда не встречалось ситуаций его отказа рассматривать дело по причине того, что спор был определен как сугубо политический.

Юрисдикция *ratione personae* Международного Суда ООН, напротив, является ограниченной, так как, например, Суд не может рассматривать споры между государствами и частными лицами, а также международными организациями. Для сравнения: Международный трибунал по морскому праву потенциально доступен, прежде всего, для всех государств, являющихся участниками Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 г. (юрисдикция *ratione personae*), в отношении споров, касающихся этой Конвенции (юрисдикция *ratione materiae*)[133]. Апелляционный орган Всемирной Торговой Организации доступен для разрешения торговых споров (юрисдикция *ratione materiae*) между ее членами (юрисдикция *ratione personae)*. Европейский Суд по правам человека вправе рассматривать жалобы физических лиц и организаций против государства-участника Конвенции о защите прав человека и основных свобод и межгосударственные жалобы (юрисдикция *ratione personae*), которые касаются толкования и применения положений Конвенции и протоколов к ней (юрисдикция *ratione materiae*)[134].

Таким образом, юрисдикция в «широком» смысле предоставляет суду лишь потенциальное или абстрактное (*in abstracto*) полномочие рассматривать определенные категории дел[135].

---

[132] *East Timor (Portugal v. Australia)*, Judgment, I.C.J. Reports 1995, P. 90, 99, para. 22 ("The Court recalls that, in the sense accepted in its jurisprudence and that of its predecessor, a dispute is a disagreement on a point of law or fact, a conflict of legal views or interests between parties").

[133] *Вылегжанин А.Н.* Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. – М.: Юридическая литература, 2004. – С. 11, 179 – 180.

[134] *Лукьянцев Г.Е.* Европейские стандарты в области прав человека: теория и практика функционирования Европейской конвенции о защите прав и основных свобод. – М.: Звенья, 2000. – С. 70; *Капустин А.Я.* Международное судебное толкование международного договора: современные тренды // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. – № 8. – С. 107.

[135] *Shany Y.* Questions of Jurisdiction and Admissibility before International Courts. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – P. 22.

Юрисдикция Международного Суда ООН в «узком» смысле. В «узком» смысле термин юрисдикция используется для «наделения Суда правом решать конкретные дела» [136] . Такое конкретное (*in concreto*) полномочие суда рассматривать определенный спор зависит от того документа, на основании которого спор передан суду в соответствии с его учредительными актами[137]. Например, когда учредительные акты содержат условие, предусматривающее согласие стороны, суд будет наделен юрисдикцией в «узком» смысле, только если это условие было выполнено в конкретном случае[138] (например, путем совместной подачи заявления в суд или посредством подразумеваемого согласия, вытекающего из поведения государства-ответчика – т.н. *forum prorogatum*, см. далее).

Отмечается, что юрисдикция в «широком» смысле регулирует и ограничивает полномочия спорящих сторон наделять международные суды юрисдикцией в «узком» смысле, так как стороны не могут предоставить судам полномочия за пределами юрисдикции, установленной их учредительными актами[139]. Однако потенциальные участники судебного разбирательства могут ограничить юрисдикцию Суда (в «узком» смысле), например, исключив из нее определенные категории споров, которые иначе подпадали бы под его юрисдикцию в «широком» смысле.

Так, государства, заключающие соглашения о передаче будущих споров на рассмотрение Международного Суда ООН, обычно ограничивают его юрисдикцию *ratione temporis* (в «узком» смысле) спорами, возникающими после определенной даты. Примером может служить статья 27 Европейской

---

[136] *Corfu Channel* (*UK* v. *Albania*), Judgment of 25 March 1948, Preliminary objection, I.C.J. Reports 1948, P. 15, *Dissenting opinion of Judge ad hoc Daxner J.*, P. 39.
[137] *Shany Y.* Questions of Jurisdiction and Admissibility before International Courts. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – P. 22.
[138] *Case Concerning the Factory at Chorzów (Germany v. Poland)*, Claim for Indemnity, Jurisdiction, 1927 PCIJ Series A, № 9 (July 26), P. 32 (“When considering whether it has jurisdiction or not, the Court’s aim is always to ascertain whether an intention on the part of the Parties exists to confer jurisdiction upon it”).
[139] *Shany Y.* Questions of Jurisdiction and Admissibility before International Courts. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – P. 25.

конвенции о мирном урегулировании споров, которая ограничивает согласие государств-участников Конвенции на рассмотрение Судом споров лишь теми из них, которые касаются фактов или ситуаций, возникших после вступления в силу данного международного договора между сторонами спора. Это положение было использовано Судом для обоснования вывода о том, что он не обладает юрисдикцией в отношении спора между Лихтенштейном и Германией, возникшего в результате конфискации имущества после Второй мировой войны[140]. Для целей ограничения юрисдикции Суда государства могут также установить определенные условия, такие как необходимость исчерпания других международных процедур урегулирования споров до передачи возникших разногласий на рассмотрение Международного Суда. Например, в *деле о применении Конвенции о запрещении всех форм расовой дискриминации* (Грузия против России) Суд пришел к выводу об отсутствии юрисдикции ввиду положения статьи 22 Конвенции, которое было истолковано Судом как устанавливающее предварительные условия для его юрисдикции, что в данном деле не было соблюдено[141] (Грузией не были проведены переговоры с Россией по содержавшимся в обращении обвинениям в расовой дискриминации[142]).

Соотношение терминов «компетенция» и «юрисдикция» Международного Суда ООН. Как отмечалось ранее, в английских текстах документов Суда термины «компетенция» и «юрисдикция» не всегда используются с филигранной юридической точностью; нередко они используются как взаимозаменяемые даже в одном предложении. Кроме того,

---

[140] *Case Concerning Certain Property (Liechtenstein v. Germany)*, Preliminary objections, Judgment of 10 February 2005, I.C.J. Reports 2005, P. 27.

[141] *Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation)*, Judgment of 1 April 2011, Preliminary objections, I.C.J. Reports 2011, P. 70, 128 – 130.

[142] *Тузмухамедов Б.Р.* Международное право: учебник / отв. ред. Б.Р. Тузмухамедов. — 4-е изд., перераб. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – С. 287.

в юридической литературе (как западной[143], так и отечественной[144]) и в практике Суда[145] наблюдается категоризация юрисдикции на два вида: юрисдикция по спорным делам (англ. *"contentious jurisdiction"*) и консультативная юрисдикция (англ. *"advisory jurisdiction"*[146]). Под последней понимается закрепленное в статье 65 Статута полномочие Суда «давать консультативные заключения по любому юридическому вопросу, по запросу любого учреждения, уполномоченного делать такие запросы самим Уставом Объединенных Наций или согласно этому Уставу». Хотя настоящая диссертационная работа посвящена юрисдикции Международного Суда ООН по спорным делам и не «охватывает» его функции, закрепленные статьей 65 Статута, указанное условное разделение его юрисдикции заслуживает терминологической ремарки.

В то время как Глава II Статута Суда носит название «Компетенция Суда» (англ. *Competence of the Court*; фр. *Compétence de la Cour*), во включенных в нее статьях (ст. 34 – 38) термины «юрисдикция» и «компетенция» используются в официальных текстах на разных языках не всегда однообразно[147]. В английском и русском текстах Статута термин

---

[143] *Sohn L.* Broadening the Advisory Jurisdiction of the International Court of Justice. // American Journal of International Law. – 1983. – Volume 77. – Issue 1. – P. 124-129; *Akande D.* The Competence of International Organizations and the Advisory Jurisdiction of the International Court of Justice // European Journal of International Law. – Volume 9. – 1998. – P. 437-446.

[144] *Анисимов Л.Н.* Международно-правовые средства разрешения межгосударственных споров (конфликтов). – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. – С. 93; *Каламкарян Р.А.* Международный Суд в миропорядке на основе господства права. – М.: Наука, 2012. – С. 8 – 9; *Смбатян А.С.* Консультативная юрисдикция Международного Суда ООН // Современное право. – 2009. – № 2. – С. 98 – 101.

[145] См., напр., *Legal Consequences of the Separation of the Chagos Archipelago from Mauritius in 1965*, Advisory Opinion of 25 February 2019, P. 17 ("The Court's jurisdiction to give an advisory opinion is based on Article 65, paragraph 1, of its Statute which provides that "[t]he Court may give an advisory opinion on any legal question at the request of whatever body may be authorized by or in accordance with the Charter of the United Nations to make such a request".); см. также Официальный сайт Международного Суда ООН // URL: https://www.icj-cij.org/en/advisory-jurisdiction

[146] *Higgins R., Webb P., Akande D., Sivakumaran S., Sloan J.* Oppenheim's International Law: United Nations. – Oxford, 2017. – P. 1167.

[147] *Вылегжанин А.Н., Зинченко О.И.* Юрисдикция Международного Суда ООН: некоторые теоретические вопросы. // Московский журнал международного права. – 2018. – № 4. С. 10.

«*юрисдикция*» (“*jurisdiction*”) используется только в ст. 36 Статута, в которой содержатся базовые положения, касающиеся рассмотрения Судом споров между государствами. Эта же статья на французском языке содержит некоторые несоответствия: в ней содержится как термин *“juridiction”* (в п. 2 и 5), так и термин *“compétence”* (в п. 1 и 6). В ст. 53 содержатся термины «подсудность» на русском, *“jurisdiction”* на английском и *“compétence”* на французском. При этом не содержится упоминания слова «юрисдикция» в текстах Статута на всех трех языках в главе IV «Консультативные заключения»: вместо этого используется термин «осуществление его консультативных функций» (англ. “*exercise of its advisory functions*”, фр. “*l'exercice de ses attributions consultatives*”).

Указанные несоответствия породили научную дискуссию о соотношении понятий «юрисдикция» и «компетенция» Суда. Многие правоведы исходят из тождественности их юридического значения. Так, по мнению профессора Х. Терлвея (ранее являвшегося главным юридическим советником Суда), полномочие определять свою «юрисдикцию (*jurisdiction*)» присуще не только судебным и арбитражным органам, но также и «политическим органам (*political organs*)», хотя здесь «термин «юрисдикция» имеет иную значимость» [148]. В качестве подтверждения данной позиции Х. Терлвей приводит следующую цитату из консультативного заключения Суда «о некоторых расходах ООН»: «каждый орган должен определить свою юрисдикцию»[149]. В монографии проф. М.О. Хадсона в разделе «Юрисдикция международных судов» рассматриваются в том числе вопросы полномочий по вынесению ими консультативных заключений[150]. Проф. М. Шоу также в своем

---

[148] *Thirlway H.* The International Court of Justice. – New York: Oxford University Press, 2016. – P. 38 (“… though the term jurisdiction then has a different significance”).

[149] *Certain Expenses of the United Nations (Article 17, paragraph 2, of the Charter)*, Advisory Opinion of 20 July 1962, I.C.J. Reports 1962, P. 168 (*“... determine its own jurisdiction”*).

[150] *Хадсон М.О.* Международные суды в прошлом и будущем. / Под ред. проф. Крылова С. Б.; Предисл. проф. Полянского Н.Н. – М.: Гос. изд-во иностр. лит. – 1947. – С. 104, 120 («Поскольку положение устава Лиги наций о консультативных заключениях содержалось в виде ссылки в статуте Постоянной Палаты Международного Правосудия, последняя с самого начала своей деятельности стремилась включить право осуществления

учебнике в разделе «Юрисдикция Суда (*Jurisdiction of the Court*)» рассматривает вопросы, выходящие за рамки этого понятия, такие как источники международного права и консультативные заключения Суда[151]. Он указывает, что «юрисдикция Суда» включает в себя «его способность давать консультативные заключения» [152] . Проф. Ш. Розенн в разделе, верно именуемом «Консультативные заключения Суда и его консультативная компетенция» («The Advisory Opinions of the Court and its Advisory Competence»), тем не менее, использует термины «юрисдикция» и «компетенция» как взаимозаменяемые[153].

Представляется возможным не согласиться с западными авторами по данному вопросу. В отношении Международного Суда ООН термин «компетенция Суда» шире по значению, чем термин «юрисдикция Суда», и охватывает последний. Большая Советская энциклопедия определяет термин «компетенция» как «круг полномочий какого-либо учреждения или должностного лица»[154]. Аналогичная трактовка прослеживается и в других научных трудах, например, в диссертационном исследовании И. Ковача (под научным руководством проф. С.Б. Крылова) [155] . Уточненное определение термина «компетенция того или иного органа» рассматривается в диссертационном исследовании В.Д. Кудрявцева (под научным руководством проф. Ф.И. Кожевникова) – «совокупность полномочий по непосредственному осуществлению им своих специфических задач, как они определены в

консультативной юрисдикции в общую систему судебных полномочий»; *выделено автором*).

[151] *Shaw M.* International Law. – 8th ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – P. 808-816.

[152] *Ibidem*, P. 812 (*"... its capacity to give advisory opinions"*).

[153] *Rosenne S.* The World Court: What it is and how it works. / T.D. Gill (ed.). – 6th edition. – Leiden: United Nations Publications, 2003. – P. 86.

[154] Большая Советская Энциклопедия, 2-е изд., т.22. – С. 292.

[155] *Ковач И.* Международный арбитраж и международный суд: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / И. Ковач; Науч. рук. проф. С.Б. Крылов; Московский государственный институт международных отношений. – Москва, 1953. – С. 13 («компетенция означает полномочия, которыми располагает какой-либо орган или должностное лицо»).

основном нормативном акте (Статуте, Уставе, Положении и т.д.), конституирующем этот орган»[156].

В этой связи более оправданным является использование термина «юрисдикция» только применительно к спорам, переданным Суду государствами (любым из способов, перечисленных в ст. 36). В контексте вынесения Судом консультативных заключений (а также в отношении политических органов, которые не осуществляют судебных функций) более точным будет являться термин «компетенция». Разделение понятий «юрисдикция» и «компетенция» прослеживается в советской правовой доктрине[157]. Так, проф. Н.Н. Полянский в монографии использует термин «консультативная функция» Международного Суда. При этом дача консультативных заключений понимается как составная часть «компетенции» Международного Суда[158]. Вопрос о компетенции *Суда* может возникнуть и в иных случаях: например, когда международная организация предоставляет по своей инициативе согласно ст. 34 Статута информацию, которая, по мнению этой организации, относится к делу, рассматриваемому Судом[159].

Как отмечалось ранее, в английских текстах документов Суда термины «компетенция» и «юрисдикция» не всегда используются с филигранной юридической точностью; нередко они используются как взаимозаменяемые

---

[156] *Кудрявцев В.Д.* Компетенция международного суда ООН: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность: 12.00.00 / В.Д. Кудрявцев. Науч. рук. Проф. Ф.И. Кожевников; Московский государственный институт международных отношений. – Москва, 1970. – С. 104.

[157] *Полянский Н.Н.* Вопросы Международного Суда на конференции в Сан-Франциско. Стенограмма публичной лекции доктора юридических наук Н.Н. Полянского, прочитанной 2 августа 1945 г. в Лекционном зале в Москве. – М.: 1946 г. – С. 16 («Вопрос о том, должна ли юрисдикция Международного Суда быть обязательной или нет, не может быть решен в отрыве от вопроса о компетенции Международного Суда»); *Кожевников Ф.И., Шармазанашвили Г.В.* Международный суд ООН: Организация, цели, практика. – М.: Международные отношения, 1971. – С. 36-37.

[158] *Полянский Н.Н.* Международный Суд. – Москва: Изд-во Акад. Наук СССР, 1951. – С. 83 – 84

[159] *Вылегжанин А.Н., Зинченко О.И.* Юрисдикция Международного Суда ООН: некоторые теоретические вопросы. // Московский журнал международного права. – 2018. – № 4. С. 11.

даже в одном предложении[160]. Однако используемый для целей настоящего диссертационного исследования терминологический аппарат учитывает указанное разграничение, в связи с чем предмет исследования включает в себя вопросы юрисдикции Международного Суда ООН, а не его компетенции выносить консультативные заключения.

1.2. Принцип согласия государств на юрисдикцию Международного Суда ООН.

Важнейшим принципом, на котором зиждется вся деятельность Суда, является то, что его юрисдикция основана на согласии государств и их суверенной воле[161], как Суд неоднократно подтверждал в своей практике[162].

---

[160] *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory*, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2004, P. 144, Para. 14 ("The Court will thus first address the question whether it possesses jurisdiction to give the advisory opinion requested by the General Assembly on 8 December 2003. The competence of the Court in this regard is based on Article 65, paragraph 1, of its Statute […]"; *выделено автором*).

[161] *Полянский Н.Н.* Международный Суд. – Москва: Изд-во Акад. Наук СССР, 1951. – С. 67 – 76; *Дурденевский В.Н.* Международное право. Учебник / Грабарь В.Э., Дурденевский В.Н., Кожевников Ф.И., Колчановский Н.П., Крылов С.Б. (Под общ. ред.), Левин Д.Б., Любимов Н.Н., Перетерский И.С.; Под общ. ред. Дурденевский В.Н. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. – С. 477; *Шинкарецкая Г.Г.* Тенденции развития судебных средств мирного разрешения международных споров: монография. – М.: Nota Bene, 2009. – С. 127; *Оппенгейм Л.* Международное право. – Т.II. – Полут. I. – М.: Иностр. лит., 1949. – С. 88; *Higgins R.* Problems and Process: International Law and How We Use It. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – P.186; *Thirlway H.* The International Court of Justice. – New York: Oxford University Press, 2016. – P. 35; *Mackenzie R., Romano C., Shany Y., Sands P.* The Manual on International Courts and Tribunals. 2nd Edition. – Oxford: Oxford University Press. 2010. – P. 14; *Rosenne S.* International Courts and Tribunals, Jurisdiction and Admissibility of Inter-State Applications // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2006; *Rosenne S.* The Law and Practice of the International Court, 1920-2005. – Volume II, Jurisdiction. – 4th ed.– Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2006. – P. 549 – 562; *Murphy S.D.* Courts and Tribunals of General Jurisdiction. The International Court of Justice. // The Rules, Practice and Jurisprudence of International Courts and Tribunals. / *Giorgetti C.* (ed.) – Brill, 2012. – P. 15; *Капустин А.Я., Ковлер А.И., Белялова А.М., Лебедева Я.И., Фокин Е.А.* Практика рассмотрения межгосударственных жалоб в международных судах: история вопроса и перспективы. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 6. – С. 120.

[162] Напр., *Anglo-Iranian Oil Co. case (United Kingdom v. Iran)*, Jurisdiction, Judgment of July 22nd 1952, I.C.J. Reports 1952, P. 93, 102– 103; *Monetary Gold removed from Rome in 1943 (Italy v France, UK and US)*, Preliminary Question, I.C.J. Reports 1954, P. 19, 32; *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Jurisdiction and Admissibility, I.C.J. Reports 1984, P. 392, 431; *Certain Phosphate Lands in Nauru (Nauru v Australia)*, Preliminary Objections, I.C.J. Reports 1992, P. 240, 259 – 262; *East Timor (Portugal v Australia)*, I.C.J. Reports 1995, P. 90, 101; *Fisheries Jurisdiction (Spain v Canada)*, Jurisdiction, I.C.J. Reports 1998, P. 432, 453, 456.

Однако особенностью Международного Суда ООН является то, что одного лишь присоединения государства к его Статуту недостаточно для того, чтобы Суд мог рассматривать споры с участием данного государства (в отличие, например, от Европейского Суда по правам человека, который может рассматривать жалобы против государств в силу одного лишь факта их участия в Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Как отмечалось, для разрешения конкретного спора необходимо наличие своего рода «дополнительного» согласия государств, являющихся сторонами спора, на то, чтобы Суд его рассмотрел[163]. Формы, в которых оно может выражаться, исчерпывающим образом[164] перечислены в ст. 36 Статута Суда, а именно:

«1. К ведению Суда относятся все дела, которые будут переданы ему сторонами, и все вопросы, специально предусмотренные Уставом Объединенных Наций или действующими договорами и конвенциями.

2. Государства — участники настоящего Статута могут в любое время заявить, что они признают без особого о том соглашения, *ipso facto*, в отношении любого иного государства, принявшего такое же обязательство, юрисдикцию Суда обязательной по всем правовым спорам, касающимся:

a) толкования договора;

b) любого вопроса международного права;

c) наличия факта, который, если он будет установлен, представит собой нарушение международного обязательства;

d) характера и размеров возмещения, причитающегося за нарушение международного обязательства.

3. Вышеуказанные заявления могут быть безусловными, или на условиях взаимности со стороны тех или иных государств, или же на определенное время.

---

[163] Международное право: учебник для академического бакалавриата. / отв. ред. А.Н. Вылегжанин. – М.: Юрайт, 2015. – С. 483.

[164] *Thirlway H.* The Law and Procedure of the International Court of Justice: Fifty Years of Jurisprudence. Volume I. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 707.

4. Такие заявления сдаются на хранение Генеральному Секретарю, который препровождает копии таковых участникам настоящего Статута и Секретарю Суда.

5. Заявления, сделанные на основании статьи 36 Статута Постоянной Палаты Международного Правосудия, продолжающие оставаться в силе, считаются, в отношениях между участниками настоящего Статута, признанием ими юрисдикции Международного Суда для себя обязательной на неистекший срок действия этих заявлений и в соответствии с условиями, в них изложенными.

6. В случае спора о подсудности дела Суду вопрос разрешается определением Суда».[165]

Таким образом, в статье 36 Статута, которая является отражением принципа согласия государств[166], указаны два основных варианта признания юрисдикции Суда[167]:

1. в форме договора (п. 1 ст. 36), под которым понимаются следующие две разновидности:

- специальное соглашение или «компромисс»[168] (англ. *special agreement*, фр. *compromis*), заключенное между государствами-сторонами спора для передачи его на рассмотрение Международному Суду, и
- международные договоры, содержащие клаузулы о юрисдикции Суда;

---

[165] Статут Международного Суда ООН, 18 апреля 1946 г. // URL: http://www.un.org/ru/icj/statut.shtml

[166] *Tomuschat C.* Article 36. // *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J. (Ed.)* The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 728.

[167] *Симонова Н.С.* Проблема обязательной юрисдикции Международного Суда ООН сквозь призму способов ее признания // Международное публичное и частное право. – 2016. – № 4. – С. 10 – 13; *Плотников А.В.* Юрисдикционный конфликт и диалог международных судов в процессе фрагментации международного права // Российский юридический журнал. – 2012. – № 4. – С. 108 – 118.

[168] Международное право: Учебник / Отв. Ред. Ю.М.Колосов, Э.С.Кривчикова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 350.

2. в форме одностороннего заявления[169] (англ. *Optional Clause declaration*) о признании юрисдикции Суда (или остающегося в силе заявления о признании юрисдикции Постоянной Палаты Международного Правосудия) в соответствии с п. 2 и 5 упомянутой статьи.

К первой категории способов признания юрисдикции Суда (п. 1 ст. 36 «все дела, которые будут переданы [Суду] сторонами») в литературе[170] также условно относят ситуации использования принципа *forum prorogatum*, в соответствии с которым Суд может признать наличие у себя юрисдикции рассматривать спор, если действия или бездействие государства-ответчика свидетельствуют о наличии на то согласия (например, отказ от подачи предварительных возражений, касающихся юрисдикции Суда, при наличии «пороков» оснований для ее установления).

Процедурные правила, касающиеся данных оснований для признания юрисдикции Международного Суда ООН, более детально изложены в его Регламенте [171] , положения которого неоднократно будут упоминаться в настоящей работе.

Таким образом, согласие государства на юрисдикцию Международного Суда ООН может быть непосредственным (как в случае заключения сторонами соглашения о разрешении в судебном порядке конкретного возникшего спора) или же более всеобъемлющим и продолжительным по действию (например, когда государства заключают договор по урегулированию будущих споров или многостороннюю конвенцию, содержащую положение, предусматривающее судебное урегулирование

---

[169] *Симонова Н.С.* Факультативность обязательности в дискуссии о юрисдикции Международного Суда ООН // Российская юстиция. – 2016. – № 8. – С. 23 – 25; *Гузей С.В.* Основные проблемы процесса в международном суде ООН и развитие норм международного процессуального права // Право и политика. – М.: NotaBene, 2006. – № 6. – С. 88 – 102.

[170] *Thirlway H.* The Law and Procedure of the International Court of Justice: Fifty Years of Jurisprudence. Volume I. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 707.

[171] Регламент Международного Суда ООН, 14 апреля 1978 г. // URL: http://www.un.org/ru/icj/rules_part3.shtml#a1

разногласий между сторонами в отношении ее толкования или применения)[172]. Как отмечает бывший главный юридический советник Международного Суда ООН профессор Х. Терлвей[173], ввиду того, что юрисдикция устанавливается на основе согласия, можно сделать вывод о том, что она основывается исключительно на международных договорах, и что не существует юрисдикции, базирующейся на нормах обычного международного права. Представляется, что с данным тезисом можно согласиться.

Юридическая сила проявленного государством согласия на юрисдикцию Международного Суда ООН не зависит от того, каким образом оно было выражено[174]. Данный принцип, отраженный в статье 36 Статута Суда, основывается на международной практике урегулирования споров и логически вытекает из принципа суверенного равенства государств[175]. В этой связи Суд большое внимание уделяет изучению оснований для его юрисдикции при рассмотрении каждого конкретного дела[176]. Это означает, что государство не может быть принуждено к признанию юрисдикции Суда вне рамок тех условий, которыми ограничено согласие данного государства. Такой принцип был признан приемлемым решением, которое было принято по итогам дискуссий о целесообразности обязательной юрисдикции Суда (англ. *compulsory jurisdiction*) в рамках Комитета юристов, которому была поручена разработка Статута[177].

---

[172] *Thirlway H.* The International Court of Justice. – New York: Oxford University Press, 2016. – P. 35 – 36.
[173] *Ibidem*. – P. 36.
[174] *Rosenne S.* International Courts and Tribunals, Jurisdiction and Admissibility of Inter-State Applications // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2006.
[175] *Crawford J.* Brownlie's Principles of Public International Law. – 8th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 724.
[176] *Mavrommatis Palestine Concessions (Greece v. United Kingdom)*, Jurisdiction, Judgment of August 30 1924, 1924 PCIJ Series A, № 2, P. 6, 16; *Капустин А.Я., Ковлер А.И., Белялова А.М., Лебедева Я.И., Фокин Е.А.* Практика рассмотрения межгосударственных жалоб в международных судах: история вопроса и перспективы. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 6. – С. 119.
[177] *Tomuschat C.* Article 36. // *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J. (Ed.)* The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 719.

Важно отметить, что Суд не выходил за рамки оснований для своей юрисдикции даже в случаях, когда речь шла о предполагаемых нарушениях обязательств *erga omnes* или норм *jus cogens*[178]. По справедливому замечанию профессора международного права и одного из комментаторов Статута Суда К. Томушата, позиция Суда является обоснованной, так как иначе любой вооруженный конфликт автоматически становился бы основанием для юрисдикции Суда ввиду того, что принцип неприменения силы относится к категории норм *jus cogens* [179] , что, безусловно, противоречило бы фундаментальному принципу согласия государств.

Как справедливо отмечает судья Международного Суда ООН Сюэ Х. (Китай)[180], принцип согласия на юрисдикцию подразумевает то, что такое согласие должно даваться отчетливо и недвусмысленно. Разногласия между сторонами по данному вопросу (т.е. о том, имелось ли четкое и недвусмысленное согласие на юрисдикцию) встречаются в практике Суда наиболее часто. В последующих разделах настоящего исследования на примере конкретных дел, рассмотренных Международным Судом ООН, будет наглядно продемонстрировано, что принцип согласия государств признавался главным судебным органом ООН как краеугольный не только в контексте специальных соглашений и юрисдикционнных клаузул международных договоров, но и в системе так называемой «обязательной юрисдикции» Суда.

---

[178] *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro)*, Judgment, I.C.J. Reports 2007, P. 107, Para. 147.

[179] *Tomuschat C.* Article 36. // *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J. (Ed.)*. The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 732; *Черниченко С.В.* Взаимосвязь императивных норм международного права (*jus cogens*) и обязательств *erga omnes* // Московский журнал международного права. – М.: Международные отношения, 2012. – № 3. – С. 3 – 16.

[180] *Xue H.* Jurisdiction of the International Court of Justice. – Leyden: Brill/Nijhoff, 2017. – P. 57.

ГЛАВА 2. СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СОГЛАСИЯ ГОСУДАРСТВ НА ЮРИСДИКЦИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН ПО КОНКРЕТНОМУ СПОРУ

2.1. Понятие и содержание специального соглашения

Исторически специальное соглашение явилось первой формой [181] выражения согласия на юрисдикцию международного трибунала. Под специальным соглашением (или «компромиссом» [182] , от фр. *compromis*) сегодня понимается соглашение о передаче конкретного спора для его разрешения судебным или арбитражным органом[183]. А.Х. Абашидзе и А.М. Солнцев определяют компромисс как «удостоверенное специальным юридическим актом соглашение спорящих сторон подвергнуть их конфликт третейскому разбирательству и решению особо выбранного лица или лиц»[184]. Другие авторы конкретизируют определение следующим образом: соглашение, в соответствии с которым два или более государства или других уполномоченных субъекта соглашаются передать определенный спор в конкретный суд или трибунал для принятия решения, имеющего обязательную силу, и их явное или подразумеваемое согласие выполнить это решение[185]. Таким образом, определяющей чертой компромисса является его природа *ad hoc*, в соответствии с которой стороны выбирают судебное

---

[181] *Rosenne S.* International Courts and Tribunals, Jurisdiction and Admissibility of Inter-State Applications // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2006 (“The earlier, historically, is the special agreement (also widely known under its French name *compromis*) ... ”).

[182] *Колосов Ю.М.* Международное право: Учебник / Отв. Ред. Ю.М.Колосов, Э.С.Кривчикова, 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 350. (816 с.)

[183] *Thirlway H. Compromis* // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2006.

[184] *Абашидзе А.Х., Солнцев А.М.* Мирное разрешение международных споров: современные проблемы: монография. – 2-е изд. – М.: РУДН, 2012. – С. 80.

[185] *Rosenne S.* International Courts and Tribunals, Jurisdiction and Admissibility of Inter-State Applications // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2006.

урегулирование уже возникшего конкретного спора, а не заранее, до его наступления[186].

Как справедливо отмечает бывший главный юридический советник Суда Х. Терлвей, простейшим способом реализации применительно к конкретному спору принципа согласия сторон на юрисдикцию суда является именно заключение специального соглашения между государствами, желающими урегулировать такой спор в судебном порядке[187]. Судья от КНР Сюэ Х. также называет компромисс наиболее непосредственным и специальным способом выражения согласия государств на юрисдикцию Суда[188].

Чаще всего в специальном соглашении определен спор, указывается на согласие сторон принять решение Суда по нему в качестве обязательного (хотя с учетом положений Устава ООН и Статута Суда теоретически в этом нет необходимости). При указании сторон спора в официальных документах Суда (в том числе в его решениях) между ними ставится черта («/»), а не слово «против» («*v.*»), что подчеркивает неконфронтационную природу компромисса. Соглашение может также содержать процессуальные положения, касающиеся процедуры рассмотрения спора (количество и порядок письменных представлений, наличие права назначать судей *ad hoc* и т.д.)[189]. Например, в 1967 г. Германия заключила специальные соглашения с Нидерландами и Данией о передаче на рассмотрение Международного Суда ООН разногласий, связанных с делимитацией морских границ в Северном

---

[186] *Tomuschat C.* Article 36. // *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J. (Ed.)*. The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 743.

[187] *Thirlway H.* The International Court of Justice. – New York: Oxford University Press, 2016. – P. 43.

[188] *Xue H.* Jurisdiction of the International Court of Justice. – Leyden: Brill / Nijhoff, 2017. – P. 57.

[189] *Thirlway H.* The International Court of Justice. – New York: Oxford University Press, 2016. – P. 43.

море[190], так как Германия не соглашалась со своими соседями по вопросу о местоположении морской границы в Северном море в районе континентального шельфа. При заключении данных специальных соглашений был также заключен протокол, касающийся отдельных процессуальных вопросов (англ. *Protocol relating to certain procedural questions arising from the Special Agreements*) [191] . В нем устанавливалось, что «правительство Королевства Нидерландов в течение месяца после подписания данных специальных соглашений и протокола уведомит о них Международный Суд в соответствии с п. 1 статьи 40 Статута», после чего «стороны будут просить Суд объединить эти два дела». Протоколом также предусматривалось, что «правительства трех стран соглашаются с тем, что для целей назначения судьи *ad hoc* правительства Королевства Дании и Королевства Нидерландов рассматриваются в качестве сторон, имеющих общий интерес по смыслу п. 5 статьи 31 Статута Суда».

Заключение специальных соглашений для передачи в Суд конкретного уже сформировавшегося спора является весьма привлекательным способом для государств[192]. Это обусловлено в том числе и наличием бóльшей правовой определенности для сторон. Она проявляется в том, что обращение одного государства в Международный Суд ООН не застигнет ответчика «врасплох»[193], в отличие от случаев задействования юрисдикционных клаузул международных договоров или положений п. 2 и 5 ст. 36 Статута, как будет показано далее. Более того, государство-ответчик, в свою очередь, вероятнее всего, не станет оспаривать юрисдикцию Суда в предварительных

---

[190] *Вылегжанин А.Н.* Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. – М.: Юрид. лит., 2004. – С. 49.

[191] *North Sea Continental Shelf Cases (Federal Republic of Germany/Denmark) (Federal Republic of Germany/Netherlands)*, Pleadings, Oral Arguments, Documents, Volume I, 1968, P. 10 // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/52/9331.pdf

[192] *Crawford J.* Brownlie's Principles of Public International Law. – 8th Ed. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 726.

[193] *Tomuschat C.* Article 36 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 743.

возражениях (англ. *preliminary objections*) [194] , а у сторон (включая проигравшую), как правило, имеется заинтересованность в исполнении решения. Кроме того, даже в случаях, когда существуют другие основания юрисдикции Международного Суда ООН (например, односторонние заявления), стороны иногда предпочитают заключить специальное соглашение, чтобы процедура была менее состязательной. Например, нередко в таком соглашении предусматривается одновременная подача письменных заявлений (англ. *pleadings*) в Суд (что, однако, не приветствуется самим Судом ввиду усложнения вопроса относительно бремени доказывания[195])[196].

Еще одним заметным преимуществом специальных соглашений является то, что они позволяют сторонам в определенной степени контролировать процесс судебного урегулирования спора[197]. Так, стороны могут выбрать, передавать ли на рассмотрение Суда спор целиком, часть спора или же запросить Суд определить лишь применимые к данному спору принципы и нормы[198]. Как отмечает судья Международного Суда Сюэ Х., такой «выборочный» подход не означает недоверия государств по отношению к Суду, а лишь подчеркивает, что именно стороны спора наиболее верно могут

---

[194] *Каламкарян Р.А.* Международный Суд в миропорядке на основе господства права. – М.: Наука, 2012. – С. 71, *Tomuschat C.* Article 36 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 738; *Thirlway H.* The International Court of Justice. – New York: Oxford University Press, 2016. – P. 43; *Xue H.* Jurisdiction of the International Court of Justice. – Leyden: Brill/Nijhoff, 2017. – P. 57.

[195] ICJ Practice Directions (as amended on 20 January 2009 and 21 March 2013), Practice Direction I // URL: http://www.icj-cij.org/en/practice-directions

[196] *Thirlway H. Compromis* // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2006.

[197] *Шинкарецкая Г.Г.* Тенденции развития судебных средств мирного разрешения международных споров: монография. – М.: Nota Bene, 2009. – С. 133.

[198] *Xue H.* Jurisdiction of the International Court of Justice. – Leyden: Brill/Nijhoff, 2017. – P. 58; См.: *Continental Shelf (Libyan Arab Jamahiriya / Malta)*, Judgment, I.C.J. Reports 1985, P. 13, 16 ("The Court is requested to decide the following question: What principles and rules of international law are applicable to the delimitation of the area of the continental shelf which appertains to the Republic of Malta and the area of continental shelf which appertains to the Libyan Arab Republic, and how in practice such principles and rules can be applied by the two Parties in this particular case in order that they may without difficulty delimit such areas by an agreement as provided in Article III").

оценить, в какой момент времени и в каком объеме судебное урегулирование является подходящим для их конкретной ситуации[199].

Например, в упомянутых ранее делах о континентальном шельфе Северного моря Германия, Нидерланды и Дания в специальных соглашениях конкретно просили Суд принять решение о правовых нормах, регулирующих делимитацию в спорном районе, оставляя сам процесс определения морской границы «на откуп» сторонам в процессе переговоров[200]. После вынесения Судом решения стороны самостоятельно согласовали свои морские границы на его основе. Данный пример хорошо иллюстрирует то, как государства могут использовать специальные соглашения для ограничения предмета спора (англ. *subject-matter of the dispute*), подлежащего урегулированию Судом.

В *деле о суверенитете над островами Пулау-Лигитан и Пулау-Сипадан*[201] Индонезия и Малайзия также заключили специальное соглашение, которым ограничили предмет спора, запросив Суд определить «на основе международных договоров, соглашений и иных доказательств, представленных сторонами, принадлежит ли суверенитет над островами Пулау-Лигитан и Пулау-Сипадан Республике Индонезия или Малайзии». Как справедливо отмечается[202], несмотря на передачу в Суд лишь некоторых

---

[199] *Xue H.* Jurisdiction of the International Court of Justice. – Leyden: Brill/Nijhoff, 2017. – P. 58.
[200] Special Agreement for the Submission to the International Court of Justice of a Difference between the Kingdom of Denmark and the Federal Republic of Germany Concerning the Delimitation, as Between the Kingdom of Denmark and the Federal Republic of Germany, of the Continental Shelf in the North Sea; Special Agreement for the Submission to the International Court of Justice of a Difference between the Federal Republic of Germany and the Kingdom of the Netherlands Concerning the Delimitation, as Between the Federal Republic of Germany and the Kingdom of the Netherlands, of the Continental Shelf in the North Sea, 2 February 1967, Bonn. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/52/9331.pdf ("Article 1. (1) The International Court of Justice is requested to decide the following question: What principles and rules of international law are applicable to the delimitation as between the Parties of the areas of the continental shelf in the North Sea which appertain to each of them beyond the partial boundary determined by the above-mentioned Convention of 9 June 1965? (2) The Governments of the Kingdom of Denmark and of the Federal Republic of Germany shall delimit the continental shelf in the North Sea as between their countries by agreement in pursuance of the decision requested from the International Court of Justice.")
[201] *Sovereignty over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia / Malaysia)*, Judgment, I.C.J. Reports 2002, P. 625.
[202] *Xue H.* Jurisdiction of the International Court of Justice. – Leyden: Brill/Nijhoff, 2017. – P. 59.

аспектов более «широкого» спора (вопросы делимитации морских пространств), стороны вправе делать такой выбор (в том числе с учетом возможных политических последствий решения Суда). Это является проявлением принципа согласия государств на юрисдикцию Суда.

Из приведенного выше примера следует, что стороны спора посредством специального соглашения могут указывать Суду применять определенные источники права («на основе международных договоров, соглашений и иных доказательств, представленных сторонами, …»), что также позволяет им осуществлять определенный контроль над тем, каким способом Суд должен разрешить спор.

2.2. Сфера применения специальных соглашений

Для оценки частоты применения специальных соглашений в международной практике для передачи споров в Международный Суд представляется целесообразным обратиться к соответствующей статистике. В 1995 г. первая женщина-председатель Международного Суда ООН Р. Хиггинс отмечала в своей известной монографии, что «с начала 1980-х годов наблюдалось гораздо более широкое использование соглашений *ad hoc* для обращения в Суд. С 1983 г. они использовались Соединенными Штатами и Канадой в деле о заливе Мэн; Ливией и Мальтой в споре о континентальном шельфе; Буркина-Фасо и Мали в их пограничном споре; Ливией и Тунисом в заявлении последнего о пересмотре и толковании судебного решения; Италией и США в деле компании «ELSI»; Данией и Норвегией по вопросу делимитации морских границ; Финляндией и Данией относительно прохода через пролив Большой Бельт. Заметна набирающая обороты тенденция к задействованию Суда на данном основании (сейчас [специальные соглашения составляют] большой процент всех обращений), а широкий круг государств из различных регионов мира пользуется этой возможностью. […] Это именно потому, что государства со всего мира добровольно приходят в Суд, а не неохотно приводятся туда со ссылкой на документы, которые они сожалеют,

что подписали. Это, несомненно, отражает растущее доверие к Суду не только как к институту с высокой компетентностью и беспристрастностью, но и институту, способному обеспечить, чтобы осуществляемое им толкование международного права было одновременно предсказуемым и отвечало разнообразным законным потребностям»[203].

Однако сегодня можно констатировать, что оптимизм Р. Хиггинс не оправдался – на настоящий момент (февраль 2024 г.) из 18 дел, находящихся на рассмотрении Суда, лишь три [204] было передано ему на основании специального соглашения. С 1946 г. посредством специальных соглашений Суду было передано 19 споров (см. Таблицу 1). Действительно, отмечавшийся Р. Хиггинс тренд имел место, однако постепенно угас.

№	Дата передачи дела в Суд	Наименование дела
1	1949	Asylum (Colombia/Peru)
2	1951	Minquiers and Ecrehos (France/United Kingdom)
3	1957	Sovereignty over Certain Frontier Land (Belgium/Netherlands)
4	1967	North Sea Continental Shelf (Federal Republic of Germany/Denmark)
5	1967	North Sea Continental Shelf (Federal Republic of Germany/Netherlands)
6	1978	Continental Shelf (Tunisia/Libyan Arab Jamahiriya)
7	1981	Delimitation of the Maritime Boundary in the Gulf of Maine Area (Canada/United States of America)
8	1982	Continental Shelf (Libyan Arab Jamahiriya/Malta)

[203] *Higgins R.* Problems and Process: International Law and How We Use It. – Oxford: Clarendon Press, 1995. – P. 187 – 188.

[204] Включая дело *«Габчиково-Надьмарош»*, формально остающееся на рассмотрении Суда в отсутствие каких-либо активных процессуальных действий сторон.

№	Дата передачи дела в Суд	Наименование дела
9	1983	Frontier Dispute (Burkina Faso/Republic of Mali)
10	1986	Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras: Nicaragua Intervening)
11	1990	Territorial Dispute (Libyan Arab Jamahiriya/Chad)
12	1993	Gabčíkovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia)
13	1996	Kasikili/Sedudu Island (Botswana/Namibia)
14	1998	Sovereignty over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia/Malaysia)
15	2002	Frontier Dispute (Benin/Niger)
16	2003	Sovereignty over Pedra Branca/Pulau Batu Puteh, Middle Rocks and South Ledge (Malaysia/Singapore)
17	2010	Frontier Dispute (Burkina Faso/Niger)
18	2019	Guatemala's Territorial, Insular and Maritime Claim (Guatemala/Belize)
19	2021	Land and Maritime Delimitation and Sovereignty over Islands (Gabon/Equatorial Guinea)

Таблица 1. Список дел, переданных на рассмотрение Международного Суда ООН посредством специального соглашения.

В этой связи представляется целесообразным определить, какие особенности специальных соглашений как средства для передачи спора в Международный Суд могли повлиять на их применение государствами.

В теории посредством специальных соглашений на рассмотрение Суда может быть передан любой правовой спор государств: ни в его Статуте, ни в Регламенте не содержится каких-либо ограничений на этот счет. Однако на практике специальные соглашения показали свою эффективность преимущественно для разрешения территориальных разногласий или споров,

в разрешении которых обе стороны проявляют заинтересованность [205]. Исключение составляют лишь *дело об убежище (Колумбия/Перу)* и спор относительно проекта *«Габчиково-Надьмарош» (Венгрия/Словакия)*[206].

Таким образом, данный механизм не вполне подходит при возникновении крупных международных противоречий[207]. В этих случаях одна из сторон обычно выступает против того, чтобы решать спор в судебном порядке, а сам процесс заключения специального соглашения, как известно, подразумевает интенсивные переговоры между сторонами и их обоюдное желание сотрудничать для урегулирования возникшего спора[208].

Зачастую по внутриполитическим причинам власти государства по собственной инициативе передают территориальные споры на рассмотрение Международного Суда ООН, так как переход какой-либо территории другому государству в связи с решением независимого судебного органа может быть воспринят населением лучше, нежели территориальные уступки по результатам переговоров[209]. Например, как отмечается[210], в *деле о заливе Мэн (Канада против США)*[211] именно ввиду давления со стороны внутреннего электората затронутых районов США и Канады переговоры сторон были

---

[205] *Tomuschat C.* Article 36 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 743.

[206] *Akande D.* Selection of the International Court of Justice as a Forum for Contentious and Advisory Proceedings (Including Jurisdiction) // Journal of International Dispute Settlement. – 2016. – № 7. – P. 329.

[207] *Tomuschat C.* Article 36 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 743; *Шинкарецкая Г.Г.* Тенденции развития судебных средств мирного разрешения международных споров: монография. – М.: Nota Bene, 2009. – С. 134.

[208] *Xue H.* Jurisdiction of the International Court of Justice. – Leyden: Brill/Nijhoff, 2017. – P. 59.

[209] *Tomuschat C.* Article 36 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 743.

[210] *Вылегжанин А.Н.* Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. – М.: Юридическая литература. – 2004. С. 79; *Тимохин К.В.* Рассмотрение споров относительно островных территорий Международным Судом ООН. // Московский журнал международного права. – 2007. – № 2 (66). – С. 202.

[211] *Delimitation of the Maritime Boundary in the Gulf of Maine Area*, Judgment, I.C.J. Reports 1984, P. 246.

безуспешными. Обращение в Международный Суд ООН посредством заключения специального соглашения позволило сторонам не только урегулировать спор и разграничить морские пространства, но и «не потерять лицо» перед избирателями, показав, что правительства спорящих государств предприняли все необходимые меры, но «вынуждены» выполнять решение Суда[212].

Еще одним примером того, как передача спора по обоюдному согласию сторон на рассмотрение Международного Суда ООН завершила не принесшие результата многолетние двусторонние консультации и переговоры, может служить *пограничный спор в отношении сухопутных и морских границ и границ между островами (Сальвадор/Гондурас)*[213]. Зародившийся еще в середине XIX века территориальный спор вылился в вооруженный конфликт в 1969 г., однако в 1972 г. сторонам удалось договориться по значительной части границы, за исключением шести участков. В 1980 г. был заключен Договор о мире (англ. *General Peace Treaty*[214]), которым была создана Совместная пограничная комиссия для определения границы остальных шести секторов, а также правового статуса островов и морских пространств. В статье 31 Договора предусматривалось, что если стороны не урегулируют спор в течение пяти лет, то они в течение последующих шести месяцев заключат компромисс для передачи спора в Международный Суд ООН. Поскольку Совместная пограничная комиссия не выполнила свой мандат в рамках предусмотренного периода, 24 мая 1986 г. стороны заключили

---

[212] *Collier J., Lowe V.* The settlement of disputes in international law. Institutions and procedures. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – P. 9.

[213] *Case concerning the Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras: Nicaragua intervening)*, Judgment of 11th September 1992, Merits, I.C.J. Reports 1992, P. 351; *Мирзаев Ф.* Применение принципа *uti possidetis* на африканском континенте. // Московский журнал международного права. – 2016. – № 4. – С. 73–81.

[214] General Peace Treaty between the Republics of El Salvador and Honduras, Lima, 30 October 1980, United Nations Treaty Series, Vol. 1310, P. 226.

вышеупомянутое специальное соглашение [215] . 11 декабря 1986 г. правительства двух государств совместно уведомили Секретариат Суда о заключенном ими специальном соглашении, передав на рассмотрение Международного Суда ООН спор между ними[216].

Стоит отметить и специальное соглашение между Буркина-Фасо и Нигером, заключенное в феврале 2009 г. после 60 лет переговоров о демаркации границы, вызванных неточностями документов колониальной эпохи, с помощью которых власти Французской Империи неоднократно «перекраивали» рубежи подконтрольных им территорий. На его основании Суд вынес решение в 2013 г.[217], удовлетворенность которым выразили оба государства. Так, Министр юстиции Нигера М. Амаду заявил, что Суд справедливо разделил территорию: «Мы выигрываем немного на севере, немного проигрываем на юге. Обе страны выигрывают, поскольку пограничного спора больше нет». В свою очередь, Министр Территориального управления и безопасности Буркина-Фасо Ж. Бугума заявил: «Мы расстаемся как хорошие друзья, очень хорошие друзья»[218]. Данный случай демонстрирует важную роль Международного Суда ООН в мирном разрешении территориальных споров в Африке.

Примером того, как посредством специального соглашения Суду были переданы разногласия государств, не касающиеся территориальных вопросов, является *спор между Венгрией и Словакией относительно проекта «Габчиково-Надьмарош»*[219] (постановление Суда по которому названо одним

---

[215] *Philipp C.* Land, Island and Maritime Frontier Dispute Case (El Salvador/Honduras: Nicaragua Intervening) // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2007.

[216] Доклад Международного Суда ООН. 1 августа 1987 г. – 31 июля 1988 г. Документ 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Дополнение № 4 (A/43/4). // URL: https://www.icj-cij.org/files/annual-reports/1987-1988-ru.pdf (дата обращения: 09.02.2023).

[217] *Frontier Dispute (Burkina Faso/Niger)*, Judgment, I.C.J. Reports 2013, P. 44.

[218] Niger-Burkina Faso border set by ICJ ruling. – BBC News. 16.04.2013. // URL: https://www.bbc.co.uk/news/world-africa-22165499 (дата обращения: 09.02.2023).

[219] *Gabčikovo-Nagymaros Project (Hungary / Slovakia)*, Judgment, I.C.J. Reports 1997, P. 7; *Боклан Д.С.* Международное экологическое право и международные экономические отношения: монография. — М.: Магистр: ИНФРА-М, 2020. – С. 116.

из ключевых в его практике[220]). Данное дело также является примером того, как государства по завершении длительных двусторонних переговоров (в том числе при посредничестве Комиссии Европейских Сообществ), не возымевших необходимого результата, и тщетной попытки обращения в Международный Суд ООН в одностороннем порядке[221] (ввиду отсутствия оснований для юрисдикции) в июле 1993 г. совместно обратились в Суд посредством заключения в апреле 1993 г. специального соглашения[222].

Таким образом, механизм передачи спора в Международный Суд ООН посредством специального соглашения эффективен применительно к спорам, в разрешении которых обе стороны имеют заинтересованность, и на практике чаще всего применялся в контексте территориальных разногласий. Тем не менее, многочисленность случаев привлечения государствами Суда для разрешения территориальных и иных сопоставимых по значимости споров во всех регионах мира, а также положительный опыт последующего исполнения его решений являются свидетельством признания эффективности специальных соглашений для разрешения одних конфликтов и недопущения эскалации других[223]. Наличие специального соглашения обеспечивает во множестве случаев прямое и немедленное согласие обеих сторон на судебное урегулирование спора (в связи с чем юрисдикция Суда в большинстве дел не ставится под сомнение), что также является немаловажным преимуществом

---

[220] *Копылов М.Н., Копылов С.М., Мишланова В.А.* Международному экологическому праву 175 лет. // Московский журнал международного права. – 2014. – № 1. – С. 113.

[221] ICJ, Communique №92/25 of October 26, 1992, Hungary applies to the International Court of Justice in its dispute with the Czech and Slovak Federal Republic over the projected diversion of the Danube. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/92/092-19921026-PRE-01-00-EN.pdf (accessed date: 23.12.2018); *См.*: *Alexandrov S.* Reservations in Unilateral Declarations Accepting the Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice. – Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1995. – P. 6.

[222] Special Agreement between the Republic of Hungary and the Slovak Republic for Submission to the International Court of Justice of the Differences between them concerning the Gabčíkovo-Nagymaros Project, Brussels, 7 April 1993; *Schrijver N., Prislan V.* Gabčíkovo-Nagymaros Case (Hungary/Slovakia) // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – 2008.

[223] *Mackenzie R., Romano C., Shany Y., Sands P.* The Manual on International Courts and Tribunals. – 2nd Ed. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – P. 36.

данного способа выражения согласия государства на юрисдикцию Международного Суда ООН.

2.3. Некоторые вопросы толкования специальных соглашений.

Несмотря на ряд неоспоримых преимуществ специальных соглашений как средства передачи споров на рассмотрение Международного Суда ООН, его практика свидетельствует о том, что этот механизм не лишен недостатков. Они связаны, прежде всего, с тем, что специальные соглашения, будучи международными договорами по своей природе, подпадают под нормы международного договорного права, которыми предъявляются требования к порядку их заключения, их действительности, толкованию и применению[224]. Однако положения специальных соглашений могут быть сформулированы неоднозначно, а обстоятельства их заключения могут ставить под сомнение наличие у государств намерения передавать спор в Международный Суд ООН. Это неминуемо влияет на юридическую природу соответствующего документа (квалификацию его в качестве «компромисса» или, например, коммюнике), определение предмета спора и т.д. Данные проблемы будут последовательно рассмотрены в настоящем разделе.

Квалификация документа в качестве специального соглашения посредством его толкования. Практика толкования Судом специальных соглашений указывает на наличие фактора некоторой неопределенности для государств в вопросе о правовой природе заключаемого между ними документа. Это связано с тем, что какой-либо обязательной установленной формы специального соглашения о передаче спора на рассмотрение Международного Суда ООН не предусмотрено, хотя в 2014 г. рядом государств во взаимодействии с Секретариатом ООН и был разработан носящий вспомогательный характер «Справочник по вопросам признания

---

[224] *Thirlway H. Compromis* // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2006.

юрисдикции Международного Суда ООН: типовые положения и формы»[225]. «Компромиссом» могут быть признаны различные документы, так как статья 2 Венской конвенции о праве международных договоров предусматривает, что конкретное наименование документа не влияет на его квалификацию в качестве международного договора[226]. В некоторых случаях специальное соглашение, предусматривающее передачу спора в Международный Суд, может иметь упрощенную форму, иногда до такой степени, что одна из сторон может поставить под вопрос, был ли данный документ в принципе предназначен для использования в качестве специального соглашения.

Например, в *деле о делимитации морской границы и территориальных вопросах между Катаром и Бахрейном*[227] Суд квалифицировал как специальное соглашение протокол, подписанный по итогам длительных переговоров министрами иностранных дел Бахрейна, Катара и Саудовской Аравии, вопреки заявлениям Бахрейна о том, что данный документ являлся лишь записью переговоров[228]. В то же время в *деле о континентальном шельфе Эгейского моря* Суд отказал признавать в качестве специального соглашения совместное пресс-коммюнике глав правительств Греции и Турции после состоявшегося обмена мнениями, хотя и отметил, что «не знает ни одной нормы международного права, которая бы препятствовала признанию совместного коммюнике в качестве международного соглашения о передаче спора в арбитраж или суд»[229]. Таким образом, подобные акты должны

---

[225] Handbook on accepting the jurisdiction of the International Court of Justice: model clauses and templates, распространен как документ 68-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, A/68/963 от 19.08.2014 г. // URL: http://legal.un.org/avl/pdf/rs/other_resources/Manual%20sobre%20la%20aceptacion%20jurisdiccion%20CIJ-ingles.pdf

[226] Венская конвенция о праве международных договоров, 23 мая 1969 г., United Nations Treaty Series, vol. 1155, P. 331.

[227] *Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain*, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1994, P. 112.

[228] *Xue H.* Jurisdiction of the International Court of Justice. – Leyden: Brill / Nijhoff, 2017. – P. 72.

[229] *Aegean Sea Continental Shelf (Greece v. Turkey)*, Jurisdiction of the Court, Judgment, I.C.J. Reports 1978, P. 39, Para 96 (“On the question of form, the Court need only observe that it knows

составляться с особой тщательностью, и если стороны не желают делать возможной подачу заявлений на основании какого-либо документа, то в нем не должны использоваться формулировки, свидетельствующие о наличии соответствующих юридических обязательств.

Представляется необходимым подробнее остановиться на том, каким образом Суд посредством толкования определяет наличие или отсутствие заключенного между сторонами специального соглашения. В первую очередь стоит отметить, что Суд в подобных случаях детально анализирует не только конкретные положения документа, но и обстоятельства его составления. Так, в споре Катара и Бахрейна Суд указал на то, что соответствующий протокол касался консультаций между министрами иностранных дел Бахрейна и Катара в присутствии министра иностранных дел Саудовской Аравии и констатировал то, о чем стороны «договорились» (англ. *agreed*). Суд также отметил, что в пункте 1 протокола подтверждались ранее принятые обязательства, в пункте 2 предусматривалось продолжение оказания добрых услуг королем Саудовской Аравии до мая 1991 г., рассматривались обстоятельства, при которых спор мог быть передан в Международный Суд ООН, а также указывалось на необходимость отозвать заявление в случае, если спор будет разрешен в период его рассмотрения Судом. Суд счел, что протокол 1990 г. включал в себя подтверждение ранее взятых обязательств, возлагал на короля Фахда задачу принять меры по разрешению спора в течение шести месяцев и, наконец, в нем рассматривались обстоятельства передачи спора в Суд после мая 1991 г.

По мнению Суда, протокол не являлся простым отчетом о заседании, резюмирующим точки согласия и разногласия, а в нем перечислялись обязательства, с которыми согласились стороны. В этой связи Суд пришел к выводу, что протокол по своему содержанию являлся международным

---

of no rule of international law which might preclude a joint communiqué from constituting an international agreement to submit a dispute to arbitration or judicial settlement").

соглашением[230]. При этом Суд не воспринял аргументы Бахрейна о том, что стороны не намеревались заключать международный договор, так как, по мнению ответчика, не были выполнены внутригосударственные процедуры, а сам протокол сразу не был зарегистрирован в Секретариате ООН (Катар подал соответствующее заявление лишь 6 месяцев спустя).

Определение предмета спора посредством толкования положений специального соглашения. Еще один вопрос, возникающий в контексте толкования Судом специальных соглашений, касается того, какие именно аспекты спора переданы на рассмотрение Суда сторонами (которые, хотя и не оспаривают юрисдикцию Суда в целом, имеют разногласия о предмете спора). В этой связи целесообразно отметить один нюанс: передать спор на рассмотрение Суда можно посредством уведомления его о заключенном «компромиссе» или же посредством одностороннего заявления, в котором в качестве основания для юрисдикции (англ. *title of jurisdiction*) используется документ, напоминающий «компромисс». Второй вариант встречается преимущественно тогда, когда для сторон представляется невозможным четко определить спор между ними для того, чтобы указать его в специальном соглашении. Именно тогда используется так называемое «рамочное соглашение» (англ. *framework agreement*, фр. *accord-cadre*), фиксирующее само наличие спора и договоренность относительно его урегулирования, но не дающее точного определения спора, которое должно сформироваться непосредственно в процессе прений сторон[231].

Например, в упомянутом деле *«Катар против Бахрейна»* существование спора признавалось обеими сторонами, и имелось принципиальное согласие на судебное урегулирование данных противоречий. Однако разногласия между сторонами сводились к тому, являлись ли

---

[230] *Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain*, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1994, Paras. 23 – 25.

[231] *Thirlway H. Compromis* // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2006.

некоторые отдельные вопросы (например, статус г.Зубара и островов Хавар) частью этого спора, и, таким образом, должны ли они передаваться на рассмотрение Суда. Когда Катар на основании собственного определения спора передал его в Суд, Бахрейн отрицал, что упомянутый ранее трехсторонний протокол, подписанный министрами иностранных дел (англ. *Tripartite Minute*), являлся специальным соглашением и, таким образом, основанием для юрисдикции Суда.

Примечательно, что Суд при рассмотрении данного дела применил особую процедуру, в соответствии с которой по итогам устных слушаний по вопросам юрисдикции было вынесено два решения. В решении от 1994 г.[232] Суд установил, что ряд писем, которыми стороны обменялись, и подписанный в Дохе трехсторонний протокол «являются международными соглашениями, создающими права и обязанности», тем самым фактически постановив, что протокол являлся рамочным соглашением, а не «компромиссом». В этом же решении Суд предоставил сторонам возможность передать (совместно или по отдельности) ему спор целиком, установив для этого конкретный срок. Во втором решении от 1995 г. [233] – также озаглавленном «юрисдикция и приемлемость» – Суд проанализировал поступившие от сторон по отдельности позиции относительно предмета спора (Бахрейн продолжал настаивать на отсутствии юрисдикции Суда, тогда как Катар направил список аспектов, подпадающих под нее) и определил границы своей юрисдикции в отношении всего спора [234] . Впоследствии Судом было вынесено постановление по существу[235].

---

[232] *Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain*, Jurisdiction und Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1994, P. 112.

[233] *Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain*, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1995, P. 6.

[234] *Rosenne S.* International Courts and Tribunals, Jurisdiction and Admissibility of Inter-State Applications. // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2006.

[235] *Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain Judgment*, Merits, Judgment, I.C.J. Reports 2001, P. 40; *Thirlway H. Compromis* // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2006; *Тимохин*

В *пограничном споре в отношении сухопутных и морских границ островов (Сальвадор/Гондурас)* [236] , хотя сторонам удалось заключить специальное соглашение для передачи спора в Международный Суд, его толкование на протяжении практически всего процесса являлось предметом разногласий: стороны даже не сочли возможным произвести согласованный перевод испанского текста специального соглашения на один из языков Суда (английский и французский). Как представляется, в таких обстоятельствах рамочное соглашение было бы более уместным инструментом передачи на рассмотрение Суда спора, определение самого предмета которого вызывает разногласия среди сторон[237].

Суд также может прийти к выводу об отсутствии его юрисдикции в отношении некоторых аспектов спора на основе толкования положений специального соглашения [238] . Например, в постановлении по *делу, касающемуся пограничного спора (Буркина-Фасо/Нигер)*, Суд указал следующее: «в случаях, когда специальное соглашение является единственным основанием для юрисдикции, само собой разумеется, что любое требование стороны в ее окончательных представлениях (англ. *"final submissions"*) может подпадать под юрисдикцию Суда, только если оно остается в рамках, определенных положениями специального соглашения — данный вопрос должен решаться Судом»[239].

В этом контексте представляется целесообразным кратко изложить предысторию упомянутого спора между Буркина-Фасо и Республикой Нигер, являвшимися частью колониальной Французской Западной Африки и получившими независимость в 1960 г. В соответствии с соглашениями от

К.В. Рассмотрение споров относительно островных территорий Международным Судом ООН. – Московский журнал международного права, 2007. – № 2 (66). – С. 211.

[236] *Case concerning the Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras: Nicaragua intervening)*, Judgment of 11th September 1992, Merits, I.C.J. Reports 1992, P. 351.

[237] *Thirlway H. Compromis* // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2006.

[238] *Thirlway H.* The International Court of Justice. – New York: Oxford University Press, 2016. – P. 43.

[239] *Frontier Dispute (Burkina Faso/Niger)*, Judgment, I.C.J. Reports 2013, P. 44, Para. 42.

23 июня 1964 г. и 28 марта 1987 г. правительства упомянутых стран договорились о демаркации общей границы и с этой целью создали Совместную техническую комиссию (англ. *Joint Technical Commission on Demarcation of the Frontier*). Ее работа в 2009 г. привела к достижению соглашения между государствами относительно демаркации северной и южной секций границы. Однако из-за того, что часть границы так и не была определена, а также ввиду сохраняющейся напряженности в ее окрестностях, вызванной действиями сил безопасности и таможенных органов с обеих сторон, Буркина-Фасо и Нигер заключили специальное соглашение для передачи спора в Международный Суд ООН.

Перед Судом были поставлены две основных задачи. Первая заключалась в определении границы в секторах, по которым стороны так и не смогли достигнуть согласия. Второй вопрос касался того, удовлетворять ли требование Буркина-Фасо включить в резолютивную часть постановления линию границы, уже согласованную сторонами по итогам работы Совместной технической комиссии (что было обусловлено желанием Буркина-Фасо придать решению Комиссии такой же статус, как и у решения Суда по делимитации границы в остальных секторах). Нигер, однако, заявлял об отсутствии необходимости включать это в резолютивную часть постановления Суда, поскольку между сторонами уже было достигнуто соглашение и отсутствовал спор по указанной части границы.

В данном контексте Судом было отмечено, что требование Буркина-Фасо, изложенное в пунктах 1 и 3 окончательных представлений, не вполне соответствовало положениям Специального соглашения, в котором содержалась просьба «запротоколировать согласие сторон» (англ. *place on record the Parties' agreement*) с выводами Совместной технической комиссии. Поскольку Буркина-Фасо, по сути, запрашивало Суд самостоятельно определить границу между сторонами по линии, соответствующей выводам Совместной технической комиссии, Суд единогласно отклонил эту просьбу, заявив, что она несовместима с его судебной функцией. При этом он особенно

подчеркнул, что, несмотря на имеющееся у него полномочие толковать окончательные представления сторон таким образом, чтобы сохранять их в рамках его юрисдикции в соответствии со специальным соглашением, в данном случае это было невозможно, так как ни одна из сторон не утверждала, что спор о делимитации границы в двух указанных секторах продолжал существовать на момент, когда было возбуждено разбирательство.

Таким образом, предмет спора (англ. *subject-matter of the dispute*) является ключевым элементом, определяющим юрисдикцию судебного органа, рассматривающего спор, на основании принципа *arbiter nihil extra compromissum facere potest* (с лат. «Третейский судья ничего не может сделать вне пределов соглашения сторон»). В этой связи именно определение предмета спора представляет наибольшие трудности при составлении специального соглашения («компромисса»). В ряде случаев такого рода трудностей можно избежать посредством заключения так называемого «рамочного соглашения» (англ. *framework agreement*, фр. *accord-cadre*).

На основе изложенного автор приходит к следующим выводам. В настоящем разделе была проанализирована практика использования государствами специальных соглашений для передачи конкретных споров на рассмотрение Суда после их возникновения. Без умаления очевидных преимуществ данного способа (отсутствие разногласий по вопросам юрисдикции, наблюдаемая в большинстве случаев нацеленность сторон на исполнение решения Суда и т.д.) были перечислены и его недостатки. Во-первых, многолетняя практика показала, что такие соглашения эффективны для разрешения территориальных разногласий при наличии на то воли сторон и не применялись при возникновении крупных международных противоречий. Во-вторых, некоторая неопределенность для государств возникает в связи с тем, что при толковании специальных соглашений Суд может прийти к выводу о том, что документ, на первый взгляд не похожий на компромисс, на самом деле таковым является. Данный риск связан с тем, что обязательной

установленной формы специального соглашения о передаче спора на рассмотрение Международного Суда ООН не предусмотрено. В-третьих, даже при использовании механизма специальных соглашений не исключены разногласия между сторонами относительно того, какие именно вопросы были переданы ими на рассмотрение Суда, что может повлечь необходимость принятия Судом решения о наличии или отсутствии у него юрисдикции. Эти особенности специальных соглашений являются ключевыми для понимания того, по каким причинам за всю историю существования Международного Суда ООН лишь 19 дел были переданы ему на данном юрисдикционном основании.

2.4. Согласие на юрисдикцию Суда *post hoc*: *forum prorogatum*

Еще одним основанием юрисдикции Суда согласно п. 1 ст. 36 Статута («все дела, которые будут переданы [Суду] сторонами») являются ситуации, когда в момент передачи спора в Суд только одна сторона официально выразила согласие на его юрисдикцию в деле, а вторая делает это лишь впоследствии[240]. Это случается тогда, когда одна из сторон представляет заявление без установления необходимого основания юрисдикции, и ответчик заявляет о своем согласии на производство по делу[241]. Иными словами, если государство-ответчик в своем меморандуме на поданное в Суд заявление не будет выражать предварительных возражений против юрисдикции Суда, то его согласие будет считаться подразумеваемым, даже если соответствующее заявление не содержит указания на какое-либо юрисдикционное основание.

Данная ситуация в юридической литературе носит название принципа *forum prorogatum*[242]. Использование этого принципа встречается в практике

---

[240] Международное право: учебник для академического бакалавриата. / отв. ред. А.Н. Вылегжанин. – М.: Юрайт, 2015. – С. 484.

[241] *Tomuschat C.* Article 36 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 743.

[242] *Mackenzie R., Romano C., Shany Y., Sands P.* The Manual on International Courts and Tribunals. – 2nd Edition. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – P. 14.

Суда достаточно редко. Его отличительная черта заключается в том, что юрисдикция Суда устанавливается уже после обращения стороны в Суд[243]. Как отмечает Судья Сюэ Х., данный принцип основан на максиме *allegans contraria non est audiendus* [244], которая подразумевает, что сторона, подтверждающая своими заявлениями или действиями свое согласие на юрисдикцию Суда, не может впоследствии утверждать, что он не имеет полномочий рассматривать дело.

Хотя принцип *forum prorogatum* изначально не был отображен в Статуте и Регламенте Постоянной Палаты Международного Правосудия, он сформировался в ее практике с первых лет деятельности[245]. Посредством толкования п. 1 статьи 36 Статута Палата устанавливала наличие подразумеваемого согласия сторон на ее юрисдикцию, явствующего из определенных действий[246]. Проф. Анисимов Л.Н. охарактеризовал принцип *forum prorogatum* как сложившуюся «практику международной судебной процедуры, согласно которой Международный Суд исходит из того, что представляет интерес принципиальное согласие с его юрисдикцией, а не форма этого согласия, и что согласие может быть дано неформальным порядком уже после начала судебного разбирательства»[247].

Упомянутый принцип был включен в 1978 г. в п. 5 статьи 38 Регламента Суда [248], в соответствии с которым государство, передавая спор на рассмотрение Суда, может не указывать какого-либо основания для

---

[243] *Rosenne S.* The Law and Practice of the International Court, 1920–1996. – Vol. 2. – Martinus Nijhoff Publishers: The Hague, 1997. – P. 695 (“Its basic feature is that the Court’s jurisdiction is established after the seisin”).

[244] С лат. «противоречивые заявления не должно слушать»; *Xue H.* Jurisdiction of the International Court of Justice. – Leyden: Brill/Nijhoff, 2017. – P. 67.

[245] *Xue H.* Jurisdiction of the International Court of Justice. – Leyden: Brill/Nijhoff, 2017. – P. 67.

[246] *Mavrommatis Jerusalem Concessions*, Series A, N.5, Judgement of 26 March 1925, P. 27; *Rights of Minorities in Upper Silesia (Minority Schools)*, Series A, N.15, Judgment N.12, 26 April 1928, P. 23.

[247] *Анисимов Л.Н.* Международно-правовые средства разрешения межгосударственных споров (конфликтов). – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. – С. 89.

[248] Регламент Международного Суда ООН, принят 14 апреля 1978 г. // URL: http://www.un.org/ru/icj/rules_part3.shtml (дата обращения: 04.02.2023).

юрисдикции и предложить использовать в качестве такового согласие на нее государства, против которого обращено такое заявление, еще до того, как это согласие было дано или обозначено[249]. Если второе государство дает свое согласие, юрисдикция Суда устанавливается с даты предоставления такого согласия[250]. *Forum prorogatum* также имеет место в ситуациях, когда лишь некоторые требования заявителя выходят за рамки соответствующего основания для юрисдикции Суда, но ответчик не возражает против этого[251].

Таким образом, в соответствии с принципом *forum prorogatum* Суд может рассматривать спор, если из поведения ответчика после подачи против него заявления (даже если оно содержит порок основания для наличия юрисдикции[252]) явствует его согласие на юрисдикцию Суда. При этом не требуется соблюдения каких-либо формальностей, а имеет значение лишь фактическое согласие сторон на обращение в Суд, которое может быть выражено прямо или косвенно (*"explicitly or implicitly"*).

В качестве примера задействования принципа *forum prorogatum* зачастую цитируется[253] *дело о проливе Корфу* (хотя перед стадией рассмотрения существа спора стороны все же заключили специальное соглашение[254]), в котором Международный Суд пришел к выводу о наличии

---

[249] *Certain Questions of Mutual Assistance in Criminal Matters (Djibouti v. France)*, Judgment, I.C.J. Reports 2008, P. 204, Para. 63.

[250] Доклад Международного Суда ООН, 1 августа 2012 года — 31 июля 2013 года, A/68/4, – С.10. // URL: https://www.icj-cij.org/files/annual-reports/2012-2013-ru.pdf (дата обращения: 04.02.2023).

[251] *Thirlway H.* The International Court of Justice. – New York: Oxford University Press, 2016. – P. 36 – 37.

[252] *Гузей С.В.* Основные проблемы процесса в Международном Суде ООН и развитие норм международного процессуального права; *Yee S.* Forum prorogatum and the indication of provisional measures in the International Court of Justice // The reality of international law. Essays in honor of Ian Brownlie / Goodwin-Gill G.S., Talmon S. (Eds.) – Oxford, 1999. – P. 565.

[253] *Waldock H.* Forum Prorogatum or acceptance of a unilateral summons to appear before the international Court. // – The International Law Quarterly. – Volume 2. – No. 3. – 1948. – P. 377-391; *Каламкарян Р.А.* Международный Суд в миропорядке на основе господства права. – М.: Наука, 2012. – С. 206.

[254] *Crawford J.* Brownlie's Principles of Public International Law. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 728; *Зинченко О.И.* Споры, касающиеся вооруженных конфликтов: подходы Международного Суда ООН к вопросам юрисдикции // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 6 (169). – С. 24; *Ковач И.* Международный арбитраж и международный суд:

согласия Албании на юрисдикцию из письма албанского правительства в адрес Суда[255]. Дело было связано с инцидентом 22 октября 1946 г., когда два британских эсминца подорвались на минах в территориальных водах Албании. Соединенное Королевство в одностороннем порядке подало заявление в Суд против Албании, следуя резолюции Совета Безопасности ООН от 9 апреля 1947 г.[256], призывавшей оба правительства немедленно передать свой спор в Суд. Албанское правительство в своем письме в Суд возражало против данного шага, утверждая, что обе стороны должны были возбудить совместное разбирательство посредством заключения специального соглашения. Однако в том же письме Албания заявила, что, тем не менее, готова «появиться в Суде» (*"to appear before the Court"*)[257].

Впоследствии Суд истолковал данную фразу как выражение согласия Албании на его юрисдикцию и отклонил представленные ей возражения на заявление Великобритании. Суд счел, что Албания, не являвшаяся на тот момент стороной Статута, вполне могла бы оспорить односторонние действия Великобритании по возбуждению дела в Суде. Однако посредством упоминания в своем письме о готовности предстать перед Судом, «несмотря на неверные действия» Великобритании[258], Албания, по сути, отказалась от возражений против приемлемости поданного против нее заявления. В своем решении Суд не использовал термин *forum prorogatum*, однако указал в качестве основания для своей юрисдикции «добровольное признание» ее государством-ответчиком ("*jurisdiction founded on voluntary acceptance by respondent*").

диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / И. Ковач; Науч. рук. проф. С.Б. Крылов; Московский государственный институт международных отношений. – Москва, 1953. – С. 285.

[255] *Corfu Channel case*, Judgment on Preliminary Objection, I.C.J. Reports 1948, P. 27-28.

[256] SC Res. 22 (1947).

[257] *Corfu Channel case,* Judgment on Preliminary Objection, I.C.J. Reports 1948, P. 19.

[258] *Ibidem*, P. 27 ("[The Albanian Government] is prepared, notwithstanding this irregularity in the action taken by the Government of the United Kingdom, to appear before the Court").

Другим примером, демонстрирующим отсутствие четких требований к форме выражения согласия на юрисдикцию Суда в рамках принципа *forum prorogatum*, является *дело о правах меньшинств в Верхней Силезии*, в котором согласие Польши на юрисдикцию Постоянной Палаты Международного Правосудия было выражено в том, что ей не было представлено возражений относительно юрисдикции в контрмеморандуме, а также в официальных заявлениях[259]. Ответчик, не подавая возражений против юрисдикции Палаты, явился на заседания для изложения позиции по существу дела, в связи с чем Палата признала наличие юрисдикции на его рассмотрение[260]. В решении было указано: «[К]ак представляется, нет никаких сомнений в том, что согласие государства на передачу спора в Суд может быть не только результатом прямо выраженного заявления, но также может быть выведено из действий, достоверно устанавливающих его. Трудно отрицать, что представление аргументов по существу без замечаний в отношении вопроса о юрисдикции должно рассматриваться как однозначное указание на желание государства получить решение по существу заявления»[261]. Таким образом, согласие было выведено из соответствующего поведения сторон спора.

Обратная сторона отсутствия ограничений в отношении формы выражения согласия заключается в том, что такое согласие должно быть абсолютно однозначным ("*unequivocal*"). В *деле об Англо-Иранской нефтяной компании* [262] (будет рассмотрено далее в разделе 3.2 в контексте односторонних заявлений согласно п. 2 ст. 36 Статута) Великобритания предприняла попытку выявить из действий Ирана согласие на юрисдикцию Суда на основе принципа *forum prorogatum*: ответчик заявил несколько предварительных возражений, касающихся приемлемости требований истца,

---

[259] *Rights of Minorities in Upper Silesia (Germany v. Poland)*, PCIJ Series A, No. 15 (Apr. 26 1928), P. 24-26.
[260] *Ibidem*, P. 24.
[261] *Ibidem*, P. 24.
[262] *Anglo-Iranian Oil Co. case (United Kingdom v. Iran)*, Jurisdiction, Judgment of July 22nd 1952, I.C.J. Reports 1952, P. 114.

что было истолковано Великобританией как подразумеваемое согласие Ирана, что Суд располагает юрисдикцией по делу (так как вопросы приемлемости рассматриваются Судом лишь после установления юрисдикции) [263]. Суд указал: «Принцип *forum prorogatum*, если он мог бы быть применен к настоящему делу, должен был бы основываться на каком-либо поведении или заявлении правительства Ирана, которое включало бы элемент согласия в отношении юрисдикции Суда. Но данное правительство последовательно отрицало юрисдикцию Суда. […] Из такого поведения со стороны правительства Ирана не может быть выведено никакого элемента согласия. […] Соответственно, Суд пришел к выводу, что он не обладает юрисдикцией для рассмотрения дела, переданного ему по заявлению правительства Соединенного Королевства».

В *деле, касающемся определенных уголовных разбирательств во Франции*, заявление Конго также было подано (впервые) на основании пункта 5 ст. 38 Регламента Международного Суда ООН: «[…] Республика Конго стремится установить юрисдикцию Суда в соответствии с пунктом 5 статьи 38 Регламента с согласия Французской Республики, которое, безусловно, будет дано»[264]. Франция не сочла данное заявление за необоснованную попытку принудить ее выступить в роли ответчика, а согласилась на рассмотрение спора Судом. Данное согласие было выражено в официальном письме Министра иностранных дел Франции в адрес Суда [265], в котором четко указывалось: «Имею честь сообщить Вам, что Французская Республика

---

[263] *Kolb R.* The International Court of Justice. – Oxford: Hart Publishing, 2013. – P. 553.

[264] *Case concerning Certain Criminal Proceedings in France (Republic of the Congo/France)*, Application instituting proceedings and Request for the indication of a provisional measure, P. 17 (“The Republic of the Congo accordingly seeks to found the Court’s jurisdiction, pursuant to Article 38, paragraph 5, of the Rules of Court, on the consent of the French Republic, which will certainly be given”.)

[265] *Case concerning Certain Criminal Proceedings in France (Republic of the Congo/France)*, Letter from the Minister for Foreign Affairs of the French Republic (Consent to the Jurisdiction of the Court to Entertain the Application Pursuant to Article 38, paragraph 5, of the Rules of Court), 8 April 2003. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/129/13344.pdf (дата обращения: 04.02.2023).

признает юрисдикцию Суда по рассмотрению заявления в соответствии с п. 5 статьи 38 [Регламента]. Также хотел бы прояснить, что статья 2 Договора о сотрудничестве от 1 января 1974 г. между Французской Республикой и Демократической Республикой Конго, на которую последняя ссылается в своем заявлении о возбуждении дела, не является основой юрисдикции Суда для рассмотрения настоящего дела». Процесс был достаточно длительным, однако после вынесения решения о временных мерах и двух циклов письменных прений стороны договорились прекратить разбирательство, и заявление было отозвано Конго 5 ноября 2010 г.[266]

Еще одним случаем применения принципа *forum prorogatum* стало дело *о взаимной помощи по уголовным делам*, когда Франция аналогичным образом признала юрисдикцию Международного Суда ООН рассматривать заявление Джибути, в котором содержалось указание на п. 5 статьи 38 Регламента [267]. В данном деле Суд анализировал принцип согласия государств в контексте *forum prorogatum*[268], отметив, что оно должно быть прямовыраженным или четко прослеживающимся из соответствующих действий государства[269].

Как указывалось ранее, практика использования *forum prorogatum* для передачи дел в Международный Суд является скудной. Основной практической трудностью является отсутствие согласия ответчика. Однако даже при его наличии и рассмотрении Судом соответствующего заявления возникает ряд проблемных аспектов. Во-первых, как и в случае с «рамочным соглашением» («упрощенная» разновидность специального соглашения, см. раздел 2.1.3), остро стоит вопрос определения четких рамок согласия сторон на юрисдикцию Суда. В *деле о взаимной помощи по уголовным делам* Франция утверждала, что в п. 2 заявления Джибути, озаглавленном «Предмет спора»,

---

[266] *Case concerning Certain Criminal Proceedings in France (Republic of the Congo/France)*, Order of 16 November 2010, I.C.J. Reports 2010, P. 635.
[267] *Certain Questions of Mutual Assistance in Criminal Matters (Djibouti v. France)*, Judgement, I.C.J. Reports 2008, P. 177, 181, Para. 4.
[268] *Xue H.* Jurisdiction of the International Court of Justice. – Leyden: Brill/Nijhoff, 2017. – P. 71.
[269] *Certain Questions of Mutual Assistance in Criminal Matters (Djibouti v. France)*, Judgement, I.C.J. Reports 2008, P. 204, Para. 62.

упоминалось только об отказе правительства Франции исполнить рогаторий относительно передачи судебным органам Джибути материалов, касающихся расследования «дела, возбужденного против X за убийство Б. Борреля», и, таким образом, Франция не давала согласия на юрисдикцию Суда в отношении требований, сформулированных в других частях заявления[270]. Суд, однако, указал, что сам вправе «надлежащим образом определить степень согласия сторон» посредством изучения выражения согласия Франции вместе с заявлением Джибути и выявления их «общего знаменателя»[271]. Он также уточнил: «хотя действительно желательно, чтобы то, что заявитель рассматривает как предмет спора, было бы указано под таким заголовком в заявлении, тем не менее, Суд должен рассматривать заявление в целом». В итоге в постановлении Суд принял решение о наличии юрисдикции не только по спору относительно рогатория, но и по некоторым другим разногласиям между сторонами, сформулированным в заявлении Джибути.

Иначе ситуация обстояла в отношении повесток о вызове свидетелей и ордеров на арест, которые не были указаны в первоначальном заявлении Джибути или имели место после его подачи. Согласно устоявшейся практике, в случаях, когда Суд должен определить наличие юрисдикции в отношении фактов, следующих за подачей заявления, он должен сначала определить, связаны ли они с фактами, уже подпадающими под юрисдикцию Суда. Однако в настоящем деле Суд не посчитал применимой предыдущую практику по этому вопросу, так как ни одно из соответствующих дел не было основано на принципе *forum prorogatum*. Он подчеркнул, что «в тех случаях, когда юрисдикция основана на *forum prorogatum*, необходимо проявлять большую внимательность в отношении объема согласия, как оно определено

---

[270] *Certain Questions of Mutual Assistance in Criminal Matters (Djibouti v. France)*, Counter-Memorial, Para. 2.14.

[271] *Certain Questions of Mutual Assistance in Criminal Matters (Djibouti v. France)*, Judgement, I.C.J. Reports 2008, P. 206, Para. 65.

государством-ответчиком» [272] . Суд постановил, что критерии «преемственности» и «связанности» (англ. *"continuity and connexity"*) не применимы, а значение имело только письмо от 25 июля 2006 г., в котором Франция прямо признала юрисдикцию Суда «в отношении спора, являющегося предметом заявления, и строго в рамках сформулированных в нем требований»[273]. Поскольку эти последующие повестки не были указаны в заявлении Джибути, Суд постановил, что их рассмотрение выходит за пределы его юрисдикции *ratione materiae*.

Таким образом, в *деле о взаимной помощи по уголовным делам* Суд столкнулся с еще одним важным практическим аспектом, который также должен учитываться государствами при попытке передать спор на рассмотрение в Суд на основании *forum prorogatum* – а именно необходимостью уделять особое внимание точному формулированию предмета спора в изначальном заявлении во избежание отказа Суда рассматривать не упомянутые в нем факты и требования.

Наконец, государству-ответчику по заявлениям, поданным со ссылкой на принцип *forum prorogatum*, следует учитывать еще одну особенность данного основания юрисдикции: после того, как согласие сторон было выражено, оно не может быть отозвано в одностороннем порядке. Суд подтвердил это в *деле о проливе Корфу*[274]. В этой связи компетентным органам государственной власти необходимо принимать во внимание, что поспешные действия или неосторожные формулировки могут быть истолкованы Судом как безотзывное признание его юрисдикции в рамках принципа *forum prorogatum*.

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод о том, что рассматриваемое основание для юрисдикции Международного Суда ООН, для

---

[272] *Certain Questions of Mutual Assistance in Criminal Matters (Djibouti v. France)*, Judgement, I.C.J. Reports 2008, P. 211, Para. 87.
[273] Англ.: "*in respect of the dispute forming the subject of the Application and strictly within the limits of the claims formulated therein*".
[274] *Corfu Channel case,* Judgment on Preliminary Objection, I.C.J. Reports 1948, P. 29.

которого характерно отсутствие четких формальных требований, несет в себе риски политизации международного судопроизводства. В частности, принцип *forum prorogatum* может быть использован для передачи в Суд споров без реальных правовых оснований исключительно в политических целях, чтобы заставить государство-ответчик либо согласиться на юрисдикцию Суда либо публично признать, что оно не желает мирно разрешать спор (с вытекающими из этого репутационными последствиями). Так, в 1950-х гг. имели место попытки передачи дел в Суд на основании *forum prorogatum*, которые, однако, не увенчались успехом ввиду несогласия государств-ответчиков[275]: *дело об обращении в Венгрии с воздушным судном и экипажем США* (США против Венгрии) (США против СССР)[276] и *дело о воздушном инциденте 27 июля 1955 г.* (Израиль против Болгарии) (США против Болгарии) (Соединенное Королевство против Болгарии)[277]. В 2014 г. Республикой Маршалловы Острова было подано заявление в Международный Суд ООН против 9 «ядерных» государств – США, России, Великобритании, Франции, Китая, Индии, Пакистана, КНДР и Израиля (не признающего наличие у себя ядерного оружия) – которые, по мнению заявителя, в нарушение положений договора 1968 г. о нераспространении ядерного оружия продолжали атомную гонку. Заявления против Китая, Франции, Израиля, Северной Кореи, России и США[278] были основаны на пункте 5 ст. 38 Регламента Международного Суда ООН. Китай и Индия уведомили Суд о своем несогласии участвовать в судебном разбирательстве, а четыре других государства не ответили, что было расценено Судом как отказ принять предложение Республики Маршалловы

---

[275] *Xue H.* Jurisdiction of the International Court of Justice. – Leyden: Brill / Nijhoff, 2017. – P. 70.

[276] *Treatment in Hungary of Aircraft and Crew of United Sates of America* (USA v. Hungary) (USA v. USSR), Application instituting proceedings, 3 March 1954.

[277] *Aerial Incident of 27 July 1955 (Israel v. Bulgaria) (USA v. Bulgaria) (UK v. Bulgaria)*, Application instituting proceedings, 16 October 1957.

[278] В случае Великобритании, Индии и Пакистана в качестве основания для юрисдикции Суда Республика Маршалловы Острова указала односторонние заявления данных государств, однако Суд ООН не усмотрел оснований для своей юрисдикции ввиду отсутствия «спора» между сторонами.

Острова. Таким образом, хотя принцип *forum prorogatum* на настоящий момент нечасто успешно задействуется в практике Суда, данный инструмент может использоваться в политических целях и тем самым нести риск злоупотребления правом обращения в Международный Суд.

ГЛАВА 3. ВЫРАЖЕНИЕ СОГЛАСИЯ ГОСУДАРСТВ НА ЮРИСДИКЦИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН ПОСРЕДСТВОМ ЮРИСДИКЦИОННЫХ КЛАУЗУЛ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

3.1. Понятие, виды и содержание юрисдикционных клаузул международных договоров

В рамках п. 1. ст. 36 Статута Международному Суду на рассмотрение могут быть переданы «все вопросы, специально предусмотренные Уставом Объединенных Наций или действующими договорами и конвенциями», а именно содержащимися в них юрисдикционными клаузулами. Такие соглашения могут быть как многосторонними, так и двусторонними, регулировать исключительно вопросы разрешения споров между сторонами или же затрагивать данный аспект лишь в одной или нескольких статьях (тогда как основной массив норм будет носить материально-правовой характер и относиться к различным отраслям международного права).

Как справедливо замечает профессор К. Томушат, в Суд поступает все больше заявлений, поданных именно в соответствии с юрисдикционными клаузулами многосторонних договоров[279]. В 2010 г. Председатель Суда Х. Овада отметил, что процентное соотношение дел, поданных в соответствии с юрисдикционными клаузулами, возросло с 15 % в 1980-х годах до 40 % в конце прошлого века, а в 2000-х годах до более, чем 50 %[280]. Данная тенденция сохраняется: механизм юрисдикционных клаузул международных договоров продолжает быть востребованным и сегодня.

В юридической литературе под термином юрисдикционная клаузула (англ. *compromissory clause*) понимается положение международного

---

[279] *Tomuschat C.* Article 36 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 738; *Abraham R.* Presentation of the International Court of Justice over the Last Ten Years. // Journal of International Dispute Settlement. – 2016. – № 7. – P. 299.

[280] Speech by H.E. Judge Hisashi Owada, President of the International Court of Justice, to The Legal Advisers of United Nations Member States, Introductory Remarks at the Seminar on The Contentious Jurisdiction of the International Court of Justice, 26 October 2010 // URL: https://www.icj-cij.org/files/press-releases/5/16225.pdf

договора, в соответствии с которым стороны соглашаются на то, что связанные с данным договором споры между ними будут разрешаться независимым органом, решения которого будут иметь обязательную силу[281]. Как справедливо отмечает проф. Ш. Розенн, юрисдикционная клаузула является «положением, содержащимся в основании юрисдикции (англ. *title of jurisdiction*), которое позволяет соответствующему государству в одностороннем порядке передать на рассмотрение определенного судебного органа или трибунала спор, вытекающий из данного основания юрисдикции, для вынесения решения»[282]. Под основанием юрисдикции в данном контексте понимается международный договор.

Вместе с тем терминологического уточнения заслуживает нередко используемый в русскоязычной литературе перевод данного понятия – «юрисдикционная оговорка» [283] . Термин «оговорка» в международном публичном праве используется, прежде всего, в контексте Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. Согласно п. 1 ее статьи 2, оговорка – это «одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством при подписании, ратификации,

---

[281] *Tams C.* The Continued Relevance of Compromissory Clauses as a Source of ICJ Jurisdiction. // A wiser century? Judicial Dispute Settlement, Disarmament and the Laws of War 100 Years after the Second Hague Peace Conference / *Giegerich T.* (ed.) – Berlin: Duncker & Humblot, 2009. – Vol. 173. – P. 461. // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1413722

[282] *Rosenne S.* International Courts and Tribunals, Jurisdiction and Admissibility of Inter-State Applications. // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2006 ("[A] provision in the title of jurisdiction allowing a State concerned unilaterally to bring a case arising out of that title of jurisdiction before a named court or tribunal for decision […]"); *Rosenne S.* The World Court: What it is and how it works. / T.D. Gill (ed.). – 6th edition. – Leiden: United Nations Publications, 2003 – P. 71 ("That is a provision by which any dispute arising out of the application or interpretation of the treaty may be referred to the Court by any of the parties to the dispute").

[283] *Ильинская О.И.* Юридический статус Каспийского моря: история и современное состояние // Журнал российского права. – № 12. – 2021. – С. 155; *Попов И.В.* Международный Суд как инструмент защиты интересов России в сфере экологии // Диалог культур и партнерство цивилизаций: материалы IX международных Лихачевских научных чтений. – СПб.: СПбГУП, 2009 г. – С. 410; Международный Суд. Главный судебный орган Организации Объединенных Наций: вопросы и ответы. – С. 33. // URL: https://www.icj-cij.org/public/files/questions-and-answers-about-the-court/questions-and-answers-about-the-court-ru.pdf

принятии или утверждении договора или присоединении к нему, посредством которого оно желает исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к данному государству»[284]. Таким образом, данное определение не отражает сущности понятия юрисдикционной клаузулы, изложенного ранее[285]. Кроме того, государство может сделать оговорку в отношении юрисдикционной клаузулы договора. Во избежание смешения данных понятий в настоящем диссертационном исследовании используется понятие «юрисдикционная клаузула»[286]. В русскоязычных источниках также встречается термин «юрисдикционное положение» международного договора[287]. В переведенной в 1947 г. на русский язык (под ред. С.Б. Крылова) монографии члена Постоянной Палаты Международного Правосудия проф. Гарвардского университета М.О. Хадсона[288] используется термин «компромиссарные статьи», который представляет собой «кальку» с английского и редко встречается в русскоязычной литературе.

В литературе юрисдикционные клаузулы называют «серединным путем в Гаагу»: они являются более всеобъемлющими, чем специальные соглашения (представляющие собой согласие на юрисдикцию Суда *ad hoc* по конкретному спору), так как указывают на согласие сторон передать в Суд более широкий круг споров, которое выражено еще до момента их возникновения. Однако юрисдикционные клаузулы являются не столь далеко идущими, как

---

[284] *См.*: *Dörr O., Schmalenbach K.* Article 19. Formulation of reservations. // Vienna Convention on the Law of Treaties. / Dörr O., Schmalenbach K. (Eds.). – Springer: Berlin, Heidelberg, 2012. – P. 240; *Исполинов А.С.* Статус оговорок в решениях международных судов // Международное правосудие.– № 2. – 2020. – С. 73.

[285] *Zinchenko O.I.* Cases Relating to the Law of the Sea: Issues of Jurisdiction of the International Court of Justice / A.N. Vylegzhanin, O.I. Zinchenko // Vestnik of Saint Petersburg University. Law. – 2023. – № 3. – P. 687.

[286] *Егоров С.А.* Словарь международного права. – М: Статут, 2014. – С. 136.

[287] *Пунжин С.М.* Процессуальное право Международного Суда ООН: встречные требования (условия приемлемости) // Международное правосудие. – № 1(9). – 2014. – С. 83 (Хотя в ключевых словах к статье используется термин «юрисдикционная клаузула»).

[288] *Хадсон М.О.* Международные суды в прошлом и будущем. / Пер. с англ. Богомольной Ф.Е.; Под ред. Крылова С.Б. – М.: изд-во иностр. лит., 1947. – С. 119.

односторонние заявления о признании обязательной юрисдикции Международного Суда.

Не существует единого утвержденного на международном уровне списка, в котором были бы перечислены абсолютно все договоры, содержащие юрисдикционные клаузулы. На официальном сайте Международного Суда ООН опубликован перечень международных договоров, содержащих положения, признающие его юрисдикцию[289], однако указывается, что в него включены лишь договоры, о которых Секретариат Суда был уведомлен, а наличие или отсутствие какого-либо договора в данном списке не предопределяет вопроса о возможном его применении Судом в конкретном случае. Всего в списке значится 296 международных договоров, последний был заключен в 2006 г. (Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений).

Однако это число не является окончательным. Перечень не включает некоторые международные соглашения, содержащие клаузулы, предусматривающие юрисдикцию Международного Суда, такие как: Конвенция 1947 г. о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений (раздел 32); Устав Международной организации по миграции 1953 г. (статья 26); Конвенция о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации 1986 г. (статья 13); Конвенция о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала 1994 г. (статья 22). Список на официальном сайте Международного Суда также ссылается на первоначальную версию Конвенции по защите морской среды района Балтийского моря 1974 г. вместо действующей в настоящее время версии 1992 г. (юрисдикционная клаузула содержится в статье 26) и т.д. Кроме того, по крайней мере один договор, содержащий юрисдикционную клаузулу[290], который был заключен после 2006

[289]Официальный сайт Международного Суда ООН. // URL: https://www.icj-cij.org/en/treaties

[290] *Бекяшев Д.К.* Современные международно-правовые проблемы рыболовства. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Специальность

г., не указан в перечне: Соглашение о мерах государства порта по предупреждению, сдерживанию и ликвидации незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла 2009 г. Т.е. можно предположить, что и другие международные договоры также могут быть неуказанными на официальном сайте Международного Суда.

Комментаторы Статута Суда с интересом отмечают[291], что в данном списке не указан Общий акт о мирном разрешении международных споров от 26.09.1928 г., который часто использовался государствами для обоснования наличия юрисдикции Международного Суда [292], однако безрезультатно. Комментаторы делают вывод, что вопрос о юридической силе Общего акта после прекращения существования Постоянной Палаты Международного Правосудия в соответствии со статьей 37 Статута Международного Суда ООН остается открытым.

В упомянутом списке также не указана Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.[293], несмотря на содержащееся в ней (статья 287) прямое указание на Международный Суд ООН. Это может быть обусловлено сложностью системы, установленной Частью XV Конвенции. В соответствии с ней орган по урегулированию спора определяется сочетанием письменных заявлений соответствующих государств о выборе одной или нескольких процедур,

---

12.00.10 – Международное право; Европейское право / Д.К. Бекяшев: Научный консультант д.ю.н., профессор Вылегжанин А.Н. Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – Москва, 2017. – С. 226.

[291] *Tomuschat C.* Article 36 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 747.

[292] *Case of Certain Norwegian Loans*, Judgment of July 6th 1957, I.C.J. Reports 1957, P. 9, 25; *Case concerning the Temple of Preah Vihear (Cambodia v. Thailand)*, Preliminary Objections, Judgment of 26 May 1961, I.C.J. Reports 1961, P. 17, 21, 35; *Nuclear Tests cases,* Provisional Measures, I.C.J. Reports 1973, P. 103, Para. 19, P. 139, Para. 20; *Aegean Sea Continental Shelf (Greece v. Turkey)*, Jurisdiction of the Court, Judgment, I.C.J. Reports 1978, P. 30, Paras. 91–93; *Aerial Incident of 10 August 1999 (Pakistan v. India)*, Jurisdiction of the Court, Judgment, I.C.J. Reports 2000, P. 23–5, Paras. 26–28.

[293] Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву, 10 декабря 1982 г., United Nations Treaty Series, vol. 1833, P. 397.

перечисленных в статье 287 Конвенции [294]: Международный трибунал по морскому праву, Международный Суд ООН, арбитраж (согласно Приложению VII к Конвенции) или специальный арбитраж (согласно Приложению VIII к Конвенции). Вариантом по умолчанию (в случае отсутствия заявлений или при их противоречии) является арбитраж в соответствии с Приложением VII[295]. Таким образом, чтобы спор относительно толкования или применения Конвенции ООН по морскому праву достиг Международного Суда, обе стороны должны избрать его в качестве приоритетной процедуры.

Юрисдикционные клаузулы являются весьма неоднородной категорией, поскольку они неразрывно связаны с международным договором, в который они включены, и сформулированы по-разному: некоторые из них предусматривают одностороннюю передачу спора в Международный Суд любой Стороной (например, статья XIII Международной конвенции по предотвращению загрязнения моря нефтью 1954 г.), тогда как другие требуют для этого согласия всех сторон спора (например, статья 16 Конвенции по сохранению южного голубого тунца 1993 г., статья 22 Соглашения ФАО о мерах государства порта по предупреждению, сдерживанию и ликвидации незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла 2009 г. [296]). Последняя категория юрисдикционных клаузул имеет сходство со специальными соглашениями и, таким образом, стирает различие между этими юрисдикционными основаниями. Вместе с тем список договоров на официальном сайте Суда не проводит различий в этом отношении.

---

[294] *Treves T.* Dispute-settlement in the Law of the Sea: Disorder or System? // Promoting Justice, Human Rights and Conflict Resolution through International Law / La promotion de la justice, des droits de l'homme et du règlement des conflits par le droit international. / Kohen M. (Ed.). –Brill Nijhoff, 2007. – P. 929; *Шинкарецкая Г.Г.* Тенденции развития судебных средств мирного разрешения международных споров: монография. – М.: Nota Bene, 2009. – С. 31.

[295] *Rosenne S.* Arbitrations under Annex VII of the United Nations Convention on the Law of the Sea // Law of the sea, environmental law and settlement of disputes: Liber amicorum judge Thomas A. Mensah / Ndiaye T.M., Wolfrum R. (Eds.). – Leiden: Nijhoff, 2007. – P. 991.

[296] *Бекяшев Д. К.* Международно-правовые проблемы борьбы с незаконным рыболовством: монография. / Д.К. Бекяшев, К.А. Бекяшев. – Москва: Проспект, 2016. – С. 324.

Несмотря на то, что юрисдикционные клаузулы существенно отличаются друг от друга, если «отбросить» специфические для каждого международного договора нюансы (такие как наличие согласия второй стороны или условия проведения переговоров либо истечения определенного периода времени до подачи обращения в суд), то можно выделить несколько разновидностей юрисдикционных клаузул, которые отмечаются в науке.

Д.ю.н. Шинкарецкая Г.Г. [297] квалифицирует договоры, предусматривающие юрисдикцию Международного Суда ООН, по следующим категориям:

1) Договоры, специально посвященные разрешению споров;

2) Договоры общего характера, которые подразделяются на:

А) Двусторонние договоры;

Б) Многосторонние договоры, которые подразделяются на:

а) кодифицирующие конвенции;

б) многосторонние конвенции, являющиеся учредительными актами международных организаций.

Профессор К. Тэмс [298] выделяет следующие основания для классификации:

1) По источнику, в котором содержится соответствующая клаузула, можно разделить их на клаузулы международных договоров и клаузулы факультативных протоколов;

2) По судебному органу, юрисдикция которого предусматривается для разрешения споров, вытекающих из договора, клаузулы делятся на:

---

[297] *Шинкарецкая Г.Г.* Тенденции развития судебных средств мирного разрешения международных споров: монография. – М.: Nota Bene, 2009. – С. 136.

[298] *Tams C.* The Continued Relevance of Compromissory Clauses as a Source of ICJ Jurisdiction, // A wiser century? Judicial Dispute Settlement, Disarmament and the Laws of War 100 Years after the Second Hague Peace Conference / *Giegerich T.* (ed.) – Berlin: Duncker & Humblot, 2009. – Vol. 173. – P. 461. // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1413722

А) предусматривающие юрисдикцию Международного Суда ООН (или Постоянной Палаты Международного Правосудия) и Б) клаузулы, указывающие на иные органы разрешения споров.

Если же ограничиваться только вопросами юрисдикции Международного Суда ООН, то можно выделить клаузулы, указывающие на юрисдикцию Международного Суда ООН, и клаузулы, которые содержат упоминание Постоянной Палаты Международного Правосудия.

3) По типу международного договора, содержащего юрисдикционную клаузулу, выделяются: международные договоры по вопросам разрешения споров (например, Европейская конвенция о мирном урегулировании споров [299] , «Боготский пакт» [300] или двусторонние договоры о мирном урегулировании споров[301]) и международные договоры, предусматривающие специальные материально-правовые нормы, но содержащие юрисдикционную клаузулу (например, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации[302], Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.); по данному параметру юрисдикционные клаузулы можно разделить на клаузулы многосторонних и двусторонних международных договоров;

4) По механизму действия выделяются стандартные юрисдикционные клаузулы и так называемые опциональные (факультативные) (англ. *opt-in mechanisms*), которые пришли на смену заключению отдельных факультативных протоколов по вопросам разрешения споров и представляют собой положение международного договора, содержащее предложение государствам выразить свое согласие на какую-либо форму разрешения споров. Следовательно, государство, становясь участником данного международного договора, будет являться участником данного

---

[299] Европейская конвенция о мирном урегулировании споров, 29 апреля 1957 г., СЕД №023.
[300] American Treaty on Pacific Settlement, Bogotá, 30 April 1948, United Nations Treaty Series, vol. 449, P. 82.
[301] См., напр.: Treaty for Conciliation, Judicial Settlement and Arbitration between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Swiss Confederation, London, 7 July 1965.
[302] Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, 21 декабря 1965, United Nations Treaty Series, vol. 660, P. 195.

факультативного механизма разрешения споров, если прямо выразит свое согласие на это.

Например, статья 15 (2) Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте[303] предусматривает: «При подписании, ратификации, принятии, одобрении настоящей Конвенции или присоединении к ней или в любой момент после этого Сторона может направить Депозитарию письменное заявление о том, что в отношении спора, который не был разрешен в соответствии с положениями пункта 1 настоящей Статьи, она признает одно или оба из следующих средств урегулирования спора как обязательные в отношении любой Стороны, принимающей на себя такое же обязательство: a) передача спора в Международный Суд; b) передача спора в арбитраж в соответствии с процедурой, установленной в Добавлении VII». Как отмечал экс-председатель Международного Суда ООН Х. Овада, положительным аспектом отдельных факультативных протоколов по юрисдикционным вопросам является то, что государства могут взять на себя материально-правовые обязательства, вытекающие из основного текста международного договора, оставаясь при этом не связанными юрисдикцией Суда. Таким образом, государства могут подписать договоры, сторонами которых они иначе не стали бы, тем самым увеличивая объем принятых ими материально-правовых обязательств[304].

Наиболее важной с практической точки зрения представляется именно классификация юрисдикционных клаузул в зависимости от типа содержащего их международного договора, так как она позволяет выявить существенное отличие в механизме их действия. Так, международные договоры по вопросам разрешения споров обычно охватывают любые споры, возникающие между

---

[303] Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте, 25 февраля 1991, United Nations Treaty Series, vol. 1989, P. 309.

[304] Speech by H.E. Judge H. Owada, President of the International Court of Justice, to The Legal Advisers of United Nations Member States, Introductory Remarks at the Seminar on The Contentious Jurisdiction of the International Court of Justice, 26 October 2010 // URL: https://www.icj-cij.org/files/press-releases/5/16225.pdf

сторонами соглашения, за некоторым исключением (например, согласно статье 5 «Боготского пакта», указанные в нем процедуры неприменимы к спорам, подпадающим под национальную юрисдикцию государства). Напротив, клаузулы об урегулировании споров, включенные в международный договор, регулирующий отдельные материально-правовые аспекты, ограничиваются лишь спорами, которые затрагивают регулируемые данным договором вопросы существа. Таким образом, их сфера действия является более узкой и зависит от предмета договора. Как отмечает профессор К. Тэмс [305], это, в свою очередь, означает, что существуют значительные различия не только между юрисдикционными клаузулами двусторонних и многосторонних договоров, но также и между юрисдикционными клаузулами узко-специальных договоров (например, Соглашение о предоставлении специального займа Правительству Республики Гана для содействия выплате среднесрочных коммерческих долгов [306]) и более широкими по своему действию юрисдикционными клаузулами (например, ст. 37 Устава Международной организации труда (МОТ), в соответствии с которой Международному Суду передается всякий вопрос или спор, касающийся толкования Устава ООН или конвенций, заключенных впоследствии членами в соответствии с положениями Устава).

Данная классификация договоров, содержащих юрисдикционные клаузулы, приведена и в комментарии к Статуту Международного Суда ООН под редакцией А. Циммермана[307]. Так, выделяются:

---

[305] *Tams C.* The Continued Relevance of Compromissory Clauses as a Source of ICJ Jurisdiction, // A wiser century? Judicial Dispute Settlement, Disarmament and the Laws of War 100 Years after the Second Hague Peace Conference / *Giegerich T.* (ed.) – Berlin: Duncker & Humblot, 2009. – Vol. 173. – P. 468; URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1413722

[306] Agreement for the provision of a special loan to the Government of the Republic of Ghana to facilitate the payment of medium term commercial debts, United Nations Treaty Series, vol. 805, P. 191.

[307] *Tomuschat C.* Article 36 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 747 *et sec*.

1) Общие международные договоры по вопросам разрешения споров, предусматривающие юрисдикцию Международного Суда;

2) Специализированные международные договоры, содержащие юрисдикционные клаузулы, среди которых авторы особо выделяют следующие:

А) Факультативные протоколы к конвенциям о дипломатических и консульских сношениях: в частности, Факультативный протокол к Венской конвенции о дипломатических сношениях об обязательном разрешении споров (Вена, 18 апреля 1961 г.) и Факультативный протокол к Венской конвенции о консульских сношениях об обязательном разрешении споров (Вена, 24 апреля 1963 г.);

Б) Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (Монреаль, 23.09.1971 г.);

В) Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Нью-Йорк, 9 декабря 1948 г.).

Особое упоминание авторами указанных трех международных договоров, вероятно, обусловлено тем, что их юрисдикционные клаузулы зачастую используются государствами для обоснования наличия юрисдикции Международного Суда ООН. Так, юрисдикционные клаузулы факультативных протоколов об обязательном урегулировании споров к Венской конвенции о дипломатических сношениях и Венской конвенции о консульских сношениях позволили США возбудить дело против Ирана о взятии заложников в американском посольстве в Тегеране[308]. Далее (в разделе 2.2.2) более подробно будут рассмотрены дела, в которых США стали ответчиком в связи с невыполнением конвенционных обязательств по информированию консульских учреждений иностранных государств на своей территории об аресте и судебном преследовании иностранных граждан (*«дело*

[308] *United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran (United States of America v. Iran)*, I.C.J. Reports 1980, P. 24, Para. 45.

Брерд»[309], *«дело ЛаГранд»*[310], *«дело Авена»*[311]). Аналогичное нарушение совершили Демократическая Республика Конго и Пакистан: к такому выводу пришел Суд в делах *«Диалло»*[312] и *«Ядав»*[313] соответственно. В настоящий момент (февраль 2024 г.) на рассмотрении Суда находится поданное 28 сентября 2018 г. заявление Палестины против США в связи с решением американской стороны перенести свое посольство из Тель-Авива в Иерусалим[314].

Схожим образом обстоит ситуация с Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него — данный уникальный договор в статье IX позволяет государствам напрямую обращаться в Международный Суд ООН по вопросам толкования, применения или выполнения Конвенции. Отсутствие процедурных препятствий в виде задействования предусмотренных международным договором механизмов разрешения споров или проведения переговоров послужило причиной того, что множество заявлений в Международный Суд были основаны на этой Конвенции[315]. В 1993 г. государство Босния и Герцеговина подало в Международный Суд заявление против Федеральной Республики Югославии. Суд не поддержал юрисдикционные возражения ответчика о том, что ст. IX Конвенции охватывает лишь ответственность, вытекающую из невыполнения государством своих обязательств по предотвращению и наказанию

---

[309] *Case concerning the Vienna Convention on Consular Relations (Paraguay/United States of America)*, Order of 10 November 1998, I.C.J. Reports 1998, P. 426.
[310] *LaGrand case*, I.C.J. Reports 2001, P. 466, 482, Para. 42.
[311] *Avena and Other Mexican Nationals (Mexico v. United States of America)*, Judgment, I.C.J. Reports 2004, P. 71 – 72, Para. 153.
[312] *Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of the Congo)*, Merits, Judgment, I.C.J. Reports 2010, P. 639, Paras. 90 – 97.
[313] *Jadhav case (India v. Pakistan)*, Judgment of 17 July 2019, General List No. 168.
[314] *Капустин А.Я., Ковлер А.И., Белялова А.М., Лебедева Я.И., Фокин Е.А.* Практика рассмотрения межгосударственных жалоб в международных судах: история вопроса и перспективы. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 6. – С. 119.
[315] *Tomuschat C.* Article 36 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 752.

преступления геноцида, как предусмотрено статьями V, VI и VII, но не ответственность за акт геноцида, совершенный самим государством. Данное возражение было отклонено Судом, который установил наличие юрисдикции на основании ст. IX Конвенции[316]. Это привело к вынесению Судом 26 февраля 2007 г. решения по существу дела[317]. В 1999 г. заявление против Югославии было подано Хорватией, которая утверждала, что югославские вооруженные силы совершили акты геноцида на ее территории. Отклонив предварительные возражения по вопросам юрисдикции[318], Суд вынес окончательное решение по существу дела[319] 16 лет спустя. Югославия также прибегала к статье IX Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него для обоснования юрисдикции Международного Суда ООН в заявлении против десяти стран НАТО в связи с нанесенными ими воздушными ударами по Югославии[320]. Суд в 2004 г. вынес решение, в котором не признал наличие своей юрисдикции на том процедурном основании, что Сербия и Черногория не являлась членом ООН и стороной Статута Суда. Данное решение подвергалось критике со стороны ряда ученых-международников[321].

---

[316] *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide*, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 1996, P. 595.

[317] *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro)*, Judgment, I.C.J. Reports 2007, P. 43.

[318] *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Croatia v. Serbia)*, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2008, P. 412.

[319] *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Croatia v. Serbia)*, Merits, Judgment, I.C.J. Reports 2015, P. 3.

[320] *Legality of Use of Force cases (Serbia and Montenegro v. Belgium, Canada, France, Germany, Italy, Netherlands, Portugal, Spain, United Kingdom, United States of America)*, Provisional Measures, I.C.J. Reports 1999, P. 124, 259, 363, 422, 481, 542, 656, 761, 826, 916; *Legality of Use of Force cases (Serbia and Montenegro v. Belgium, Canada, France, Germany, Italy, Netherlands, Portugal, United Kingdom)*, Preliminary Objections, I.C.J. Reports 2004, P. 279, 429, 575, 720, 865, 1011, 1160, 1307.

[321] *Puoti P.* Yugoslavia Dissolution Before the ICJ: the Need for a New Approach to State Succession // The Italian Yearbook of International Law Online. – Volume 16. – Issue 1. – P. 187; *Posner E.* The Decline of the International Court of Justice // John M. Olin Program in Law and Economics Working Paper No. 233. – 2004.

11 ноября 2019 г. Гамбия подала заявление в Международный Суд ООН против Мьянмы с обвинениями о совершении актов геноцида в отношении мусульманского меньшинства рохинджа, также опираясь на юрисдикционную клаузулу Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. 23 января 2020 г. Суд вынес решение об обеспечительных мерах, которым обязал Мьянму принять все возможные меры для предотвращения совершения актов геноцида согласно статье 2 Конвенции и регулярно отчитываться об их исполнении [322] . Слушания по предварительным возражениям ответчика, касающимся юрисдикции Суда и приемлемости заявления, состоялись в феврале 2022 г. 22 июля 2022 г. Международный Суд ООН вынес решение [323] , в котором установил наличие юрисдикции рассматривать данное дело, что определило позицию Суда по важному вопросу наличия «правового интереса» государства-заявителя в разрешении спора в контексте обвинений в совершении геноцида.

Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него послужила основанием и для поступившего в Суд 26 февраля 2022 г. заявления Украины против России. В отличие от всех других поступивших в Суд по сей день (февраль 2024 г.) заявлений, в которых речь шла о предположительном совершении государством-ответчиком геноцида, в заявлении Украины была использована весьма неоднозначная юридическая конструкция: нарушение Россией Конвенции путем «необоснованных обвинений» в геноциде для «оправдания» начала специальной военной операции[324]. 16 марта 2022 г. Суд вынес решение о назначении временных мер,

---

[322] *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (The Gambia v. Myanmar)*, Request for the Indication of Provisional Measures, Order of 23 January 2020, General List No. 178.

[323] *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (The Gambia v. Myanmar)*, Preliminary objections, Judgment of 22 July 2022, General List No. 178.

[324] *Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation)*, Application instituting proceedings, 26 February 2022.

в котором установил наличие *prima facie* юрисдикции[325]. Основания, на которых Суд базировал данный вывод, представляются шаткими и продиктованными политическими, нежели юридическими, соображениями. Симптоматично в этой связи заявление марокканского судьи М. Беннуны, в котором он подтвердил отсутствие в действительности оснований для юрисдикции Международного Суда, объяснив свою поддержку большинства по вопросу назначения временных мер личными мотивами[326]. Со схожих позиций об отсутствии у Суда юрисдикции – даже *prima facie* – выступили также Вице-председатель Международного Суда ООН К.Г. Геворгян (Россия) и судья Х. Сюэ (Китай). Таким образом, Суд столь «мягким» подходом к вопросам юрисдикции на стадии временных мер в очередной раз «подкрепил» ставшую заметной в последние годы тенденцию обращения государств в отсутствие достаточных юрисдикционных оснований в Международный Суд ООН без реальной заинтересованности в разрешении спора, а лишь для получения «громкого» решения по временным мерам и его дальнейшего использования в политических и пропагандистских целях.

Изложенные выше позиции судей свидетельствовали о неоднозначных дискуссиях в Суде и вселяли осторожную надежду на пересмотр его позиции на следующем процессуальном этапе[327], которая в итоге оправдалась: 2 февраля 2024 г. Суд поддержал выдвинутые Россией предварительные

---

[325] *Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation)*, Request for the indication of provisional measures, Order of 16 March 2022, General List No. 182.

[326] *Ibid*., Declaration of Judge Bennouna, Paras. 1-2 (“I voted in favour of the Order indicating provisional measures in this case because I felt compelled by this tragic situation […]. However, I am not convinced that the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide […] was conceived, and subsequently adopted, in 1948, to enable a State, such as Ukraine, to seise the Court of a dispute concerning allegations of genocide made against it by another State, such as the Russian Federation, even if those allegations were to serve as a pretext for an unlawful use of force”).

[327] *Vylegzhanin A.N., Ivanov D.V., Zinchenko O.I.* Claims Concerning Racial Discrimination: Jurisdictional Approaches of the International Court of Justice // Kutafin Law Review. – 2022. – Vol. 9. – № 2. – P. 389; *Зинченко О.И.* Споры, касающиеся вооруженных конфликтов: подходы Международного Суда ООН к вопросам юрисдикции // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 6 (169). – С. 29.

возражения об отсутствии у него юрисдикции *ratione materiae* рассматривать спор – но только в части, касающейся обвинений в несоблюдении Конвенции Россией[328]. При этом Суд выделил в отдельный аспект спора содержавшееся в пар. 178 (b) Меморандума Украины ходатайство о том, чтобы Суд подтвердил отсутствие «достоверных доказательств ответственности Украины за совершение геноцида в нарушение Конвенции» в ДНР и ЛНР – и признал юрисдикцию рассматривать спор в этой части. По логике государства-заявителя, данное требование должно было «усилить» требования о признании различных нарушений Конвенции со стороны России. Однако заявление Украины неожиданно обернулось против нее: в итоге на рассмотрении Суда остался лишь вопрос о соблюдении самой Украиной обязательств по Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него.

Наконец, 29 декабря 2023 г. Южно-Африканская Республика (ЮАР) подала заявление против Израиля относительно нарушений Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него в секторе Газа[329]. В решении от 26 января 2024 г. Международный Суд ООН установил наличие *prima facie* юрисдикции рассматривать спор и назначил временные меры в отношении Израиля[330].

Что касается отдельно упоминаемой авторами комментария к Статуту Международного Суда ООН под редакцией А. Циммермана Монреальской конвенции 1971 г., то хотя она и не была основанием для подачи большого количества заявлений в Международный Суд ООН, именно на ее юрисдикционной клаузуле основывалась юрисдикция Суда в важном в его практике «*деле Локерби*». Кроме того, на основании данного международного

---

[328] *Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation: 32 States intervening)*, Preliminary objections, 2 February 2024, General List No. 182, P. 56.

[329] *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide in the Gaza Strip (South Africa v. Israel)*, Application instituting proceedings and request for the indication of provisional measures, 29 December 2023.

[330] *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide in the Gaza Strip (South Africa v. Israel)*, Order of 26 January 2024, Provisional measures, General List No. 192, P. 12.

договора 4 июля 2023 г. совместное заявление против Ирана подали Швеция, Украина и Великобритания в связи с воздушным инцидентом 8 января 2020 г.[331]

Особое внимание авторов комментария к упомянутым специализированным международным договорам является оправданным ввиду их значительной роли в практике Суда. Вместе с тем данный список представляется целесообразным дополнить указанием на Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. (далее – Конвенция 1965 г.), которая в последние годы стала весьма часто используемым (и подчас злоупотребляемым) средством для обоснования юрисдикции Международного Суда. Ее статья 22, содержащая юрисдикционную клаузулу, использовалась Грузией для подачи заявления против России в 2008 г., Украиной – против России в 2017 г., Катаром – против ОАЭ в 2018 г., а также в 2021 г. в заявлениях Армении и Азербайджана по ситуации в Нагорном Карабахе. Множество заявлений в Международный Суд ООН поступило и в связи с задействованием государствами статьи XXXI Боготского пакта 1948 г. — регионального акта, участниками которого являются несколько государств Северной и Южной Америки.

Какие-либо четкие требования к содержанию и формулировкам юрисдикционных клаузул в практике отсутствуют. В качестве соглашения, содержащего юрисдикционную клаузулу, может выступать не только формально заключенный договор. Ключевым для Суда является наличие или отсутствие согласия государства на его юрисдикцию, однако формальных требований для выражения такого согласия не предъявляется. Так, в *деле о юрисдикции над рыбными промыслами (Федеративная Республика Германии*

---

[331] *Aerial Incident of 8 January 2020 (Canada, Sweden, Ukraine and United Kingdom v. Islamic Republic of Iran)*, Joint Application instituting proceedings, 4 July 2023 // URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/190/190-20230704-app-01-00-en.pdf (accessed date: 16.10.2023).

против Исландии) Суд установил, что юрисдикционная клаузула содержалась в п. 5 обмена нотами между двумя государствами (англ. *Exchange of Notes*)[332].

3.2. Сфера применения юрисдикционных клаузул международных договоров

Несмотря на то, что юрисдикционные клаузулы международных договоров часто используются для передачи споров в Международный Суд ООН (их количество составляет более трех четвертей находящихся на рассмотрении Суда дел на февраль 2024 г.), на практике государства и Суд сталкиваются с некоторыми проблемами, вытекающими из уникальных характеристик данного юрисдикционного основания, что, в свою очередь, влияет на сферу их применения. В настоящем разделе последовательно будут проанализированы последствия следующих особенностей юрисдикционных клаузул: ограниченного количества использовавшихся на практике юрисдикционных клаузул; подписания государствами международных договоров с оговорками, касающимися юрисдикционных клаузул; использования юрисдикционных клаузул международных договоров применительно к ситуациям, лишь косвенно относящимся к предмету регулирования соответствующих международных договоров; нестабильности системы юрисдикционных клаузул международных договоров; необходимости установления Судом фактов при рассмотрении дел на основе юрисдикционных клаузул специализированных международных договоров.

Ограниченное количество международных договоров, юрисдикционные клаузулы которых успешно использовались для передачи споров в Международный Суд ООН. Ограниченность сферы применения юрисдикционных клаузул проявляется, в первую очередь, в том, что хотя международных договоров, признающих юрисдикцию Международного Суда

---

[332] *Fisheries Jurisdiction Case (Germany v. Iceland)*, Judgment of 2 February 1973, Jurisdiction of the Court, I.C.J. Reports 1973, P. 49, P. 58.

ООН посредством юрисдикционных клаузул, насчитывается 296[333], они в основном были заключены несколько десятилетий назад. В последние годы наблюдается тенденция, свидетельствующая о нежелании государств заключать новые договоры, содержащие такие механизмы[334]. Кроме того, подавляющее большинство юрисдикционных клаузул никогда не использовалось для привлечения Международного Суда ООН к рассмотрению спора (в то время как некоторые договоры применялись в этих целях неоднократно).

Как отмечает профессор К. Тэмс[335], немногим более 30 международных договоров, содержащих юрисдикционные клаузулы, упоминались в ходе разбирательств в Международном Суде ООН, некоторые из них не один раз. С учетом того, что таких международных договоров на сайте Суда указано практически 300, то напрашивается вывод о том, что девять из десяти таких клаузул никогда не использовались в практике Суда. Излишне говорить, что количество юрисдикционных клаузул, которые в конечном итоге были признаны Судом в качестве основания для его юрисдикции, еще меньше.

Упомянутую проблему (применительно к договорам в сфере прав человека) отмечал и бывший член Международного Суда Дж. Кроуфорд: лишь пять договоров среди основных договоров по тематике прав человека содержат юрисдикционную клаузулу, обеспечивающую возможность задействовать главный судебный орган ООН[336]. Из этих пяти только

---

[333] Treaties // Официальный сайт Международного Суда ООН. Режим доступа: http://www.icj-cij.org/en/treaties (дата обращения: 04.02.2023).

[334] *Thirlway H.* The International Court of Justice. – New York: Oxford University Press, 2016. – P. 44; *Akande D.* Selection of the International Court of Justice as a Forum for Contentious and Advisory Proceedings (Including Jurisdiction) // Journal of International Dispute Settlement. – № 7. – 2016. – P. 320.

[335] *Tams C.* The Continued Relevance of Compromissory Clauses as a Source of ICJ Jurisdiction, // A wiser century? Judicial Dispute Settlement, Disarmament and the Laws of War 100 Years after the Second Hague Peace Conference / *Giegerich T.* (ed.) – Berlin: Duncker & Humblot, 2009. – Vol. 173. – P. 482. // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1413722 (дата обращения: 04.02.2023).

[336] *Crawford J.* Interpretation of human rights treaties by the International Court of Justice. // Brainstorming Seminar on the place of the Convention in the European and international legal

Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. допускает немедленный и прямой доступ к Суду. Данная Конвенция является в то же время и единственным основополагающим документом в сфере прав человека, которым не предусмотрено создания договорного органа по надзору за исполнением государствами-участниками его положений, что обусловлено ее исключительным характером. Остальные четыре договора наделяют Суд юрисдикцией «на второстепенной основе» (то есть после исчерпания сторонами иных способов мирного разрешения спора): Конвенция о политических правах женщины[337], Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации[338], Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин[339] и Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [340] . Таким образом, ряд ученых (в том числе Б. Зимма, Дж. Кроуфорд) приходит к выводу о нехватке «юрисдикционных крючков» в договорах в сфере прав человека.

Тезис об ограниченности применения юрисдикционных клаузул подтверждается не только их количеством и частотой использования в международных договорах, но и их «качеством». Можно констатировать наличие обратной зависимости между «объемом» полномочий, предоставляемых Суду в соответствии с юрисдикционной клаузулой, и

---

order, co-organised by the *PluriCourts* academic network. Strasbourg. 29-30 March 2017. // URL: https://vodmanager.coe.int/coe/webcast/coe/2017-03-29-3/lang/1; at 0:31:59 (дата обращения: 04.02.2023); *Энтин М.Л., Энтина Е.Г.* Влияние права прав человека на прогрессивное развитие современного международного права. // Московский журнал международного права. – 2017. – № 4. – С. 39.

[337] Конвенция о политических правах женщины, 20 декабря 1952 г., United Nations, Treaty Series, vol. 193, P.135.

[338] Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, 21 декабря 1965, United Nations Treaty Series, vol. 660, P. 195.

[339] Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, 18 декабря 1979 г., United Nations, Treaty Series, vol. 1249, P. 13.

[340] Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, 10 декабря 1984 г., United Nations, Treaty Series, vol. 1465, P. 85.

количеством государств, ставших сторонами соответствующего соглашения: многосторонние договоры, предусматривающие широкую юрисдикцию Международного Суда ООН (по всем юридическим спорам, возникающим между государствами-сторонами), не пользуются большой популярностью среди государств. Например, Европейская конвенция о мирном урегулировании споров 1957 г.[341] (разработанная в рамках Совета Европы, но открытая для подписания государствами, не являющимися членами Организации) «набрала» лишь 14 ратификаций.

В то же время представляется неверным утверждать, что незначительное количество ратификаций договора, предусматривающего юрисдикцию Международного Суда ООН, означает его неэффективность. Несмотря на то, что Европейская конвенция о мирном урегулировании споров 1957 г. имеет узкий круг участников, она неоднократно использовалась для передачи дел в Международный Суд. В деле *«Германия против Италии (при участии Греции)»*, которое считается наиболее предметным и цитируемым в рамках темы юрисдикционных иммунитетов государства[342], Суд постановил, что он обладает юрисдикцией для разрешения спора на основании данной Конвенции [343] . В *деле, касающемся определенного имущества* [344] , в обоснование юрисдикции Суда в заявлении Княжества Лихтенштейн также содержалась ссылка на статью 1 Конвенции (вступила в силу для обеих сторон

---

[341] Европейская конвенция о мирном урегулировании споров, 29 апреля 1957 г., СЕД №023.

[342] *Вылегжанин А.Н., Чурилина Н.А.* Международно-правовые основания юрисдикционного иммунитета государств. // Московский журнал международного права. – № 2 (98). – 2015. – С. 42 – 43.

[343] *Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy: Greece intervening)*, I.C.J. Reports 2012, P. 99; *См.*: Examination of the European Convention for the Peaceful Settlement of Disputes (ETS No.23). 47th meeting of the Council of Europe Committee of Legal Advisers on Public International Law. Strasbourg, 20-21 March 2014. // URL: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680078b35 (дата обращения: 04.02.2023)

[344] *Case Concerning Certain Property (Liechtenstein v. Germany)*, Preliminary objections, Judgment of 10 February 2005, I.C.J. Reports 2005, P. 6.

18 февраля 1980 г.)[345]. Однако Суд согласился со вторым предварительным возражением Германии[346], в соответствии с которым все относящиеся к делу факты и события возникли до вступления Конвенции 1957 г. в силу для сторон, вследствие чего у Суда отсутствует юрисдикция *ratione temporis* для разрешения данного спора[347]. Наконец, 29 апреля 2022 г. Германия подала в Международный Суд ООН заявление против Италии, в котором также ссылалась на ст. 1 Европейской конвенции о мирном урегулировании споров 1957 г.[348]

Еще один пример регионального акта, ратифицированного 14 государствами, но имеющего «эффективную» (т.е. часто использовавшуюся на практике) юрисдикционную клаузулу, — действующий в рамках Организации американских государств Межамериканский договор о мирном разрешении споров 1948 г. («Боготский пакт») [349] . Его статья XXXI предусматривает согласие государств на юрисдикцию Международного Суда ООН по всем возникающим между ними спорам юридического характера. Примечательно, что в тексте данной статьи содержится ссылка на статью 36 (2) Статута, то есть государства рассматривают статью XXXI «Боготского пакта» как своего рода коллективное заявление о признании юрисдикции Суда. В то же время данное положение можно расценивать и как

---

[345] *Вылегжанин А.Н., Алферьева К.Е.* Вклад Международного Суда ООН в развитие международного экономического права. // Московский журнал международного права. – № 3 (103). – 2016. – С. 41.

[346] *Case Concerning Certain Property (Liechtenstein v. Germany)*, Preliminary objections, Judgment of 10 February 2005, I.C.J. Reports 2005, P. 27, Para. 53.

[347] *Вылегжанин А.Н., Алферьева К.Е.* Вклад Международного Суда ООН в развитие международного экономического права. // Московский журнал международного права. – № 3 (103). – 2016. – С. 43.

[348] *Questions of jurisdictional immunities of the State and measures of constraint against State-owned property (Germany v. Italy)*, Application instituting proceedings and request for the indication of provisional measures, 29 April 2022. // URL: https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/183/183-20220429-APP-01-00-EN.pdf (дата обращения: 04.02.2023).

[349] American Treaty on Pacific Settlement, Bogotá, 30 April 1948, United Nations Treaty Series, vol. 449, P. 82.

юрисдикционную клаузулу многостороннего договора [350] (на сайте Суда «Боготский пакт» указан именно в списке таких международных договоров[351], а не в разделе сайта, перечисляющем заявления о признании юрисдикции Суд[352]). В любом случае, как справедливо отмечает профессор К. Томушат[353], четкая классификация не имеет значения для Международного Суда, так как различные способы признания его юрисдикции равны по своей юридической силе.

Несмотря на 14 ратификаций, «Боготский пакт» достаточно часто фигурирует в практике Международного Суда[354]. Первым разбирательством, в котором он использовался в качестве обоснования его юрисдикции, стал *спор между Гондурасом и Никарагуа в отношении арбитражного решения короля Испании от 1906 г.* [355] По рекомендации Совета Организации американских государств стороны договорились в июне 1957 г. использовать Пакт для передачи спора на рассмотрение Суда. Впоследствии стороны заключили в Вашингтоне соглашение относительно того, что Гондурас должен направить обращение в Суд. Однако в обращении Гондураса[356] в итоге содержалась ссылка не на ст. XXXI Пакта, а на Вашингтонское соглашение и односторонние заявления обоих государств в рамках системы «факультативной клаузулы».

---

[350] *Border and Transborder Armed Actions (Nicaragua v. Honduras)*, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1988, P. 84, Para. 32 – 34.

[351] International Court of Justice, Treaties. // URL: https://www.icj-cij.org/en/treaties (дата обращения: 04.02.2023).

[352] International Court of Justice, Declarations. // URL: https://www.icj-cij.org/en/declarations (дата обращения: 04.02.2023).

[353] *Tomuschat C.* Article 36 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 749.

[354] *Valencia-Ospina E.* Bogotá Pact (1948) // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2011.

[355] *Case concerning the Arbitral Award made by the King of Spain on 23 December 1906,* Judgment of 18 November 1960, I.C.J. Reports 1960, P. 192.

[356] *Case concerning the Arbitral Award made by the King of Spain on 23 December 1906 (Honduras v. Nicaragua)*, ICJ Pleadings, Vol. 1, P. 8. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/39/9171.pdf (дата обращения: 04.02.2023).

Позднее в 1986 г. Никарагуа на основе ст. XXXI Пакта одновременно были поданы заявления в Международный Суд ООН против Коста-Рики и Гондураса относительно пограничных и трансграничных вооруженных действий. Прежде чем Суд смог вынести свое решение, заявление против Коста-Рики было отозвано Никарагуа в 1987 г. со ссылкой на соглашение, подписанное 7 августа 1987 г. в Гватемале президентами пяти государств Центральной Америки (Соглашение Эскипулас-II). Что касается заявления против Гондураса по *делу о пограничных и трансграничных вооруженных действиях*, то в 1988 г. Суд признал наличие своей юрисдикции на основании Боготского пакта, отвергнув ряд предварительных возражений, выдвинутых Гондурасом [357] . Интересно, что Суд не согласился с предложенным Гондурасом толкованием ст. XXXI Пакта, в соответствии с которым, в частности, к ней должны применяться условия, содержащиеся в одностороннем заявлении Гондураса от 1986 г. В этой связи Суд постановил, что обязательство, содержащееся в ст. XXXI Пакта, не зависит от заявлений о признании юрисдикции Суда в рамках системы «факультативной клаузулы»[358]. Однако после начала процедуры рассмотрения дела по существу и представления меморандума Никарагуа стороны пришли к соглашению во внесудебном порядке, и дело было прекращено до того, как Суд вынес решение по существу.

Ст. XXXI Пакта была вновь использована Никарагуа для обоснования наличия юрисдикции Суда в *деле о территориальном и морском споре* с Колумбией[359]. В решении, вынесенном в декабре 2007 г., Суд согласился с предварительными возражениями Колумбии относительно части спора, касающейся суверенитета над архипелагом Сан-Андрес, однако установил

---

[357] *Border and Transborder Armed Actions (Nicaragua v. Honduras)*, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1988, P. 69; *Лукашук И.И.* Современное право международных договоров: в 2 т. – М.: Волтерс Клувер, 2004. Т. 1: Заключение международных договоров. – С. 532.

[358] *Ibidem.* P. 82, Para. 36.

[359] *Territorial and Maritime Dispute (Nicaragua v. Colombia)*, Application instituting proceedings, 6 December 2001, 2001 General List No. 124.

наличие юрисдикции на основании ст. XXXI Пакта для вынесения решения по другим аспектам[360].

Попутно следовало бы обратить внимание на значимость данного решения для прояснения взаимосвязи между Боготским пактом (и иными договорами, предусматривающими юрисдикцию Международного Суда ООН) и заявлениями в рамках системы «факультативной клаузулы». Суд не согласился с доводом Колумбии о том, что если заявителем используются два юрисдикционных основания: (а) заявления спорящих государств в рамках системы «факультативной клаузулы», и б) положения Боготского пакта, то последний якобы имеет преимущественный характер[361]. Суд отметил, что множественность соглашений, предусматривающих его юрисдикцию, служит доказательством того, что стороны имели намерение обеспечить «дополнительный» доступ к Суду[362]. Тем самым Суд разъяснил свою позицию по этому вопросу, изложенную в том числе в упомянутом ранее *деле относительно пограничных и трансграничных вооруженных действий (Никарагуа против Гондураса)*. Спустя неделю после вынесения Судом решения по существу спора в 2012 г.[363] Колумбией было принято решение о выходе из Боготского пакта[364] в знак несогласия с позицией Суда, ставшее

---

[360] *Territorial and Maritime Dispute (Nicaragua v. Colombia)*, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2007, P. 832.
[361] *Ibidem*, P. 870.
[362] *Territorial and Maritime Dispute (Nicaragua v. Colombia). Preliminary Objections*, Judgment, I.C.J. Reports 2007, P. 873 ("The multiplicity of agreements concluded accepting the compulsory jurisdiction is evidence that the contracting Parties intended to open new ways of access to the Court rather than to close old ways or to allow them to cancel each other out with the ultimate result that no jurisdiction would remain"); См. также: *La Fayette L.A.* Territorial and Maritime Dispute Case (Nicaragua v. Colombia) // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2009; *Electricity Company of Sofia and Bulgaria (Belgium v. Bulgaria)*, Judgment, PCIJ 1939 Series A/B., No. 77, P. 76.
[363] *Territorial and Maritime Dispute (Nicaragua v. Colombia)*, Judgment, I.C.J. Reports 2012, P. 624.
[364] Colombia pulls out of International Court over Nicaragua. – *BBC News.* 28.11.2012. // URL: https://www.bbc.co.uk/news/world-latin-america-20533659 (дата обращения: 04.02.2023).

вторым по счету в истории договора (после аналогичного «жеста» Сальвадора в 1973 г.)[365].

Наконец, целесообразным представляется упомянуть и *дело относительно обязательства договориться о доступе к Тихому океану (Боливия против Чили)*[366], решение по которому было вынесено Судом 1 октября 2018 г. Ранее Суд признал свою юрисдикцию в соответствии со ст. XXXI Боготского пакта[367].

Вышеупомянутые случаи наглядно показывают, что государства могут «предпочесть» юрисдикционную клаузулу договора общего характера (о разрешении споров), несмотря на тесную связь дела с предметом другого договора, регулирующего конкретные материальные аспекты. Одной из причин может являться «недоступность» для спорящих государств юрисдикционного механизма такого специализированного договора. Например, в 2008 г. после безуспешных попыток двустороннего урегулировании спора Перу подала заявление против Чили в Международный Суд со ссылкой на статью XXXI «Боготского пакта». Хотя спор касался делимитации морской границы, процедуры Части XV Конвенции ООН по морскому праву не могли быть использованы, поскольку Перу не являлась стороной данного договора[368]. Аналогичным образом, в декабре 1999 г. Никарагуа подала заявление против Гондураса, основывая юрисдикцию Суда на «Боготском пакте» и односторонних заявлениях в рамках системы

---

[365] *Pineda A.C.R.* Recourse to International Dispute Settlement Mechanisms, Including Recent International Court of Justice Decisions. // ILSA Journal of International & Comparative Law. – Vol. 21. – Issue 2. – 2015. – P. 391.

[366] *Obligation to Negotiate Access to the Pacific Ocean* (*Bolivia v. Chile)*, Application Instituting Proceedings (April 24, 2013). // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/153/17338.pdf (дата обращения: 04.02.2023).

[367] *Obligation to Negotiate Access to the Pacific Ocean (Bolivia v. Chile)*, Preliminary Objection, Judgment, I.C.J. Reports 2015, P. 592.

[368] *Churchill R.* Dispute Settlement under the UN Convention on the Law of the Sea: Survey for 2008. // The International Journal of Marine and Coastal Law. – № 24. – 2009. – P. 613.

«факультативной клаузулы» [369] . Государство-заявитель ратифицировало Конвенцию ООН по морскому праву только в мае 2000 г.

В настоящее время (по состоянию на февраль 2024 г.) Суд рассматривает одно дело, в котором заявители ссылаются на ст. XXXI Боготского пакта: *вопрос о суверенитете над островами Саподилья Каейс* (Белиз против Гондураса). До недавнего времени на рассмотрении Суда находилось еще несколько споров, переданных ему на основании ст. XXXI Боготского пакта и рассмотренных им по существу (в ряде случаев – после отклонения предварительных возражений государств-ответчиков об отсутствии у Суда юрисдикции): *вопрос о делимитации континентального шельфа между Никарагуа и Колумбией за пределами 200 морских миль от побережья Никарагуа* (Никарагуа против Колумбии)[370], *спор о статусе и использовании вод Силалы* (Чили против Боливии)[371] и *спор о предполагаемых нарушениях суверенных прав и морских пространств в Карибском море* (Никарагуа против Колумбии)[372].

Таким образом, весьма незначительное (на фоне общего числа договоров, содержащих юрисдикционные клаузулы) количество действительно эффективных соглашений, которые успешно использовались для обращения в Международный Суд ООН, указывает на некоторую ограниченность применения юрисдикционных клаузул (в первую очередь для

---

[369] *Churchill R*. Dispute Settlement Under the UN Convention on the Law of the Sea: Survey for 2007. // The International Journal of Marine and Coastal Law. – № 23. – 2008. – P. 615.

[370] 17 марта 2016 г. Суд принял решение о наличии у него юрисдикции, а 13 июля 2023 г. принял постановление по существу. См. *Question of the Delimitation of the Continental Shelf between Nicaragua and Colombia beyond 200 Nautical Miles from the Nicaraguan Coast (Nicaragua v. Colombia)*, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2016, P. 100; *Question of the Delimitation of the Continental Shelf between Nicaragua and Colombia beyond 200 nautical miles from the Nicaraguan Coast (Nicaragua v. Colombia)*, Judgment of 13 July 2023, General List No. 154.

[371] *Dispute over the Status and Use of the Waters of the Silala (Chile v. Bolivia)*, Judgment of 1 December 2022, General List No. 162.

[372] *Alleged Violations of Sovereign Rights and Maritime Spaces in the Caribbean Sea (Nicaragua v. Colombia)*, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2016, P. 3*; Alleged Violations of Sovereign Rights and Maritime Spaces in the Caribbean Sea (Nicaragua v. Colombia)*, Judgment of 21 April 2022, General List No. 155.

государства-заявителя). Кроме того, несмотря на большое количество специализированных договоров, регулирующих отдельные аспекты международного права, которые потенциально могут быть использованы для подачи заявлений в Международный Суд, государства зачастую используют договоры общего характера о разрешении споров. Эта тенденция может быть объяснена рядом факторов: 1) желанием государств обеспечить более широкий круг вопросов для передачи в Международный Суд ООН, не ограничиваясь разногласиями по толкованию и применению положений отдельных специализированных договоров; 2) наличием в каждом конкретном споре «юрисдикционной связи» между заявителем и ответчиком[373]; 3) в некоторых случаях желанием избежать расходов на арбитраж; 4) успешными примерами из соответствующей практики Международного Суда.

Подписание международных договоров с оговорками, касающимися юрисдикционных клаузул. Ограниченность сферы применения юрисдикционных клаузул обусловлена также и практикой принятия соответствующих договоров с оговорками, касающимися юрисдикционных вопросов. Таким образом, одного участия государства в международном договоре, содержащем юрисдикционную клаузулу, недостаточно для привлечения его к разбирательству в Международном Суде ООН: необходимо в каждом конкретном случае анализировать, не подпадает ли соответствующий спор под имеющиеся оговорки. Негативные последствия имеются и для государств, занимающих чрезмерно «оборонительную» позицию (т.е. применяющих весьма ограничительные оговорки, по сути сводящие на нет предусмотренную договором юрисдикцию Международного Суда ООН): на основе принципа взаимности[374] они сами не смогут подать

[373] Например, когда одно из спорящих государств не является участником Конвенции ООН по морскому праву, но оба являются участниками «Боготского пакта».

[374] *Кожевников Ф.И., Шармазанашвили Г.В.* Международный суд ООН: Организация, цели, практика. – М.: Международные отношения, 1971. – С. 64.

заявления против других государств-участников соглашения, когда им это понадобится.

Хотя вопрос об оговорках к международным договорам является предметом отдельного исследования[375], что выходит за рамки настоящей работы, в общем плане следует отметить, что правомерность оговорки к юрисдикционной клаузуле международного договора зависит от того, насколько это будет соответствовать предмету и цели соответствующего договора[376] согласно статье 19 Венской конвенции о праве международных договоров. Суду в своей практике пришлось столкнуться с необходимостью определить правовые последствия оговорок, касающихся юрисдикционных клаузул договоров, содержащих нормы *jus cogens* – в частности, Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него[377]. Суд неоднократно[378] подтверждал, что оговорки к статье 9 Конвенции (предусматривающей юрисдикцию Международного Суда ООН) являются допустимыми и не нарушают норм *jus cogens*, несмотря на императивный характер материальных обязательств, содержащихся в данном договоре.

Некоторые западные ученые-международники придерживаются мнения, что данная позиция Суда должна быть пересмотрена[379]. Однако такое

---

[375] *См.*: *Филиппов С.В.* Оговорки в теории и практике международного договора. М.: Издательство ИМО. 1958. 102 с.

[376] *Higgins R.* Problems and Process: International Law and How We Use It. – Oxford: Clarendon Press, 1995. – P. 187; *Reservations to the Genocide Convention Case*, I.C.J. Reports 1951, P. 23.

[377] Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, 9 декабря 1948 г., United Nations, Treaty Series, Vol. 78, P. 277; см. также *Скуратова А.Ю., Синякин И.И.* Международное уголовное право: учебное пособие. / Под ред. А. Н. Вылегжанина. – М.: Проспект, 2021. – С. 18.

[378] *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide*, I.C.J. Reports 1951, Advisory Opinion, P. 22; *Legality of Use of Force (Yugoslavia v Spain),* Provisional Measures, Order of 2 June 1999, I.C.J. Reports 1999 (II), P. 772, Paras. 32 – 33; *Legality of Use of Force (Yugoslavia v United States of America)*, Provisional Measures, Order of 2 June 1999, I.C.J. Reports 1999 (II), P. 924, Paras. 24 – 25; *Armed Activities on the Territory of the Congo (New Application: 2002) (Democratic Republic of the Congo v. Rwanda)*, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 2006, P. 6, Paras. 64 – 70.

[379] *Armed Activities on the Territory of the Congo (New Application: 2002) (Democratic Republic of the Congo v. Rwanda)*, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 2006, P.6, *Joint Separate Opinion of Judges Higgins, Kooijmans, Elaraby, Owada, Simma*.

утверждение представляется ошибочным, так как сам факт того, что спор касается соблюдения нормы *jus cogens*, не отменяет требования наличия согласия государства на юрисдикцию [380] – фундаментального принципа, лежащего в основе международного-правового регулирования вопросов юрисдикции Международного Суда ООН (см. раздел 1.2). Кроме того, Суд справедливо подтвердил суверенное право государства заявлять оговорки к многосторонним договорам [381] . Не выдерживает критики выдвигаемое западными учеными предложение и потому, что оно неминуемо повлекло бы за собой необходимость решения Судом вопроса о последствиях недействительности таких оговорок (являются ли они отделимыми от общего согласия государства в отношении договора в целом или же их недействительность отменяет такое согласие). Отделимость юрисдикционных клаузул от основных положений договора означала бы вероятность признания Судом юрисдикции в отношении государства, которое ранее прямо заявляло об отсутствии на то согласия. С учетом традиционного уважения Международным Судом ООН принципа согласия государств такой исход был бы маловероятным – следовательно, предлагаемый некоторыми западными учеными подход повлек бы сокращение числа государств, связанных даже материально-правовыми положениями Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, что явилось бы крайне нежелательным последствием в современном мире.

Использование юрисдикционных клаузул международных договоров применительно к ситуациям, лишь косвенно относящимся к предмету регулирования соответствующих международных договоров. В условиях ограниченного числа международных договоров с эффективными (т.е.

---

[380] *Akande D.* Selection of the International Court of Justice as a Forum for Contentious and Advisory Proceedings (Including Jurisdiction) // Journal of International Dispute Settlement. – № 7. – 2016. – P. 325 – 326.

[381] *Крылов С.Б.* Международный Суд Организации Объединенных наций: Вопросы международного права и процесса в его практике за десять лет (1947-1957). – М.: Госюриздат, 1958. – С. 143.

использовавшимися на практике) клаузулами государствам, желающим начать судебное разбирательство в Международном Суде ООН, приходит на помощь тот факт, что чаще всего юрисдикционные клаузулы в двусторонних или многосторонних договорах сформулированы в весьма общих терминах[382] («Любой спор [...] относительно толкования или применения настоящей Конвенции...»[383], «Споры [...] по вопросам толкования, применения или выполнения настоящей Конвенции, включая споры относительно ответственности того или другого государства за совершение геноцида или одного из других перечисленных в статье III деяний...»[384]). Это порождает ряд практических трудностей, которые будут рассмотрены в данном подразделе.

1) Неопределенность системы юрисдикционных клаузул. Первая проблема состоит в некоторой неопределенности (в первую очередь для государства-ответчика) системы юрисдикционных клаузул. В отличие от специальных соглашений, заключаемых для разрешения конкретного уже возникшего спора в Международном Суде ООН, в случае с юрисдикционными клаузулами международных договоров четкие контуры будущих споров не могут быть точно определены[385]. В этой связи, несмотря на кажущуюся «подготовленность» сторон конвенции, содержащей юрисдикционную клаузулу, к возможным заявлениям в Суд (ведь в процессе ратификации значительное внимание уделяется взвешиванию рисков и преимуществ признания юрисдикции Суда по спорам, вытекающим из соответствующего договора), зачастую такие заявления могут возникнуть непредвиденно.

---

[382] *Thirlway H.* The International Court of Justice. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – P. 42.

[383] Например, статья 22 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.; статья 24 Конвенции о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов 1963 г.

[384] Статья 9 Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г.

[385] *Tomuschat C.* Article 36 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 742.

Не раз в истории Международного Суда ООН государства (в отсутствие иных правовых оснований) прибегали к использованию юрисдикционных клаузул наиболее релевантных международных договоров, в попытках, используя слова бывшего члена Суда Б. Зиммы, пропустить возникший спор «через игольное ушко»[386] данного специального международного договора. Как метафорично подметил бывший член Суда К. Гринвуд, юрисдикционная клаузула становится своего рода «туфелькой Золушки», в которую одна из сторон стремится (с бóльшим или меньшим успехом) поместить более крупный международный спор[387].

В *деле о ядерных испытаниях*[388] и *деле о континентальном шельфе Эгейского моря*[389] Франция и Турция были «застигнуты врасплох» решением государства-истца (Австралии и Греции соответственно) использовать для направления своих претензий в Международный Суд ООН положения Общего акта о мирном разрешении международных споров от 26 сентября 1928 г.[390] В первом случае, несмотря на неявку представителей Франции на заседания, обусловленную непризнанием юрисдикции Суда (так как Общий акт, с позиции Франции, перестал действовать), последний не усмотрел очевидных препятствий для установления своей юрисдикции *prima facie*[391] и вынес решение о предварительных мерах, обязав Францию воздержаться от ядерных испытаний. Франция, в свою очередь, впоследствии в январе 1974 г. денонсировала упомянутый «проблемный» договор. В случае со спором

---

[386] *Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America),* Judgment, I.C.J. Reports 2003, *Separate Opinion of Judge Simma*, P. 326, Para. 2.
[387] *Greenwood C.* Friday Lunchtime Lecture, Lauterpacht Centre for International Law, *Challenges of International Litigation*, 7th October 2011 // available at http://itunes.apple.com/itunes-u/lcilinternational-law-seminar/id472214191 (at 30:31') (дата обращения: 04.02.2023).
[388] *Nuclear Tests (Australia v. France)*, Interim Protection, Order of 22 June 1973, I.C.J. Reports 1973, P. 99, 101 – 102.
[389] *Aegean Sea Continental Shelf (Greece v. Turkey)*, Jurisdiction of the Court, Judgment, I.C.J. Reports 1978, P. 15.
[390] *Alexandrov S.* Reservations in Unilateral Declarations Accepting the Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice. – Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1995. – P. 15.
[391] С лат. «на первый взгляд».

Греции и Турции хотя Международный Суд ООН в конечном итоге и не усмотрел оснований для своей юрисдикции, Греция, по сути, «втянула» Турцию в достаточно длительный судебный процесс (август 1976 г. – декабрь 1978 г.) за счет использования ратифицированного обеими сторонами международного договора, содержащего юрисдикционную клаузулу.

В 2004 г. Югославия подала в Международный Суд ООН заявление против государств НАТО в связи с проведенными ими в 1999 г. бомбардировками, основываясь на статье 9 Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Хотя Суд в итоге не признал наличие своей юрисдикции для рассмотрения данного спора, государства-члены НАТО были вынуждены защищаться в международном процессе, длившемся более 5 лет, который также был для них непредвиденным[392].

Еще одним наглядным примером является (оказавшаяся безуспешной) подача Грузией заявления против России, в котором конфликт в Южной Осетии в августе 2008 г. был «помещен» в рамки Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Так, ряд судей отметили в совместном особом мнении по вопросу о временных мерах в данном деле: «Мягко говоря, любопытно, что Грузия, ссылающаяся на акты расовой дискриминации, якобы совершенные Российской Федерацией с начала 1990-х годов в нарушение Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, ждала вооруженного конфликта с Россией (и югоосетинскими силами) […], чтобы немедленно обратиться в Суд по спору, касающемуся толкования и применения этой Конвенции»[393].

Неудивительно, что в подобных случаях (особенно если соответствующая юрисдикционная клаузула была принята задолго до

---

[392] *Tomuschat C.* Article 36 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 660, 742.

[393] *Application of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation)*, Provisional Measures, Order of 15 October 2008, I.C.J. Reports 2008, Joint Dissenting Opinion of Vice-President Al-Khasawneh and Judges Ranjeva, Shi, Koroma, Tomka, Bennouna and Skotnikov, P. 402.

возникновения спора) нередки ситуации, когда государства весьма неохотно представали перед Судом или не в полной мере сотрудничали с ним[394].

2) Искусственное ограничение предмета спора. Главная проблема, возникающая при использовании юрисдикционных клаузул международных договоров применительно к ситуациям, лишь косвенно относящимся к предмету регулирования соответствующих международных договоров, заключается в рисках искусственного ограничения предмета спора.

В отличие от системы «факультативной клаузулы» юрисдикция Суда в соответствии с договорными юрисдикционными клаузулами не является всеобъемлющей, а ограничена рамками конкретного международного договора[395]. Это связано с тем, что клаузулы чаще всего устанавливают юрисдикцию Суда в отношении споров, касающихся применения и/или толкования положений соответствующего договора, но не позволяют обращаться в Суд в связи с предполагаемыми нарушениями иных норм международного права (за исключением специальных конвенций о разрешении споров, которые могут предусматривать юрисдикцию Суда по всем спорам, возникающим между сторонами).

Как правило, при подаче обращений в Международный Суд на основании юрисдикционных клаузул требования заявителя основываются на положениях соответствующего договора, а не на нормах общего международного права. Перед Судом возникает правовой вопрос, каким образом «выделить» из более широкого спора между государствами, затрагивающего множество различных аспектов, лишь те из них, которые охватываются заявленной истцом конвенцией и, следовательно, подпадают под согласие сторон на передачу в Международный Суд.

---

[394] *Fisheries Jurisdiction (United Kingdom v Iceland)*, I.C.J. Reports 1973, P. 3; *United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran (United States of America v. Iran)*, I.C.J. Reports 1980, P. 3; *Орбелян А.С.* Вопросы применения силы в решениях Международного Суда ООН // Московский журнал международного права. – 2008. – № 2.– С. 97.

[395] *Murphy S.D.* Courts and Tribunals of General Jurisdiction. The International Court of Justice. // The Rules, Practice and Jurisprudence of International Courts and Tribunals. / *Giorgetti C.* (ed.) – Brill,2012. – P. 15.

В практике Суда не раз за последнее время встречались ситуации, демонстрирующие, что основанная на договоре юрисдикция (англ. *treaty-specific jurisdiction*) нередко не соответствует реалиям спора, особенно если речь идет о крупном политическом кризисе (прежде всего, о вооруженных конфликтах) [396] . Обычно в таких случаях имеющиеся основания для юрисдикции Суда не охватывают кризисную ситуацию целиком, а лишь отдельные ее аспекты. Таким образом, государства-заявители, желающие начать международный процесс, стремятся представить свои требования через призму соответствующего применимого международного договора, что искусственно искажает реальный предмет спора и ставит стороны и Суд в непростую ситуацию.

Наглядным примером может служить попытка Демократической Республики Конго в 2002 г. представить вторжение войск Руанды как нарушение ряда международных договоров, в том числе Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Уставов ВОЗ и ЮНЕСКО[397]. В своем решении от 3 февраля 2006 г. Суд не воспринял аргументы ДРК и постановил, что не обладает юрисдикцией. Ранее по аналогичным основаниям Суд отказал в назначении временных мер (англ. *provisional measures*).

3) Вопросы применимого права. Указанная практика порождает также вопрос определения применимого права [398] . В целом, юрисдикционные

---

[396] *Tams C.* The Continued Relevance of Compromissory Clauses as a Source of ICJ Jurisdiction. // A wiser century? Judicial Dispute Settlement, Disarmament and the Laws of War 100 Years after the Second Hague Peace Conference / *Giegerich T.* (ed.) – Berlin: Duncker & Humblot, 2009. – Vol. 173. – P. 482. // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1413722

[397] *Armed Activities on the Territory of the Congo (New Application: 2002) (Democratic Republic of the Congo v. Rwanda)*, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 2006, P. 39-46, Paras. 94 – 109.

[398] *Капустин А.Я., Ковлер А.И., Белялова А.М., Лебедева Я.И., Фокин Е.А.* Практика рассмотрения межгосударственных жалоб в международных судах: история вопроса и

клаузулы, содержащиеся в двусторонних или многосторонних международных договорах, должны рассматриваться в связи с материально-правовыми положениями соответствующего договора (юрисдикция *ratione materiae*)[399]. Однако в процессе разрешения спора Суд может столкнуться с ситуацией, когда определенные вопросы регулируются одновременно данным договором и иными нормами международного права, действующими между сторонами спора[400].

Данная тема была рассмотрена Судом в решении по *делу о нефтяных платформах*[401], которое касалось законности мер, принятых Соединенными Штатами в отношении Ирана в контексте войны в Персидском заливе в конце 1980-х годов, в частности, атак США на морские платформы, принадлежавшие «Национальной Иранской нефтяной компании». Иран подал заявление в Международный Суд на основании статьи XXI договора о дружбе, торговле и навигации 1955 г., действовавшего между США и Ираном. США выдвинули предварительные возражения против юрисдикции Суда: они были заинтересованы в том, чтобы Суд вообще не рассматривал обстоятельства атак на платформы, и потому утверждали, что п. 1 (d) статьи XX (исключавший из-под действия договора меры, несовместимые с ним, но необходимые для защиты принципиальных интересов стороны договора в вопросах

перспективы. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 6. – С. 121.

[399] *Tomuschat C.* Article 36 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 753.

[400] *Cannizzaro E., Bonafé B.* Fragmenting International Law through Compromissory Clauses? Some Remarks on the Decision of the ICJ in the Oil Platforms Case // European Journal of International Law. – № 16. – 2005. – P. 482; *Tams C.* The Continued Relevance of Compromissory Clauses as a Source of ICJ Jurisdiction. // A wiser century? Judicial Dispute Settlement, Disarmament and the Laws of War 100 Years after the Second Hague Peace Conference / *Giegerich T.* (ed.) – Berlin: Duncker & Humblot, 2009. – Vol. 173. – P. 482. // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1413722 (P. 32) (accessed date: 13.02.2024).

[401] *Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*, Merits, Judgment, I.C.J. Reports 2003, P. 161.

безопасности [402]) устанавливает материально-правовое ограничение юрисдикции Суда. По мнению Ирана, который опирался на решение по *делу Никарагуа*, возражения США относились к существу дела и не влияли на юрисдикцию Суда. Следовательно, в соответствии с предлагаемым Ираном толкованием Суд должен был бы сначала признать свою юрисдикцию, рассмотреть данные атаки, а потом проанализировать, могут ли они подпадать под предусмотренное в договоре исключение. Суд сделал выбор в пользу предложенного Ираном толкования[403] и постановил, что п. 1 (d) статьи XX не ограничивает его юрисдикцию, а лишь предоставляет сторонам возможность заявить возражение по существу (англ. *"defence on the merits"*) в случае необходимости[404].

Таким образом, Суд признал наличие собственной юрисдикции, которая ограничивалась вопросами толкования и применения договора о дружбе, торговле и навигации 1955 г. между США и Ираном. На следующей стадии рассмотрения дела по существу Суд столкнулся с необходимостью толкования п. 1 (d) статьи XX, который «в обстоятельствах данного дела включал в себя принцип запрещения в международном праве применения силы, а также исключения, касающегося права на самооборону». Так как на основании этого положения любая из сторон могла принимать меры, несовместимые с договором, но «необходимые» для защиты ее «принципиальных интересов в вопросах безопасности» (англ. *"essential security interests"*), возник вопрос о том, должен ли Суд определить «необходимость» и законность мер США на основании лишь положений Договора, или учитывать также обычные нормы международного права о применении силы. Суд находился перед выбором

---

[402] "1. The present Treaty shall not preclude the application of measures: [...] (d) necessary to fulfill the obligations of a High Contracting Party for the maintenance or restoration of international peace and security, or necessary to protect its essential security interests."

[403] *Tomuschat C.* Article 36 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 753.

[404] *Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*, Preliminary Objection, Judgment, I.C.J. Reports 1996, P. 811, Para. 20.

между узким подходом, признающим договор в качестве единственного источника права, применимого к спору, и более широким подходом, согласно которому спор мог быть урегулирован в соответствии с более широким кругом международно-правовых норм, применимых в отношениях между сторонами.

Суд принял промежуточный подход и обратился к обычным нормам международного права для целей толкования договора, в частности упомянутого п. 1 (d) статьи XX. Суд постановил, что вопрос о том, являлись ли принятые США меры «необходимыми», частично совпадает с вопросом об их правомерности как актов самообороны, поэтому законность действий, предпринятых США, следовало оценивать согласно п. 1 (d) статьи XX Договора 1955 г. «в свете норм международного права, касающихся применения силы в целях самообороны». Таким образом, при использовании п. 1 (d) статьи XX для обоснования действий, связанных с применением вооруженной силы предположительно в целях самообороны, толкование и применение этой статьи влекут за собой оценку условий правомерности самообороны в соответствии с международным правом. Суд также указал: «согласно общим правилам толкования договоров, отраженным в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., толкование должно учитывать «любые соответствующие нормы международного права, применимые в отношениях между сторонами» (п. 3 (c) статьи 31). Суд не может согласиться с тем, что п. 1 (d) статьи XX договора 1955 г. должен действовать полностью независимо от соответствующих норм международного права, касающихся применения силы […]. Таким образом, применение соответствующих норм международного права, касающихся этого вопроса, составляет неотъемлемую часть задачи толкования, возложенной на Суд п. 2 статьи XXI договора 1955 г.» [405].

Иными словами, Суд пришел к выводу, что его юрисдикция в соответствии с п. 2 статьи XXI Договора 1955 г. для решения любого вопроса

[405] *Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*, Merits, Judgment, I.C.J. Reports 2003, P. 182, Para. 41.

о толковании или применении этого договора – в данном случае п. 1 (d) статьи XX – распространяется на определение того, было ли действие, предположительно подпадающее под это положение, незаконным применением силы согласно соответствующим нормам международного права. В то же время Суд подчеркнул, что его юрисдикция по-прежнему была ограничена п. 2 статьи XXI Договора 1955 г., то есть рамками согласия сторон Договора.

Данный подход подвергся критике в литературе: по мнению некоторых ученых, он может создать впечатление, что обычные нормы международного права в спорах, переданных Суду на основании юрисдикционных клаузул, играют роль вспомогательного средства толкования договорных положений[406]. Это может подразумевать то, что Суд в принципе обязан рассматривать лишь договор в качестве права, применимого к спорам, касающимся его толкования и применения[407]. По мнению некоторых теоретиков, такой строгий подход не является оправданным ввиду того, что он может привести к нарушению единства международного правопорядка, по крайней мере, в тех случаях, когда соответствующий договор не содержит положений, которые можно было бы разумно истолковать как ссылку на международное обычное право[408].

С данной позицией не представляется возможным согласиться. Как показывает практика, в большинстве ситуаций Суд в процессе разрешения споров, основанных на юрисдикционных клаузулах, стремится использовать нормы международного обычая, если они могут способствовать урегулированию спора относительно применения соответствующего

---

[406] *Cannizzaro E., Bonafé B.* Fragmenting International Law through Compromissory Clauses? Some Remarks on the Decision of the ICJ in the Oil Platforms Case // European Journal of International Law. – № 16. – 2005. – P. 483.
[407] *Ibidem.*
[408] *Ibidem*.

договора. Данный факт отмечается и в комментарии к Статуту Суда[409]: ограничение юрисдикционной клаузулы правовыми нормами, закрепленными в конкретном договоре, не исключает применимости к спору норм обычного международного права[410]. Это вытекает не только из положений пункта 3 (c) статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров[411], но и «из концептуального единства международного права».

Это подтверждается рядом решений Международного Суда ООН. Так, в *деле о геноциде в Боснии* Суд должен был рассмотреть вопросы ответственности за военные преступления, совершенные во время боснийской гражданской войны, с учетом межгосударственного характера спора (т.е. не затрагивающего привлечения лиц к индивидуальной уголовной ответственности) и исключительно сквозь «призму» конвенционного понятия геноцида (требующего доказывания специального умысла)[412]. Анализируя каждый конкретный эпизод, Международный Суд «утрачивал» юрисдикцию всякий раз, когда устанавливал, что соответствующие деяния, какими бы тяжкими они ни были, не могут квалифицироваться как геноцид, а являются военными преступлениями или преступлениями против человечности[413]. Следовательно, Суд ориентировался строго на положения Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, под предмет регулирования которой данные преступления явно не подпадали.

---

[409] *Tomuschat C.* Article 36 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 740.

[410] *Tomuschat C.* What is General International Law? // Guerra y Paz: 1945–2009. Obra homenaje al Dr Santiago Torres Bernárdez. Universidad del País Vasco, 2010. P. 329 – 348.

[411] *Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*, Merits, Judgment, I.C.J. Reports 2003, P. 182, Para. 41.

[412] *Зинченко О.И.* Споры, касающиеся вооруженных конфликтов: подходы Международного Суда ООН к вопросам юрисдикции // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 6 (169). – С. 27.

[413] *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro)*, Judgment, I.C.J. Reports 2007, Paras. 147, 277, 319, 328, 334, 354.

При этом при решении вопроса о толковании Конвенции — а именно, ограничивается ли она обязательством государства привлекать к уголовной ответственности отдельных лиц, или же охватывает в том числе вопросы международной ответственности самого государства за геноцид[414] — Суд ссылался на нормы обычного международного права (в частности, о толковании договоров и об ответственности государств за международно-противоправные деяния[415]).

В *деле о целлюлозных заводах* Суд признал обязанность проводить оценку воздействия на окружающую среду вытекающей из норм обычного международного права[416].

В *деле «Компании «Элетроника Сикула С.П.А.» (ЭЛСИ)*[417] США утверждали, что Италия нарушила действующий между сторонами договор о дружбе, торговле и навигации 1948 г., не позволив американским компаниям ликвидировать активы итальянской компании «ЭЛСИ» и вызвав ее банкротство. Позиция Италии заключалась в том, что заявление США являлось неприемлемым, поскольку внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны. США возражали против данного аргумента ввиду того, что статья XXVI договора 1948 г., на которой основывалась юрисдикция Суда, не содержала упоминания о необходимости исчерпания внутренних средств правовой защиты. По мнению США, данная норма развивалась независимо от договора как норма обычного международного права и, следовательно, не должна была применяться к спору, который по существу был сосредоточен на нарушении договорных обязательств. Тем не менее, Суд «не смог согласиться с тем, что имел место молчаливый отказ от столь важного принципа обычного

---

[414] *Ibidem*, Paras. 152, 167–8, 179.
[415] *Ibidem*, Para. 149.
[416] *Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay)*, Judgment, I.C.J. Reports 2010, Paras. 204–205.
[417] *Case Concerning Elettronica Sicula SpA (ELSI) (USA v Italy)*, Judgment of 22 July 1989, I.C.J. Reports 1989, P. 15.

международного права в отсутствие каких-либо слов, ясно указывающих на намерение сделать это»[418].

Применимый Судом подход представляется взвешенным, хотя и не лишенным рисков расширительного толкования положений международных договоров, в особенности в ситуациях, когда государство стремится «притянуть» юрисдикционную клаузулу к более широкому спору. Как отмечает профессор К. Тэмс[419], в практике Суда имелись примеры, когда юрисдикционные клаузулы применялись Судом для принятия решения по достаточно широкому кругу вопросов, не предусмотренных напрямую в содержащем юрисдикционную клаузулу международном договоре. Например, как отмечалось, в *деле о нефтяных платформах*[420] Суд рассмотрел общие вопросы применения силы, хотя юрисдикционная клаузула содержалась в договоре между США и Ираном о дружбе, экономических отношениях и консульских правах[421], а в делах *Брерд*, *Ла Гранд* и *Авена*, в которых в качестве основания для юрисдикции Суда использовался факультативный протокол к Конвенции о консульских сношениях, Суд уделил внимание вопросам прав индивидуумов.

Отдельного упоминания заслуживает практика Суда по делам с участием России, в которых также затрагивался вопрос применимого права при передаче спора на основании юрисдикционной клаузулы. В ходе рассмотрения заявления Украины против России (поданного в 2017 г.) сторона-ответчик заявляла, что спор на самом деле касался не расовой

---

[418] *Ibidem*, Para. 50.

[419] *Tams C.* The Continued Relevance of Compromissory Clauses as a Source of ICJ Jurisdiction, // A wiser century? Judicial Dispute Settlement, Disarmament and the Laws of War 100 Years after the Second Hague Peace Conference / *Giegerich T.* (ed.) – Berlin: Duncker & Humblot, 2009. – Vol. 173. – P. 482. // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1413722 (P. 30) (дата обращения: 04.02.2023).

[420] *Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*, Preliminary Objection, Judgment, I.C.J. Reports 1996, P. 803; *Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*, Merits, Judgment, I.C.J. Reports 2003, P. 161.

[421] Treaty of Amity, Economic Relations and Consular Rights, Tehran, 15 August 1955, United Nations Treaty Series, vol. 284, P.93.

дискриминации и финансирования терроризма, а статуса Крымского полуострова – вопроса, в отношении которого отсутствовало согласие сторон на передачу в Международный Суд. Российская сторона также обращала внимание судей на то, что заявление основано на Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, однако формулировки отдельных претензий фактически ссылаются на нормы международного гуманитарного права[422]. Суд признал наличие юрисдикции, одновременно подтвердив, что юрисдикция *ratione materiae* ограничивается предполагаемыми нарушениями Российской Федерацией своих обязательств по двум конвенциям, на которые ссылалась Украина, и не охватывает вопросы соблюдения Российской Федерацией обязательств, закрепленных в других нормах международного права[423]. Суд в целом придерживался данного подхода при рассмотрении дела по существу, ограничиваясь в вопросах права преимущественно отсылками к положениям Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма и Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации.

Решение о назначении временных мер по заявлению Украины против России от 26 февраля 2022 г., в котором Суд признал наличие *prima facie* юрисдикции [424] , создало потенциал для расширительного толкования положений Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Однако на стадии рассмотрения предварительных возражений позиция Суда стала более сбалансированной. Так, Суд выделил два аспекта, на которых основывались утверждения заявителя о нарушении Россией статей I и IV Конвенции: (1) злоупотребление Россией своими обязательствами по

---

[422] *Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation)*, Judgment of 8 November 2019, Preliminary Objections, P. 34, Para. 86.

[423] Ibidem, Para. 29.

[424] *Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation)*, Request for the Indication of Provisional Measures, Order of 16 March 2022, General List No. 182.

Конвенции и недобросовестное задействование ее положений; (2) несоответствие мер, принятых Россией в рамках применения Конвенции, международному праву[425].

Первый аргумент был отклонен Судом со ссылкой на его устоявшуюся практику, согласно которой принцип добросовестности «сам по себе не является источником обязательств». В контексте обстоятельств дела Суд подчеркнул, что даже если допустить, что Россия «недобросовестно заявила, что Украина совершила геноцид, и приняла определенные меры под таким предлогом, это само по себе не являлось бы нарушением обязательств по статьям I и IV Конвенции». При отклонении второго аргумента заявителя Суд указал на представленное Украиной и рядом государств, вступивших в дело в качестве третьей стороны, неверное толкование *obiter dictum* в решении по жалобе Боснии и Герцеговины против Сербии и Черногории[426]. В нем Суд установил, что государства-участники обязаны «использовать все разумно доступные им средства, чтобы предотвратить геноцид, насколько это возможно», добавив при этом, что «каждое государство может действовать только в пределах, разрешенных международным правом». В решении по жалобе Украины Суд разъяснил, что данная формулировка не означает, что «Конвенция включает в себя нормы международного права, которые ей не свойственны, в частности регулирующие вопросы применения силы». Таким образом, в порядке допущения Суд предположил, что даже если расценивать признание Россией ДНР и ЛНР и начало специальной военной операции (в целях исполнения обязательств по Конвенции) нарушающими международное право, то нарушена была бы не Конвенция, а соответствующие нормы международного права (касающиеся признания государств и применения

[425] *Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation: 32 States intervening)*, Preliminary objections, 2 February 2024, General List No. 182, P. 54, Para 141.
[426] *Ibidem*, P. 55, Para. 144.

силы). Таким образом, данные вопросы не регулируются Конвенцией и не подпадают под юрисдикцию *ratione materiae*.

В целом, обычное международное право имеет важное значение при разрешении Судом многих споров, в том числе переданных на основании юрисдикционных клаузул: при толковании соответствующих международных договоров учитываются, например, нормы обычного права о международно-правовой ответственности государств (включая вопросы средств правовой защиты [427] и вменения [428]). Однако, как отмечается, в делах, в которых юрисдикция Суда основана на юрисдикционной клаузуле, центральным является именно вопрос о нарушениях соответствующего договора, а не норм обычного международного права[429].

В данном контексте представляется целесообразным подчеркнуть, что ввиду важности принципа согласия государств необходимо обеспечение сбалансированного подхода Международного Суда ООН к вопросам установления своей юрисдикции. Это особенно очевидно в настоящее время, когда могут иметь место злоупотребления юрисдикционными клаузулами международных договоров для передачи в Суд споров политического характера, лишь отдаленно связанных с задействованным для этой цели договором[430]. Так, бывший судья Р. Дженнингс в особом мнении к решению

---

[427] *La Grand (Germany v. United States of America)*, Judgment, I.C.J. Reports 2001, P. 508-514, Paras. 117-127.

[428] *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1986, P. 53-69, Paras. 93-122; *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro)*, Judgment, I.C.J. Reports 2007, P. 199, Paras. 379-415.

[429] *Tams C.* The Continued Relevance of Compromissory Clauses as a Source of ICJ Jurisdiction, // A wiser century? Judicial Dispute Settlement, Disarmament and the Laws of War 100 Years after the Second Hague Peace Conference / *Giegerich T.* (ed.) – Berlin: Duncker & Humblot, 2009. – Vol. 173. – P. 482. // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1413722 (P. 32) (дата обращения: 04.02.2023).

[430] *Cannizzaro E., Bonafé B.* Fragmenting International Law through Compromissory Clauses? Some Remarks on the Decision of the ICJ in the Oil Platforms Case // European Journal of International Law. – № 16. – 2005. – P. 496.

по делу об инциденте над Локерби[431] предостерег о последствиях широкого толкования Судом юрисдикционных клаузул договоров о дружбе, торговле и мореплавании, в частности, о рисках чрезмерного расширения сферы действия данных клаузул и использования их для передачи в Суд споров, выходящих за рамки ограниченного объекта и цели данных договоров.

Подводя итог, задача определения четких правовых рамок применения международного обычая в ситуациях, когда спор передается на рассмотрение Суда на основании факультативной клаузулы узко-специального международного договора, требует соблюдения баланса и не допускает судейского активизма. Излишне широкий подход в вопросе учета норм обычного международного права (за исключением, пожалуй, столь всеобъемлющих вопросов, как, например, международно-правовая ответственность государств) может подорвать основополагающий принцип юрисдикции Международного Суда ООН – согласия сторон на ее осуществление.

Нестабильность системы юрисдикционных клаузул международных договоров. Еще одним проблемным аспектом является нестабильность всей системы клаузул, признающих юрисдикцию Международного Суда ООН, что также налагает определенные ограничения на сферу их эффективного применения. Это обусловлено тем, что согласие государства на договор, содержащий такие положения, может быть отозвано в любой момент. Так, США денонсировали факультативный протокол к Венской конвенции о консульских сношениях [432] , которым предусматривалась возможность передачи в Международный Суд споров, связанных с нарушениями ее положений, хотя изначально США выступали сторонником обязательного

---

[431] *Questions of Interpretation and Application of the 1971 Montreal Convention arising from the Aerial Incident at Lockerbie (Libyan Arab Jamahiriya v. United Kingdom)*, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 1998, P. 113.

[432] Венская конвенция о консульских сношениях, 24 апреля 1963 г., United Nations, Treaty Series, vol. 596, P. 261.

механизма урегулирования споров относительно нарушения обязательств по упомянутому международному договору[433].

Данному решению американского руководства предшествовали попытки (в том числе и успешные) в 1998, 1999 и 2003 гг. привлечь США к ответственности за нарушение ст. 36 Венской конвенции о консульских сношениях, касающейся роли консула в оказании помощи гражданам, которые были арестованы в государстве пребывания[434]. Так, в 1998 г. Парагвай подал заявление против США в Международный Суд ООН в связи с предстоящей казнью своего гражданина А.Ф. Брерда (*Angel Francisco Breard*), осужденного за убийство в штате Вирджиния, который не был проинформирован о возможности консульского доступа к нему. Суд ООН единогласно принял решение о временных мерах[435], в соответствии с которым США должны были приостановить процедуру исполнения смертного приговора до вынесения Судом решения по существу дела. Однако Верховный Суд США отказал в требовании Парагвая исполнить решение Международного Суда ООН и А.Ф. Брерд был казнен. Несмотря на то, что Суд продолжил рассмотрение дела даже после исполнения приговора, Парагвай спустя несколько месяцев отозвал свое заявление, и окончательного решения Суд так и не вынес[436].

В случае с аналогичным заявлением Германии в 1999 г. (относительно приговоренных к смерти граждан ФРГ братьев Ла Гранд) процесс в Международном Суде ООН дошел до финальной стадии, послужив причиной вынесения Судом постановления, относящегося, по мнению ряда ученых, к

---

[433] *Lee L.T., Quigley J.* Consular law and practice. – 3rd ed. – 2008. – P. 574-576.

[434] *Case concerning the Vienna Convention on Consular Relations (Paraguay/United States of America)*, Provisional measures, Order of 9 April 1998, I.C.J. Reports 1998, P. 249; *La Grand (Germany v. United States of America)*, Judgment, I.C.J. Reports 2001, P. 478-80; *Avena and Other Mexican Nationals (Mexico v. United States of America)*, Judgment, I.C.J. Reports 2004, P. 39.

[435] *Case concerning the Vienna Convention on Consular Relations (Paraguay/United States of America)*, Provisional measures, Order of 9 April 1998, I.C.J. Reports 1998, P. 248.

[436] *Case concerning the Vienna Convention on Consular Relations (Paraguay/United States of America)*, Order of 10 November 1998, I.C.J. Reports 1998, P. 426.

числу важнейших в его практике[437]. Так как один из двух братьев уже был казнен к моменту подачи заявления Германией, Суд вынес решение о временных мерах, предписав приостановить исполнение приговора в отношении второго брата. Как и в ранее рассмотренном случае с гражданином Парагвая, Верховный Суд США проигнорировал требование Международного Суда, и приговор был исполнен в тот же день[438]. Однако Германия не стала прекращать процесс, и Международный Суд вынес первое в его истории постановление по вопросам нарушения консульского доступа. Он пришел к выводу, что США нарушили закрепленное в п. 1 (б) статьи 36 Венской конвенции о консульских сношениях право граждан быть уведомленными о возможности консульского доступа. Суд указал, что при несоблюдении данной нормы в будущем в случаях назначения гражданам ФРГ тяжких наказаний США обязаны обеспечить возможность пересмотра таких приговоров, принимая во внимание нарушение прав, изложенных в Венской конвенции о консульских сношениях[439].

Ж. Гийом, занимавший в то время должность председателя Международного Суда, в своем заявлении пояснил, что упоминание в постановлении необходимости пересмотра приговоров немецких граждан не может быть истолковано таким образом, что подобный пересмотр не должен применяться в отношении граждан других стран в аналогичных ситуациях[440]. Данное пояснение, вероятно, послужило дополнительным стимулом для подачи правительством Мексики полтора года спустя (в 2003 г.) заявления против США в связи с пересмотром постановлений в отношении граждан Мексики, приговоренных к смерти и осужденных с нарушением положений

---

[437] *Dupuy P., Hoss C.* La Grand Case (Germany v. United States of America) // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2009. // URL: http://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e155.

[438] *Ibidem.*

[439] *La Grand (Germany v. United States of America)*, Judgment, I.C.J. Reports 2001, Para. 125.

[440] *Ibidem.* Declaration of President Guillaume, P. 517.

Венской конвенции о консульских сношениях [441]. Суд, как и в ранее упомянутых делах, вынес решение о временных мерах[442], а в постановлении по существу дела установил, помимо прочего, что в 51 случае из 52 США нарушили свое обязательство предоставлять требуемую информацию о консульском доступе[443].

Занимавшая в то время пост Госсекретаря США К. Райс впоследствии направила Генеральному секретарю ООН письмо с уведомлением о денонсации США протокола к Венской конвенции о консульских сношениях, на котором основывалась юрисдикция Международного Суда ООН во всех упомянутых решениях, вынесенных против США[444], хотя рассматриваемый факультативный протокол прямо не предусматривает возможности выхода из него (отсутствует «клаузула о денонсации»). Именно содержание решений Международного Суда стало основанием для данного решения: в своем заявлении К. Райс пояснила, что в то время как США считают Венскую конвенцию о консульских сношениях «крайне важной», толкование Судом факультативного протокола к ней является «неподобающим»[445]. К. Райс также отметила, что лишь около 30 процентов из 166 государств-участников Венской конвенции о консульских сношениях являются сторонами упомянутого факультативного протокола. В свою очередь, представитель Госдепартамента

---

[441] *Dupuy P., Hoss C.* LaGrand Case (Germany v. United States of America) // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2009.

[442] *Avena and Other Mexican Nationals (Mexico v. United States of America)*, Provisional Measures, Order of 5 February 2003, I.C.J. Reports 2003, P. 77.

[443] *Avena and Other Mexican Nationals (Mexico v. United States of America)*, Judgment, I.C.J. Reports 2004, P. 70, Para. 153 ("The Court… by fourteen votes to one, finds that, by not informing, without delay upon their detention, the 51 Mexican nationals referred to in paragraph 106 (1) above of their rights under Article 36, paragraph 1 (h), of the Vienna Convention on Consular Relations of 24 April 1463, the United States of America breached the obligations incumbent upon it under that subparagraph").

[444] Уведомление о денонсации США протокола к Венской конвенции о консульских сношениях, United Nations, Multilateral Treaties Deposited with the Secretary-General, ch. 3, § 8 n.1, URL: http://treaties.un.org/Pages/ParticipationStatus.aspx (дата обращения: 04.02.2023).

[445] US Department of State, Archive, Secretary Rice C., Briefing En Route to Mexico, Mexico City, March 10, 2005. // URL: https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2005/43216.htm (дата обращения: 04.02.2023).

США Д. Джордан напрямую заявила, что выход из протокола направлен на «защиту от будущих решений Международного суда, которые могли бы аналогичным образом толковать Венскую конвенцию о консульских сношениях или подрывать нашу внутреннюю уголовную систему таким образом, которого мы не ожидали при присоединении к Конвенции»[446].

В итоге государство, которое являлось сторонником обязательной юрисдикции Международного Суда ООН по консульским вопросам и которое первым применило факультативный протокол к Венской конвенции о консульских сношениях для инициирования процесса в Суде в связи с захватом 52 заложников-граждан США в Тегеране в 1979 г., после вынесения ряда неблагоприятных для него решений поменяло свою позицию.

Аналогичная судьба постигла и Факультативный протокол к Венской конвенции о дипломатических сношениях: 12 октября 2018 г. США отозвали свою подпись под данным международным договором после подачи Палестиной в сентябре 2018 г. заявления в Международный Суд против США[447] в связи с переносом американского посольства из Тель-Авива в Иерусалим[448], хотя некоторыми комментаторами успех данного заявления ставится под сомнение[449]. При этом на уровне руководства США звучали обвинения в «политизированности и неэффективности» Международного

---

[446] *Lane C.* U.S. Quits Pact Used in Capital Cases; Foes of Death Penalty Cite Access to Envoys // Washington Post. 10.03.2005. // URL: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A21981-2005Mar9.html (дата обращения: 04.02.2023); *Liptak A.* U.S. Says It Has Withdrawn From World Judicial Body // The New York Times. 10.03.2005. // URL: https://www.nytimes.com/2005/03/10/politics/us-says-it-has-withdrawn-from-world-judicial-body.html (дата обращения: 04.02.2023).

[447] *Relocation of the United States Embassy to Jerusalem*, Application Instituting Proceedings, 28 September 2018.

[448] *Tomuschat C.* Article 36 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 751.

[449] *Milanovic M.* Palestine Sues the United States in the ICJ re Jerusalem Embassy // EJIL:Talk! – 30 September 2018. // URL: https://www.ejiltalk.org/palestine-sues-the-united-states-in-the-icj-re-jerusalem-embassy/ (дата обращения: 04.02.2023); Ср.: *Miron A.* Palestine's Application the ICJ, neither Groundless, nor Hopeless. A Reply to Marko Milanovic // EJIL: Talk! – 8 October 2018. // URL: https://www.ejiltalk.org/palestines-application-the-icj-neither-groundless-nor-hopeless-a-reply-to-marko-milanovic/ (дата обращения: 04.02.2023).

Суда ООН и подаче некоторыми государствами безосновательных заявлений по сугубо политическим мотивам[450].

Другие примеры (в частности, денонсация Сальвадором и Колумбией Боготского пакта в 1973 и 2012 гг. соответственно) также наглядно иллюстрируют нестабильность, присущую юрисдикционным клаузулам международных договоров.

Необходимость установления Судом фактов при рассмотрении дел на основе юрисдикционных клаузул специализированных международных договоров. Проблема установления фактов не является новой в практике Суда – дискуссии по этой теме ведутся уже достаточно давно. Данный вопрос может возникнуть вне зависимости от основания юрисдикции Суда, будь то одностороннее заявление в рамках системы факультативной клаузулы, специальное соглашение или же юрисдикционные клаузулы международных договоров[451]. Однако именно в последнем случае, как представляется, вероятность возникновения необходимости выяснения Судом фактов является более высокой, а сопряженные с этим проблемы могут иметь большое влияние как на дальнейшее развитие практики Суда, так и на позицию государств относительно задействования данного механизма разрешения споров.

Причина, по которой вопрос установления Судом фактов наиболее остро стоит именно в контексте юрисдикционных клаузул международных договоров, кроется не только в частоте их использования государствами для начала процесса в Международном Суде, но и в специфике регулируемых данными договорами вопросов (например, экологическое право, права

---

[450] *Rampton R., Wroughton L., Van den Berg S.* U.S. withdraws from international accords, says U.N. world court 'politicized' // Reuters, 3 October 2018 // URL: https://www.reuters.com/article/us-usa-diplomacy-treaty-idUSKCN1MD2CP> (дата обращения: 04.02.2023).

[451] *Капустин А.Я., Ковлер А.И., Белялова А.М., Лебедева Я.И., Фокин Е.А.* Практика рассмотрения межгосударственных жалоб в международных судах: история вопроса и перспективы. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 6. – С. 122.

человека и т.д.). В таких делах зачастую речь идет в значительной мере не о толковании каких-либо нормативных актов, анализе делимитационных карт и т.д., а об исследовании и рассмотрении по существу конкретных фактов, свидетельствующих о наличии или отсутствии нарушений положений международных договоров. Подлежащие изучению Судом обстоятельства могут касаться как технических параметров (например, соответствия промышленного объекта определенным экологическим стандартам, оценки его воздействия на окружающую среду[452] и т.д.), так и фактологии (например, подтверждение или опровержение осуществления геноцида, дискриминации, нарушений норм гуманитарного права и т.д.).

«Отдаленность» судей от рассматриваемых ими событий (географическая, временная, даже культурно-историческая и мировоззренческая) и отсутствие у Суда прямого контакта с действительностью «на местах», как представляется, может подчас создавать проблемы на стадии исполнения выносимых им решений[453]. Для восприятия Судом полной картины обстоятельств, повлекших возникновение международного спора, все большее значение приобретают методы, позволяющие Суду «связаться» с ситуацией на месте (в частности, опрос свидетелей, визиты, показания экспертов). При этом, как представляется, наибольшие трудности будут возникать именно в связи с задействованием многосторонних актов по вопросам защиты прав человека, которые все чаще в последнее время используются для обоснования юрисдикции Суда (о т.н. феномене «туфельки Золушки» упоминалось ранее).

Это связано с тем, что, как отмечает К. Томушат, Международный Суд ООН не имеет достаточной «инфраструктуры», необходимой для всеобъемлющего процесса установления фактов (англ. *“fact-finding”*) «на

---

[452] *Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay)*, Judgment, I.C.J. Reports 2010, P. 14.
[453] *Keene A.* (Ed.). Outcome Paper for the Seminar on the International Court of Justice at 70: In Retrospect and in Prospect // Journal of International Dispute Settlement. – 2016. – № 7. – P. 263.

месте» [454] . Д.ю.н. Г.Г. Шинкарецкая также отмечает «скудно[сть] регулирования вопроса о доказательствах в учредительных документах» Международного Суда ООН [455] . С данными тезисами целесообразно согласиться.

Для начала представляется необходимым проанализировать, какие методы Суд использует для прояснения фактических обстоятельств рассматриваемого спора. Статья 43 Статута предусматривает, что в ходе устного судопроизводства Суд заслушивает свидетелей, экспертов, представителей, поверенных и адвокатов[456]. Однако показаний приглашаемых сторонами спора свидетелей и экспертов (как правило, преподносящих близкую к правительственной точку зрения) может быть недостаточно для установления объективной картины ситуации, послужившей основанием для возникновения спора. В соответствии со статьей 50 Статута «Суд может во всякое время поручить производство расследования или экспертизы всякому лицу, коллегии, бюро, комиссии или другой организации по своему выбору». Под этим подразумевается в том числе осуществление визитов комиссий экспертов непосредственно в места и объекты, относящиеся к предмету спора.

Недавним примером является рассмотрение Судом вопроса репараций в рамках спора Конго против Уганды о вооруженных действиях на территории Конго [457] . Поскольку в постановлении по существу спора (2005 г.) было предусмотрено, что Стороны могут передать в Суд вопрос о характере и размере репараций в случае невозможности его разрешения в ходе переговоров, в 2015 г. Конго подала соответствующее обращение.

---

[454] *Tomuschat C.* Article 36 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 752.

[455] *Шинкарецкая Г.Г.* Доказательства в международном судебном процессе: постановка вопроса // Международное право. – 2020. – № 4. – С. 60 – 71.

[456] *Шинкарецкая Г.Г.* Практика международных судов в области сбора доказательств // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2021. – № 1. – С. 1 – 11.

[457] *Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda)*, Reparations, Judgment of 9 February 2022, General List No. 116.

Международный Суд назначил четырех экспертов согласно п. 1 статьи 67 Регламента, которым было поручено подготовить заключения в отношении трех видов ущерба за период с 6 августа 1998 г. по 2 июня 2003 г.: гибель людей, утрата природных ресурсов и материальный ущерб[458]. Однако Суд при анализе доказательственной базы, включая доклады назначенных им экспертов, смог определить только общую сумму (*"global sum"*) репараций по соответствующим категориям без детализации[459].

Помимо привлечения экспертов Судьи также могут осуществлять «выезд на место» (англ. *visit to the site*, фр. *descente sur les lieux*) самостоятельно, как следует из положений части 2 статьи 44 Статута и статьи 66 его Регламента [460] . Единственный в истории Суда визит согласно положениям статьи 44 Статута (т.е. речь не идет о ситуациях, когда Суд поручает данную задачу комиссии экспертов согласно ст. 50 Статута) был проведен в рамках рассмотрения *дела, касающегося проекта «Габчиково-Надьмарош»*[461]. В июне 1995 г. представитель Словакии обратился к Суду с просьбой посетить место расположения данного проекта на Дунае в целях получения дополнительной информации и возможного получения доказательств. В ноябре 1995 г. между двумя сторонами был подписан «протокол о договоренности» [462] (англ. *Protocol of Agreement*), в котором излагались модальности визита. Затем последовала встреча представителей

---

[458] *Ibidem*, P. 14, Paras 21, 25.

[459] *Desierto D.* The International Court of Justice's 2022 Reparations Judgment in DRC v. Uganda: 'Global Sums' as the New Device for Human Rights-Based Inter-State Disputes // EJIL:Talk! – February 14, 2022. // URL: https://www.ejiltalk.org/the-international-court-of-justices-2022-reparations-judgment-in-drc-v-uganda-a-new-methodology-for-human-rights-in-inter-state-disputes/ (дата обращения: 04.02.2023)

[460] International Court of Justice, Rules of the Court (adopted 14 April 1978), printed in Acts and Documents No. 6. – The Hague: ICJ, 2007.

[461] *Gabčikovo-Nagymaros Project (Hungary / Slovakia)*, Judgment, I.C.J. Reports 1997, P. 7; *См.*: *Devaney J.J.* Fact-Finding before the International Court of Justice. – Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – P. 17; *Шинкарецкая Г.Г.* Доказательства в процессе Международного Суда: концептуальные аспекты // Международное право и международные организации. – 2022. – № 1. – С. 11 – 21.

[462] Protocol of Agreement between the Republic of Hungary and the Slovak Republic with a view to proposing to the International Court of Justice the arrangements for a visit *in situ* in the case concerning the *Gabčikovo-Nagymaros Project*, Budapest, New-York, 14.11.1995.

сторон при Международном Суде в Братиславе в январе 1997 г. Ее согласованный протокол, который дополнил протокол 1995 г., был заключен в Будапеште и Нью-Йорке 3 февраля 1997 г. Оба этих документа были переданы в Суд и изложены в преамбуле к решению от 5 февраля 1997 г. о проведении визита[463]. Визит Суда состоялся 1-4 апреля 1997 г. в период между первым и вторым раундом устных слушаний [464] . Каждой из сторон предоставлялись равные возможности по организации встреч судей с техническими экспертами и посещений объектов. В своем решении по существу дела Суд указал, что в ходе визита «принял к сведению технические пояснения, данные представителями, которые были назначены для этой цели Сторонами»[465], каких-либо вещественных доказательств Судом собрано не было[466].

Данный пример показывает, что «выезд на место» судей является хотя и сложным мероприятием в плане организации, требуемых ресурсов (прежде всего финансовых) и сотрудничества сторон спора, но вполне осуществимым. Редкость задействования такого механизма связана, как представляется, со следующими факторами, достаточно емко сформулированными экс-председателем Суда С. Швебелем в его речи в ходе 52 сессии Генеральной Ассамблеи [467] . Хотя С. Швебель высоко оценил полезность и успех проведенного визита в *деле «Габчиково-Надьмарош»*, он отметил, что для

---

[463] *Gabčikovo-Nagymaros* (Hungary/Slovakia), Order of 5 February 1997, I.C.J. Reports 1997, P. 3.

[464] *Ibidem*. P.10 ("The Court visited the area from 1 to 4 April 1997; it visited a number of locations along the Danube and took note of the technical explanations given by the representatives who had been designated for the purpose by the Parties"); см. также: *Gabčikovo-Nagymaros Project (Hungary / Slovakia)*, Communiqué No. 97/3 dated February 17, 1997, Visit by the Court to the site of the Gabčikovo-Nagymaros hydro-electric dam project. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/92/092-19970217-PRE-01-00-EN.pdf (дата обращения: 04.02.2023); *Rosenne S.* Essays on International Law and Practice. – Leiden: Martinus Nijhof publishing, 2007. – P. 221.

[465] *Gabčikovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia)*, Judgment, I.C.J. Reports 1997, P.14, Para. 10.

[466] *Rosenne S.* Essays on International Law and Practice. – Leiden: Martinus Nijhof publishing, 2007. – P. 221.

[467] Statement of the President of the ICJ S. Schwebel at the 36th meeting of the 52nd session of the General Assembly on 27 October 1997, A/52/PV.36, at 2.

решения вопросов права Суду обычно не требуется обращаться к столь сложным и затратным процедурам. В исключительных же случаях, когда посещение спорного объекта будет сочтено полезным, организация визита будет зависеть от высокой степени сотрудничества между сторонами, что наблюдается далеко не в каждом процессе в Международном Суде ООН (и особенно маловероятно в случае «привода» другой стороны в Суд на основании юрисдикционной клаузулы международного договора). Суд никогда в своей практике не назначал визит *proprio motu*, то есть в отсутствие согласия обеих сторон спора, хотя формально данного требования не закреплено[468].

Первый случай, когда Суд отказался проводить визит, произошел при рассмотрении им *дела о Юго-Западной Африке*[469]. В ходе устных слушаний в мае 1965 г. ответчик (Южная Африка) заявлял о необходимости посещения Судом территории Юго-Западной Африки, а также ЮАР, государств-заявителей (Эфиопии и Либерии) и одного или двух государств Африки к югу от Сахары по выбору Суда [470]. Заявители выступали против данных предложений. В ходе слушаний 24 мая 1965 г. Председатель Суда объявил, что данное ходатайство не будет рассмотрено Судом до тех пор, пока все доказательства не будут представлены и выступления сторон не будут завершены. На открытом заседании 29 ноября 1965 г. Председатель объявил о принятом решении об отказе в удовлетворении ходатайства ответчика[471].

Тем не менее заслуживает внимания аргументация представителя ответчика в пользу тезиса о необходимости проведения соответствующего

---

[468] *Walter C.* Article 44 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J. (Ed.)* – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 1177.

[469] *Rosenne S.* Essays on International Law and Practice. – Leiden: Martinus Nijhof publishing, 2007. – P. 226.

[470] *South West Africa Cases*, ICJ Pleadings 1966, Vol. VIII. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/47/047-19650315-ORA-01-00-BI.pdf (дата обращения: 04.02.2023).

[471] *South West Africa*, Order of 29 November 1965, I.C.J. Reports 1965, P. 9. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/47/047-19651129-ORD-01-00-EN.pdf (дата обращения: 04.02.2023).

визита. В частности, он утверждал, что при рассмотрении дела необходимо учитывать «африканский фактор» – то есть «вопрос о разнице между африканскими условиями, реалиями и стандартами и теми, которые относятся к американским, европейским или азиатским странам и народам». По его словам, передать эти тонкости и особенности невозможно «на бумаге», в ходе письменных процедур[472].

Суд отказался осуществлять визит и во время рассмотрения спора между Сальвадором и Гондурасом *о сухопутных, островных и морских границах*, который заслушивала временная (*ad hoc*) камера. В ходе слушаний Сальвадор обратился с ходатайством рассмотреть вопрос о посещении судьями спорных районов сухопутной границы согласно статье 66 Регламента Суда для получения доказательств *in situ*, а также предложил организовать расследование или экспертизу согласно статье 67 Регламента. По завершении устных слушаний Председатель камеры заявил о ее неготовности принять решение по этому вопросу. После проведения соответствующих обсуждений камера приняла решение об отсутствии необходимости в предлагаемых заявителем шагах[473]. К аналогичному результату привело несогласие США с предложением Канады организовать визит Суда в *деле о делимитации морской границы в районе залива Мэн*[474].

Хотя неготовность Суда самостоятельно осуществлять визиты в случае необходимости установления фактов может быть объяснена изложенными ранее соображениями, а также почетным возрастом большинства судей,

---

[472] *South West Africa Cases*, ICJ Pleadings 1966, Vol. VIII. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/47/047-19650315-ORA-01-00-BI.pdf (дата обращения: 04.02.2023), P. 272 (“And in our submission it is quite clear that, in view of its very nature, African reality is something which cannot be conveyed properly and adequately merely by the spoken and the written word. African reality requires to be seen in order to be appreciated properly and effectively. And that, Mr. President, is a fundamental aspect, a fundamental reason, in support of this application which I am putting to the Court”).

[473] *Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras: Nicaragua intervening)*, Judgment of 11 September 1992, I.C.J. Reports 1992, P. 361, Para. 22.

[474] *Delimitation of the Maritime Boundary in the Gulf of Maine Area case*, ICJ Pleadings 1984, Vol. VII, Correspondence, P. 329, 330, 331, 332, 341, 354. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/67/9607.pdf

ближайшая альтернатива – осуществление визитов назначенной Судом комиссией экспертов согласно ст. 50 Статута – является в равной степени редкой в практике Суда[475]. Широко цитируемым в данном контексте является *дело о проливе Корфу*[476], в котором сторонами были представлены различные версии существенных для дела фактов, в связи с чем Суд назначил Комитет экспертов для представления ему доклада по данному вопросу, а впоследствии поручил Комитету осуществить выезд «на место», то есть на относящуюся к предмету спора территорию, часть которой находилась на территории третьего государства (Югославия)[477]. Уникальность данного визита состояла в том, что он был напрямую связан с получением доказательств, а вопросы, заданные экспертам, были направлены на устранение противоречий в отношении фактов, представленных сторонами[478].

В то же время такое «делегирование» Судом своих полномочий по осуществлению визитов чревато тем, что ему преподносится не полная картина состояния дел в соответствующем регионе, а лишь ее элементы, «обработанные» через призму взглядов и убеждений экспертов. Кроме того, практикующими специалистами вполне резонно обозначается проблема

---

[475] *Case Concerning the Factory at Chorzów (Germany v. Poland)*, Claim for Indemnity, Merits, 1928 PCIJ Series A, № 17 (Sept. 13), P. 99; *Corfu Channel (United Kingdom v Albania)*, Order of 17 December 1948, I.C.J. Reports 1947–1948, P. 124; *Delimitation of the Maritime Boundary in the Gulf of Maine Area (Canada/United States of America)*, Appointment of Expert, Order of 30 March 1984, I.C.J. Reports 1984, P. 165; *Frontier Dispute (Burkina Faso/Republic of Mali)*, Nomination of Experts, Order of 9 April 1987, I.C.J. Reports 1987, P. 7 (в соответствии со статьей 48 Статута, не 50); *Malintoppi L.* Fact Finding and Evidence Before the International Court of Justice (Notably in Scientific-Related Disputes) // Journal of International Dispute Settlement. – 2016. – № 7. – P. 435.

[476] *Corfu Channel case (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland v. Albania)*, Judgment of April 9th 1949, I.C.J. Reports 1949, P. 4.

[477] *Крылов С.Б.* Международный Суд Организации Объединенных наций: Вопросы международного права и процесса в его практике за десять лет (1947-1957). – М.: Госюриздат, 1958. – С. 87.

[478] *Rosenne S.* Essays on International Law and Practice. – Leiden: Martinus Nijhof publishing, 2007. – P. 226.

подбора экспертов, которые обладали бы требуемыми знаниями и признанным авторитетом в соответствующей области[479].

Критике подвергается и практика задействования Судом «невидимых экспертов» (фр. *experts fantômes*) – временных сотрудников Секретариата Суда, дающих внутренние научные заключения[480], которые не публикуются и не направляются сторонам для ознакомления. В особом мнении по *делу о целлюлозных заводах на реке Уругвай* судьи А. аль-Хасауна и Б. Зимма заявили, что практика подобных консультаций с «невидимыми» экспертами в спорах, включающих сложные научные вопросы, лишает судопроизводство «прозрачности, открытости, процессуальной справедливости и возможности для Сторон прокомментировать или иным образом помочь Суду в понимании представленных ему доказательств», нарушая тем самым надлежащее отправление правосудия[481]. Рядом экспертов выражается сожаление в связи с тем, что Суд решил не использовать «прозрачный институционализированный механизм» вовлечения внешних экспертов, предусмотренный статьей 50 Статута и 67 Регламента[482], несмотря на большой объем представленной сторонами информации и сложность поднятых в деле вопросов.

Редкое задействование механизма визитов на место (будь то самими судьями или назначенными ими экспертами) приводит к тому, что Суд подчас опирается на информацию о фактах, установленных третьими сторонами, не имея при этом влияния или контроля ни в отношении подбора лиц, которыми

---

[479] *Keene A.* (Ed.). Outcome Paper for the Seminar on the International Court of Justice at 70: In Retrospect and in Prospect. // Journal of International Dispute Settlement. – 2016. – № 7. – P. 255.
[480] *Couvreur P.* Le règlement juridictionnel // SFDI (ed.), Le processus de délimitation maritime: Étude d'un cas fictif: Colloque international de Monaco du 27 au 29 mars 2003. – Paris: Pedone, 2004. – P. 349, 384; *Sir Jennings, R.* International Lawyers and the Progressive Development of International Law // *Makarczyk J.* (Ed.). Theory of International Law at the Threshold of the 21st Century: Essays in Honour of Krzystof Skubiszewski. – The Hague: Kluwer Law International, 1996. P. 413, 416.
[481] *Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay)*, Judgment, I.C.J. Reports 2010, P. 14, *Joint dissenting opinion Judges Al-Khasawneh and Simma*, Para. 14.
[482] *Peat D.* The Use of Court-Appointed Experts by the International Court of Justice. // British Yearbook of International Law. – Vol. 84. – Issue 1. – 2013. – P. 271, 300; *Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay)*, Judgment, I.C.J. Reports 2010, P. 14, *Joint dissenting opinion Judges Al-Khasawneh and Simma*, Para. 17.

осуществляется сбор и анализ доказательств, ни в отношении используемой ими методологии и процедур. Так, в *деле «Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории»* о применении Конвенции по предупреждению и наказанию преступления геноцида Международный Суд ООН столкнулся с трудностями в расследовании обвинений различных сторон относительно фактов осуществления геноцида[483]. В этой связи Суду пришлось опираться на выводы Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ)[484], что закономерно стало объектом справедливой критики[485]: по мнению ряда комментаторов, Суд сам не посчитал убедительными некоторые подходы МТБЮ к анализу доказательств, однако использовал выводы Трибунала в своем решении, а также не учел должным образом то, что МТБЮ рассматривал дела об индивидуальной уголовной ответственности, нежели об ответственности государств[486].

В настоящее время, как отмечалось, наблюдается тенденция к использованию юрисдикционных клаузул для передачи на рассмотрение Суда все большего числа споров, касающихся обвинений в нарушении международных договоров в сфере прав человека. По своей природе такие

---

[483] *Морган-Фостер Д.* В поисках выхода из лабиринта: сложный путь к юрисдикции в деле «Хорватия против Сербии». Решение Международного Суда ООН от 3 февраля 2015 года. – Международное правосудие. – № 3 – 2015. – С. 10.

[484] *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro)*, Judgment, I.C.J. Reports 2007, P. 134, Para. 223.

[485] *Devaney J.* Fact-Finding before the International Court of Justice. – Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – P. 114; *Goldstone R., Hamilton R. Bosnia v. Serbia*: Lessons from the Encounter of the International Court of Justice with the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia // Leiden Journal of International Law. – Volume 21. – Issue 1. – 2008. – P. 106; *Tomuschat C.* Article 36 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 752.

[486] *SáCouto S.* Reflections on the Judgment of the International Court of Justice in Bosnia's Genocide Case against Serbia and Montenegro. // Human Rights Brief. – Vol. 15. – Issue 1. – 2007. – P. 3 ("The Court's inconsistent approach to the relevance of ICTY jurisprudence begs the question: if the Court did not feel persuaded to conduct the kind of cumulative analysis of circumstantial evidence endorsed by the ICTY, why did it fail to conduct its own analysis of the evidence instead of relying on ICTY judgments to support its conclusion that evidence of intent was lacking? In other words, if it found the ICTY's approach to the evidence unpersuasive, why did the Court rely on the ICTY's conclusions of fact?").

дела насыщены фактами (зачастую состоят из множества индивидуальных случаев предполагаемых нарушений), а результат их разрешения напрямую зависит от того, насколько полной и достоверной картиной событий будет располагать Суд. Следовательно, Суду все чаще придется сталкиваться с вопросом необходимости сбора доказательств, в том числе *in situ*, а также изучения большого их количества из разных источников и оценки их доказательственной силы. Если пассивность Суда в вопросе сбора доказательств в таких делах (посредством визитов судей или экспертов) сохранится, то в его практике неизбежно возникнут сложности, связанные с оценкой доказательств, представляемых сторонами и третьими лицами и организациями.

На рассмотрении Суда находится заявление Гамбии против Мьянмы *о применении Конвенции по предупреждению и наказанию преступления геноцида*, касающееся обвинений в предполагаемом совершении властями Мьянмы геноцида рохинджей (мусульманского меньшинства). Дело наглядно демонстрирует указанную ранее тенденцию: государство-заявитель [487] активно ссылается на заявления и доклады Спецдокладчика ООН по ситуации с правами человека в Мьянме Я. Ли, Специального советника Генерального секретаря ООН по предупреждению геноцида А. Диенг, доклады неправительственных организаций и в особенности доклады о деятельности Миссии по установлению фактов в Мьянме (создана решением Совета ООН по правам человека в марте 2017 г.).

Таким образом, в связи с установлением Судом юрисдикции по данному делу в июле 2022 г.[488] перед ним вновь встанет проблема сбора и анализа

---

[487] *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (The Gambia v. Myanmar)*, Application instituting proceedings and Request for the indication of provisional measures, 11 November 2019.

[488] *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (The Gambia v. Myanmar)*, Preliminary objections, Judgment of 22 July 2022, General List No. 178.

доказательств. Если Суд вновь сочтет нецелесообразным осуществлять сбор доказательств самостоятельно (или по крайней мере с использованием назначенных им экспертов), то ему придется основывать свои выводы на результатах сбора и анализа доказательств третьими лицами [489] . Непрозрачность их деятельности и применимых методов (в частности, в области оценки достоверности показаний свидетелей), потенциальная вовлеченность политических соображений и интересов, отсутствие возможности оспаривания доказательств другой стороной по аналогии с судебным процессом – все это, в свою очередь, способно существенно повлиять на выводы Суда и привести к ошибочным решениям. Настораживающим является то, что в решении о назначении обеспечительных мер по заявлению Гамбии Суд не раз опирался на выводы Миссии по установлению фактов в Мьянме[490].

Актуальность вопроса об анализе доказательств демонстрирует и процесс рассмотрения Судом по существу заявления Украины против России *о применении Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма и Конвенции о запрещении всех форм расовой дискриминации*. Стороны представили в Суд тысячи страниц документальных доказательств по широкому спектру тем (информация по индивидуальным уголовным делам, статистические данные по различным аспектам, заключения по вопросам баллистики, фотоматериалы и т.д.). Более того, в заявлении были смешаны два «набора» совершенно разных фактических обстоятельств (первый – свидетельства предполагаемого финансирования терроризма, второй – доказательства предполагаемой расовой дискриминации)[491].

---

[489] *Шинкарецкая Г.Г.* Понятие доказательств в международном судебном процессе: постановка вопроса // Международное право. – 2020. – № 2. – С. 70 – 81.

[490] *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (The Gambia v. Myanmar)*, Order of 23 January 2020, Request for the indication of provisional measures, P. 17, 18, 21.

[491] *Case concerning Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of*

В решении Суд разъяснил применявшиеся им стандарты и методы доказывания, а также юридическую силу различных видов доказательств (статистических сведений, докладов, показаний свидетелей, материалов СМИ и т.д.)[492]. Однако в контексте конкретных обстоятельств данного дела позиция Суда по вопросам оценки доказательств не всегда являлась прозрачной и последовательной. В части Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма Суду не потребовалось анализировать колоссальный объем материалов из разных источников (о фактах обстрелов, об обстоятельствах крушения рейса МН-17 и т.д.) в связи с выводом Суда о том, что содержащийся в тексте Конвенции термин «средства» не включает в себя «средства, используемые для совершения террористических актов, включая оружие или тренировочные лагеря»[493].

Напротив, в части, касающейся Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Суд неоднократно ссылался на материалы, подготовленные третьими сторонами, и подчас приходил к противоположным выводам относительно «убедительности» аналогичных источников без должного обоснования различия в подходах. Так, Суд отметил, что доклады Управления Верховного комиссара ООН по правам человека – зачастую цитируемые украинской стороной – основаны на сведениях, собираемых Наблюдательной миссией ООН по правам человека на Украине, которая, в свою очередь, не имеет доступа в Крым[494]. Кроме того, такие

Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation), Preliminary Objections, Verbatim record 2019/9, Public sitting held on Monday 3 June 2019, *Opening Statement of the Agent of the Russian Federation H.E. Mr. D. Lobach* // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/166/166-20190603-ORA-01-00-BI.pdf (дата обращения: 04.02.2023).

[492] *Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation)*, Judgment of 31 January 2024, General List No. 166, P. 42, Para.79 (в части Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма), P. 62, Para. 163 (в части Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации).

[493] *Ibidem*, P. 36, Para. 53.

[494] *Ibidem*, P. 73, Para. 215.

доклады международных органов подчас не содержат достаточно точных сведений [495] . При оценке выводов Комитета по ликвидации расовой дискриминации, содержащихся в заключительных замечаниях по итогам рассмотрения очередного периодического доклада России, Суд отметил отсутствие у Комитета доступа к доказательствам «из первых рук»[496]. Тем не менее, в ряде случаев Суд полагался на данные источники при установлении имеющих значение фактов[497]. Несмотря на в целом положительный исход дела для Российской Федерации, подобные неточности в оценке доказательств могут создавать ряд проблем. Вероятно, схожие вопросы возникнут и при рассмотрении заявлений Армении и Азербайджана, заявления Украины против России от 26 февраля 2022 г. (в части, подпадающей под юрисдикцию Суда согласно его решению от 2 февраля 2024 г. [498] – т.е. о наличии доказательств совершения Украиной геноцида в ДНР и ЛНР), а также ЮАР против Израиля от 29 декабря 2023 г.[499]

Таким образом, то, как Суд будет справляться с рассмотрением столь фактологически насыщенных дел (не только в области науки и техники) в условиях отсутствия у него на настоящий момент разработанной практики для организации полноценного процесса установления фактов, может оказать влияние на признание государствами его юрисдикции, в особенности посредством юрисдикционных клаузул международных договоров. Если эта функция все больше будет «отдаваться на откуп» третьих лиц, доверие государств к данному институту может снизиться.

---

[495] *Ibidem*, P. 82, Para. 250; P. 96, Para. 321.
[496] *Ibidem*, P. 98, Para. 334.
[497] *Ibidem*, P. 78, Para. 238; P. 86, Para. 268; P. 92, Para. 303; P. 96, Para. 320.
[498] *Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation: 32 States intervening)*, Preliminary objections, 2 February 2024, General List No. 182.
[499] *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide in the Gaza Strip (South Africa v. Israel)*, Application instituting proceedings and request for the indication of provisional measures, 29 December 2023.

Как справедливо отмечает К. Томушат[500]: «Международный Суд ООН, который не является судом первой инстанции, испытывал большие трудности, будучи вынужденным расследовать все обвинения в геноциде, выдвинутые различными вовлеченными сторонами (*в деле «Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории» – О.З.*). У Суда отсутствует инфраструктура, которая была бы необходима для всеобъемлющего процесса установления фактов на местах».

Для того чтобы судьи Международного Суда обладали информацией «из первых рук», а также могли получить собственное представление о ситуации на определенной территории, ее исторических, культурных и иных особенностях, целесообразной видится организация визитов судей (при гарантированной безопасности) в наиболее сложных с фактологической точки зрения делах. Параллельно представляется необходимым расширять практику задействования назначаемых Судом экспертов. Можно согласиться с судьей А. Юсуфом, который в заявлении к решению Суда по *делу о целлюлозных заводах на реке Уругвай* указал, что «Суду было бы полезно в будущем более эффективно использовать полномочия, предоставленные ему его Статутом, для рассмотрения фактоемких (англ. *"fact-intensive"*) и сложных научных дел и разработки для этого четкой стратегии, которая позволила бы ему оценивать необходимость заключения эксперта на ранней стадии рассмотрения дела»[501]. Хотя дискуссия о расширении участия экспертов посвящена, в основном, наукоемким делам, вероятно, в будущем данный вопрос будет равным образом актуален и для споров по проблематике прав человека. В научном дискурсе также озвучивается предложение о создании отдельной камеры Суда по установлению фактов, деятельность которой была бы направлена

---

[500] *Tomuschat C.* Article 36 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 752.

[501] *Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay)*, Judgment, I.C.J. Reports 2010, P. 14, *Declaration of Judge Yusuf*, Para. 14.

исключительно на поиск и осуществление предварительного анализа имеющихся доказательств[502].

Что касается задействования внутренних («невидимых») экспертов, то данная практика не лишена смысла, но нуждается в более четком регулировании для обеспечения прозрачности процесса принятия Судом решений и выводов, на которых они основываются, в делах с насыщенной фактологической и научной составляющей.

На основе изложенных в данном подразделе доводов автор приходит к следующим выводам: ограниченность применения юрисдикционных клаузул связана с тем, что количество договоров, успешно задействовавшихся для передачи споров в Суд, является относительно небольшим. Кроме того, не прослеживается политическая воля государств заключать новые договоры с такого рода механизмами, а те из них, которые включают в себя положения о признании юрисдикции Международного Суда ООН, зачастую подписываются государствами с оговорками. Система юрисдикционных клаузул является нестабильной, так как согласие государств на юрисдикцию Суда может быть отозвано, что неоднократно случалось на практике. Еще одним фактором, который может негативным образом влиять на политическую волю государств признавать юрисдикцию Суда по разногласиям, вытекающим из международных договоров, является практика использования некоторыми государствами соответствующих юрисдикционных клаузул для «подведения» под юрисдикцию Суда всеобъемлющих и многоаспектных споров, зачастую имеющих лишь косвенное отношение к задействуемому международному договору. Помимо того, что такая практика делает применение юрисдикционных клаузул международных договоров подчас непредсказуемым, она ставит Суд перед

[502] *SáCouto S.* Reflections on the Judgment of the International Court of Justice in Bosnia's Genocide Case against Serbia and Montenegro. // Human Rights Brief. – Vol. 15. – Issue 1. – 2007. – P. 4.

необходимостью детального анализа приводимых сторонами доводов (на предмет их соответствия предмету конкретного специализированного международного договора) и применимого к спору права. В контексте использования юрисдикционных клаузул международных договоров в сфере прав человека возникает также проблема необходимости установления Судом фактов, которая на настоящий момент требует изменения применяемых Судом методов.

3.3 Некоторые вопросы толкования юрисдикционных клаузул международных договоров

Как было указано ранее, юрисдикционные клаузулы могут содержать различные формулировки. Некоторые из них не вызывают сомнений в том, что ими обеспечивается прямой доступ к Международному Суду ООН. Так, статья IX Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него предусматривает, что «споры между договаривающимися сторонами по вопросам толкования, применения или выполнения настоящей Конвенции, включая споры относительно ответственности того или другого государства за совершение геноцида или одного из других перечисленных в статье III деяний, передаются на рассмотрение Международного Суда *по требованию любой из сторон в споре*[503]». В статье I факультативного протокола к Венской конвенции о дипломатических сношениях и факультативного протокола к Венской конвенции о консульских сношениях также указывается, что «споры по толкованию или применению Конвенции подлежат обязательной юрисдикции Международного Суда и, соответственно, могут передаваться в этот Суд *по заявлению любой стороны в споре*[504], являющейся участником настоящего Протокола».

Однако не все юрисдикционные клаузулы сформулированы столь однозначно. В некоторых из них указывается на несколько способов разрешения споров, возникающих между сторонами соответствующего

[503] Выделено автором.
[504] Выделено автором.

договора (проведение переговоров, задействование установленных специальных процедур, инициирование арбитражного разбирательства, обращение в Международный Суд ООН и т.д.), в связи с чем может возникнуть вопрос о наличии или отсутствии определенной их очередности. В данном контексте весьма важным представляется проведение анализа особенностей толкования Международным Судом юрисдикционных клаузул международных договоров, а также имеющихся на данном направлении теоретических и практических проблем.

Основным предметом дискуссий в практической и теоретической плоскости в последние годы стала Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (далее – Конвенция 1965 г.), которая послужила основанием для большого числа заявлений в Международный Суд (Грузии против России, Украины против России, Катара против ОАЭ, Армении против Азербайджана и Азербайджана против Армении). В этой связи представляется необходимым проанализировать подходы Международного Суда к толкованию юрисдикционных клаузул на примере данной группы рассмотренных им дел.

Дело о применении Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Грузия против России). В *деле о применении Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Грузия против России)* стороны представили Суду диаметрально противоположное толкование статьи 22 упомянутой Конвенции. Она гласит: «Любой спор между двумя или несколькими государствами-участниками относительно толкования или применения настоящей Конвенции, который не разрешен путем переговоров или процедур, специально предусмотренных в настоящей Конвенции, передается по требованию любой из сторон в этом споре на разрешение Международного Суда, если стороны в споре не договорились об ином способе урегулирования»[505].

[505] Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, 21 декабря 1965, United Nations Treaty Series, vol. 660, P. 195.

Под процедурами, предусмотренными в Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г., понимается механизм, указанный в статьях 11 – 13 Конвенции. Согласно п. 1 статьи 11 Конвенции, «если какое-либо государство-участник считает, что другое государство-участник не выполняет положений Конвенции, то оно может довести об этом до сведения Комитета [по ликвидации расовой дискриминации]», который является специально созданным контрольным механизмом Конвенции. Комитет «затем передает это сообщение заинтересованному государству-участнику», которое в течение трех месяцев «представляет Комитету письменные объяснения или заявления, освещающие этот вопрос и меры, которые могли быть приняты этим государством». В соответствии с п. 2 статьи 11 государство имеет право вновь передать вопрос Комитету посредством повторного уведомления, «если вопрос не урегулирован к удовлетворению обеих сторон путем двусторонних переговоров или каким-либо иным доступным им путем в течение шести месяцев после получения таким государством первоначального уведомления».

Согласно с п. 1 (a) статьи 12 Конвенции 1965 г. после получения Комитетом необходимой информации его Председатель назначает специальную Согласительную комиссию, добрые услуги которой предоставляются заинтересованным государствам «в целях миролюбивого урегулирования» вопроса. В п. 1 статьи 13 Конвенции предусматривается, что после полного рассмотрения вопроса Согласительной комиссией она представляет председателю Комитета доклад, содержащий «ее заключения по всем вопросам, относящимся к фактической стороне спора между сторонами, и такие рекомендации, которые она признает необходимыми для миролюбивого разрешения спора». П. 2 статьи 13 Конвенции устанавливает, что соответствующие государства в течение трех месяцев после получения доклада от Председателя информируют его о том, «согласны ли они с рекомендациями, содержащимися в докладе Комиссии».

В толковании юрисдикционной клаузулы статьи 22 Конвенции 1965 г., представленном Российской Федерацией, прежде чем Грузия могла обратиться в Международный Суд, должны были быть удовлетворены два кумулятивных (т.е. совокупных) условия: проведение переговоров и попытка разрешения спора путем специальных процедур, установленных Конвенцией[506]. В толковании, предложенном грузинской стороной, статья 22 Конвенции, напротив, не устанавливала предварительных условий для доступа к Международному Суду, а указанные в ней способы разрешения споров не должны были быть полностью исчерпаны до подачи заявления в Суд[507].

В решении о временных мерах Суд установил, что *prima facie* обладает юрисдикцией рассматривать данный спор[508], в том числе потому, что общепринятое значение статьи 22 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. «не предполагает, что официальные переговоры в рамках Конвенции или обращение к процедуре, упомянутой в статье 22 Конвенции, представляют собой предварительные условия, которые должны быть выполнены перед обращением в Суд»[509]. Данная позиция подверглась критике со стороны ряда судей, которые выразили мнение, что в решении содержалось неверное толкование статьи 22 Конвенции, не признающее наличие в ней предварительных условий, которые должны быть

---

[506] *Case Concerning Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation)*, Preliminary objections of the Russian Federation, Vol 1., 1 December 2009, P. 80. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/140/16099.pdf (дата обращения: 04.02.2023); *Vylegzhanin A.N., Ivanov D.V., Zinchenko O.I.* Claims Concerning Racial Discrimination: Jurisdictional Approaches of the International Court of Justice // Kutafin Law Review. – 2022. – Vol. 9. – № 2. – P. 359.

[507] *Case Concerning Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation)*, Written statement of Georgia on preliminary objections, Vol 1., 1 April 2010, P. 93. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/140/16101.pdf (дата обращения: 04.02.2023).

[508] *Case Concerning Application of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation)*, Provisional Measures, Order of 15 October 2008, I.C.J. Reports 2008, P. 353, 388, Para. 117.

[509] *Ibidem*, Para. 114.

выполнены, прежде чем у стороны появляется право обратиться в Международный Суд[510].

Признание *prima facie* юрисдикции Суда на стадии принятия решения о временных мерах, однако, не предрешает вопроса о его юрисдикции при дальнейшем рассмотрении дела[511]. Так, при более детальном анализе обстоятельств дела и формулировки статьи 22 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. Суд в своем решении о предварительных возражениях[512] пришел к выводу об отсутствии юрисдикции рассматривать заявление Грузии, основываясь на общем правиле толкования международных договоров[513].

Суд обратился к т.н. принципу эффективности, в соответствии с которым толкуемым положениям договора («[л]юбой спор […], который не разрешен […]») должны придаваться сила и смысл[514]. В этой связи Суд упомянул решение Постоянной Палаты Международного Правосудия по *делу о свободных таможенных зонах в Верхней Савойе и Пеи де Жекс*[515], в котором указывалось, что «в случае сомнений положения специального соглашения, в

---

[510] *Application of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation)*, Provisional Measures, Order of 15 October 2008, I.C.J. Reports 2008, *Joint Dissenting Opinion of Vice-President Al-Khasawneh and Judges Ranjeva, Shi, Koroma, Tomka, Bennouna and Skotnikov*, P. 404.

[511] *Application of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation)*, Provisional Measures, Order of 15 October 2008, I.C.J. Reports 2008, Para. 148; see also *Anglo‑Iranian Oil Co. (United Kingdom* v. *Iran)*, Preliminary Objection, Judgment, I.C.J. Reports 1952, P. 102 – 103; *Armed Activities on the Territory of the Congo (New Application: 2002) (Democratic Republic of the Congo* v. *Rwanda)*, Provisional Measures, Order of 10 July 2002, I.C.J. Reports 2002, P. 249, Para. 90.

[512] *Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation)*, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2011, P. 70.

[513] *Application of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation)*, Preliminary Objections, Judgment of 1 April 2011, I.C.J. Reports 2011, Para. 122; *Jardón L.* The Interpretation of Jurisdictional Clauses in Human Rights Treaties // Anuario Mexicano de Derecho Internacional. – Vol. XIII. – 2013. – P. 130.

[514] Международное право. Учебник для бакалавров. Отв. ред. Бекяшев К.А., М.: Проспект, 2013.

[515] *Free Zones of Upper Savoy and the District of Gex,* Order of 19 August 1929, PCIJ, Series A, No. 22, P. 13.

соответствии с которым спор передается в Суд, должны, если это не исказит их смысла, толковаться таким образом, чтобы эти положения имели надлежащие последствия ("*have appropriate effects*")».

Суд счел, что предложенное Грузией толкование статьи 22 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г., предполагающее, что для передачи дела в Суд достаточно лишь факта того, что спор не был разрешен (путем переговоров или в порядке, установленном Конвенцией), лишало эффекта ключевую фразу этой статьи[516]. В противном случае указание в ней двух способов разрешения споров (переговоры и специальная процедура в соответствии с Конвенцией) не несло бы в себе никакого смысла и не вело бы ни к каким последствиям «в нарушение принципа, согласно которому словам должно, по возможности, придаваться надлежащее значение»[517].

В подтверждение своей позиции Суд обратился к тексту статьи 22 Конвенции на французском языке, грамматическая конструкция которого ("*[t]out différend... qui n'aura pas été réglé par voie de négociation ou au moyen des procédures expressément prévues par la convention*") предполагала выполнение одного действия (попытка разрешения спора указанными в статье способами) до другого действия (обращение в Суд) в будущем. Суд также проанализировал свою практику по схожим со статьей 22 Конвенции 1965 г. юрисдикционным клаузулам, которые, по его мнению, однозначно толковались как содержащие предварительные условия для передачи дела в Международный Суд. Соответственно, Суд пришел к выводу о том, что обычное значение положений статьи 22 Конвенции предполагает

---

[516] *Application of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation)*, Preliminary Objections, Judgment of 1 April 2011, I.C.J. Reports 2011, P. 125 – 126, Para. 133.

[517] *Ibidem*, P. 126, Para. 134 ("Their introduction into the text of Article 22 would otherwise be meaningless and no legal consequences would be drawn from them contrary to the principle that words should be given appropriate effect whenever possible").

установление условий, которые должны быть выполнены перед передачей спора в Суд.

Ввиду активного использования сторонами аргументов, основанных на подготовительных материалах (фр. "*travaux préparatoires*") и обстоятельствах заключения рассматриваемой Конвенции, Суд решил обратиться к ним для подтверждения установленного им значения статьи 22 (хотя и не считал это необходимым). Суд отметил, что обсуждения формулировки «спор […], который не разрешен» были весьма малочисленными, в связи с чем «полезность подготовительных материалов для того, чтобы пролить свет на значение статьи 22 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г., является ограниченной». Хотя анализ подготовительных материалов не выявил свидетельств в пользу позиции Суда, не было установлено и фактов, явно противоречащих точке зрения, к которой Суд пришел с помощью толкования договора на основании обычного значения его текста[518].

Несогласие с данным толкованием выразили некоторые судьи, по мнению которых составители Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. «выбрали, осознанно или неосознанно, формулировку, которая в наименьшей степени может быть истолкована буквально как устанавливающая «предварительное условие», требующее предварительной попытки провести переговоры»[519]. Данные правоведы отстаивали мысль о том, что о желании установить такое условие могло бы свидетельствовать использование формулировки «спор […] который не может быть разрешен» (*"which cannot be settled"*) вместо «спор […], который не разрешен» (*"which is not settled"*).

---

[518] *Ibidem*, P. 130.

[519] *Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation)*, Preliminary objections, Judgment of 1 April 2011, I.C.J. Reports 2011, *Joint dissenting opinion of President Owada, Judges Simma, Abraham and Donoghue and Judge ad hoc Gaja*, P.148.

Стоит также отметить, что Судом не были поддержаны «радикально-правочеловеческие» взгляды, которые были озвучены судьей А.А. Кансадо Триндаде[520], заключавшиеся в необходимости особого (в данном случае – более «мягкого» в плане критериев для установления согласия на юрисдикцию Международного Суда ООН) толкования договоров в сфере защиты и поощрения прав человека ввиду их особого объекта и целей, даже если это подразумевало бы применение эволютивного толкования, не учитывающего намерения государств при заключении Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.[521].

Таким образом, применяя принцип «эффективного» толкования договора к обстоятельствам конкретного дела, Суд заключил, что Грузией не были проведены переговоры с Российской Федерацией по проблематике Конвенции о запрещении всех форм расовой дискриминации. Так как при рассмотрении первого предварительного возражения Российской Федерации (об отсутствии спора между сторонами) Суд установил возникновение спора между Грузией и Российской Федерацией по вопросам Конвенции лишь после событий, произошедших в ночь с 7 на 8 августа 2008 г.[522], а обращение Грузии в Суд было подано уже 12 августа 2008 г., то в данный короткий период с 9 по

---

[520] *Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation)*, Preliminary objections, Judgment of 1 April 2011, I.C.J. Reports 2011, *Dissenting opinion of Judge Cançado Trindade*, P. 239, 300, 305 ("Under human rights treaties, the individuals concerned, in situations of great vulnerability or adversity, need a higher standard of protection; the ICJ, in the *cas d'espèce*, lodged with it on the basis of the CERD Convention, applied, contrariwise, a higher standard of State consent for the exercise of its jurisdiction").

[521] *Ibidem*, P.307 ("Moreover, the reasoning of the Court appears to me as a static one, attempting to project into our days what the Court's majority *imagines* were the intentions of the draftsmen of the Convention (or of some of them) almost half a century ago, on the basis of a textual or grammatical argument. The Court notes that, "at the time" when the CERD Convention "was being elaborated, the idea of submitting to the compulsory settlement of disputes by the Court was not readily acceptable to a number of States" (para. 147). The Court then attempts to extract consequences therefrom, so as to advance today, in 2011, a reasoning that freezes or ossifies international law in the present domain of protection of the human person, that hinders its progressive development, and, understandably, that limits its own jurisdiction!").

[522] *Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation)*, Preliminary objections, Judgment of 1 April 2011, I.C.J. Reports 2011, Para 167.

12 августа 2008 г. Грузия не предприняла попытки провести переговоры о предполагаемых нарушениях положений Конвенции[523].

Поскольку одно из условий статьи 22 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. не было выполнено, Суд счел нецелесообразным рассматривать, являются ли эти условия альтернативными или совокупными (кумулятивными). Такое «молчание» Суда было подвергнуто критике со стороны некоторых судей[524]. Судьи Х. Овада, Б. Зимма, Р. Абраам, Д. Донохью и судья *ad hoc* Д. Гая в особом мнении к решению по делу *«Грузия против России»*[525] отстаивали позицию об «излишнем формализме» Суда и приводили доводы в пользу отсутствия предварительных условий в статье 22 Конвенции как таковых. В противном случае, по их мнению, такие условия могли быть только альтернативными, так как поправка, внесенная делегациями Ганы, Филиппин и Мавритании в ходе 1367 заседания Третьего комитета Генеральной Ассамблеи ООН, которая дополнила формулировку «любой спор […], который не разрешен путем переговоров» фразой «или процедур, специально предусмотренных в настоящей Конвенции», была преподнесена как «не требующее объяснений» дополнение. Она была с легкостью принята, так как, по мнению некоторых правоведов, не предполагала внесения существенных изменений в текст, что свидетельствовало об отсутствии намерения установить дополнительные ограничения для доступа в Суд.

С данной позицией спорят другие юристы-международники, которые отмечают, что она не учитывает имевшееся еще на начальной стадии

---

[523] *Ibidem*, Paras. 168, 182 ("[…] the facts in the record show that, between 9 August and 12 August 2008, Georgia did not attempt to negotiate CERD-related matters with the Russian Federation").

[524] *Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation)*, Preliminary objections, Judgment of 1 April 2011, I.C.J. Reports 2011, *Dissenting opinion of Judge Cançado Trindade*, P. 290, Para. 116.

[525] *Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation)*, Preliminary objections, Judgment of 1 April 2011, *Joint dissenting opinion of President Owada, Judges Simma, Abraham and Donoghue and Judge ad hoc Gaja*, P. 157.

разработки Конвенции нежелание ряда государств устанавливать юрисдикцию Суда по вопросам, связанным с ее толкованием или применением, в то время как другие государства выступали за обеспечение прямого и беспрепятственного доступа в Суд. По мнению профессора А. Циммермана [526], принятая формулировка статьи 22 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. представляла собой компромисс между данными двумя позициями. Более того, еще на ранней стадии разработки текста Конвенции подчеркивалась исключительная значимость конвенционного механизма рассмотрения межгосударственных споров, а первоначальная редакция юрисдикционной клаузулы предусматривала, что «любое государство-участник, в отношении которого подана жалоба, или подавшее жалобу, может, если ситуация не была разрешена в рамках положений п. 1 статьи 13, передать дело на рассмотрение Международного Суда ООН после того, как был составлен доклад, предусмотренный п. 3 статьи 13».

Дело о применении Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма и Конвенции о запрещении всех форм расовой дискриминации (Украина против России). Вопрос о характере процедурных условий статьи 22 Конвенции возник в практике Суда вновь при рассмотрении предварительных возражений Российской Федерации в рамках *дела о применении Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма и Конвенции о запрещении всех форм расовой дискриминации (Украина против России)*[527]. Опираясь на изложенную в решении по делу *«Грузия против России»* позицию Суда о необходимости проведения переговоров перед подачей заявления, Украина инициировала переговоры с российской стороной (которые Россия в ходе процесса характеризовала как

---

[526] *Zimmermann A.* Human Rights Treaty Bodies and the Jurisdiction of the International Court of Justice // The Law and Practice of International Courts and Tribunals. – № 12. – 2013. – P. 9.

[527] *Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation)*, Preliminary Objections, Judgment of 8 November 2019.

недобросовестные и не свидетельствовавшие о реальном стремлении украинской стороны разрешить спор [528]). Однако впоследствии Украина подала заявление в Международный Суд без предварительного задействования механизма, предусмотренного Конвенцией 1965 г., что послужило причиной выдвижения одного из предварительных возражений России против наличия у Суда юрисдикции рассматривать дело.

Россия вновь представила аргументы в пользу того, что содержащееся в формулировке статьи 22 слово «или» указывает на совокупные, а не альтернативные процедурные условия. Иное толкование лишило бы смысла и юридических последствий указание на два различных предварительных условия (принцип эффективности, фр. "*effet utile*"). Россия также приводила доводы о том, что согласительная процедура под эгидой Комитета по ликвидации расовой дискриминации не может рассматриваться как переговоры, поскольку она предполагает вмешательство третьей стороны, и, следовательно, не заменяет прямые переговоры между государствами, а дополняет их[529].

Суд в решении по вопросам юрисдикции указал, что для определения кумулятивного или альтернативного характера предварительных условий, содержащихся в статье 22 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г., он «будет применять нормы обычного международного права в отношении толкования договоров, отраженные в

---

[528] *Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation)*, Preliminary Objections, Oral Proceedings, Public sitting held on 3 June 2019, Statement of the Agent of the Russian Federation Mr. G. Lukiyantsev, P. 47 // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/166/166-20190603-ORA-01-00-BI.pdf (дата обращения: 04.02.2023).

[529] *Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation)*, Preliminary Objections, Oral Proceedings, Public sitting held on 3 June 2019, Statement of the Counsel of the Russian Federation Mr. A. Pellet, P. 58. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/166/166-20190603-ORA-01-00-BI.pdf (дата обращения: 04.02.2023).

статьях 31 – 33 Венской конвенции»[530]. Суд согласился с аргументацией ответчика о том, что «в соответствующей части статьи 22 Конвенции союз «или» может иметь либо разъединительное (англ. *"disjunctive"*), либо соединительное (англ. *"conjunctive"*) значение» (в первом случае предполагая альтернативный характер условий, а во втором – кумулятивный)[531]. Далее Суд заключил, что «переговоры» и «процедуры, специально предусмотренные в Конвенции», являются двумя способами достижения одной и той же цели, а именно урегулирования спора путем соглашения сторон (на это, по мнению Суда, указывают ссылки в ст. 11 – 13 Конвенции на «миролюбивое урегулирование» спора и сообщение государств о согласии с рекомендациями Согласительной комиссии). Суд акцентировал, что «как переговоры, так и процедура в рамках Комитета по ликвидации расовой дискриминации основаны на готовности государств к достижению согласованного урегулирования их спора».

Далее Суд фактически приравнял предусмотренный Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. механизм и переговоры, отметив, что кумулятивный характер условий требовал бы от государств сперва предпринять попытку разрешить спор посредством переговоров, а в случае их безрезультатности «передать этот вопрос Комитету *для дальнейших переговоров*[532], чтобы снова достичь согласованного решения». Суд счел, что «контекст статьи 22 Конвенции не поддерживает такое толкование» и, «скорее, указывает на то, что было бы неразумно требовать от государств-участников, которые уже не смогли достичь согласованного урегулирования спора путем переговоров, участвовать в

---

[530] *Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation)*, Preliminary Objections, Judgment of 8 November 2019, P.39, Para. 106; см. также *Question of the Delimitation of the Continental Shelf between Nicaragua and Colombia beyond 200 Nautical Miles from the Nicaraguan Coast (Nicaragua v. Colombia)*, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2016, P. 116, Para. 33.

[531] *Ibidem*, P. 40, Para. 107.

[532] Выделено автором.

дополнительном раунде переговоров в порядке, установленном ст. 11 – 13 Конвенции»[533].

После анализа контекста статьи 22 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. Суд обратился к изучению объекта и цели Конвенции (четко следуя букве статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров). В п. 1 ст. 2 Конвенции 1965 г. предусматривается, что государства-участники обязуются «безотлагательно» всеми возможными способами проводить политику ликвидации всех форм расовой дискриминации. Статьи 4 и 7 предусматривают, что государства-участники обязуются искоренять подстрекательство к расовой дискриминации и бороться с предрассудками, ведущими к расовой дискриминации, путем принятия «немедленных и позитивных мер» и «немедленных и эффективных мер» соответственно. В преамбуле к Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. подчеркивается решимость государств принять все необходимые меры для скорейшей ликвидации расовой дискриминации. Суд сделал вывод, что эти положения указывают на стремление государств-участников эффективно и оперативно искоренить все формы расовой дискриминации, а достижение таких целей, по его мнению, было бы затруднено при рассмотрении предварительных процессуальных условий, предусмотренных статьей 22 Конвенции, в качестве совокупных[534].

В отличие от дела *«Грузия против России»*, Суд отказался обращаться к подготовительным документам Конвенции, так как «альтернативный характер процедурных предварительных условий достаточно ясно следует из толкования обычного значения терминов статьи 22 в их контексте, а также в

---

[533] *Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation)*, Preliminary Objections, Judgment of 8 November 2019, P. 40, Para. 110.
[534] *Ibidem*, P. 41, Para. 111.

свете объекта и цели Конвенции»[535], несмотря на то, что сторонами приводились многочисленные ссылки на *travaux préparatoires*[536].

Соотношение судебных и досудебных процедур разрешения споров, касающихся применения и толкования Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. Рассмотренные решения Суда породили далеко идущие последствия. Во-первых, отсутствие необходимости исчерпания конвенционных механизмов урегулирования спора привело к участившемуся использованию Конвенции 1965 г. все большим числом государств для передачи в Суд споров, порой имеющих лишь косвенное отношение к данной проблематике. При этом на практике Суд недостаточно учитывал добросовестность мотивов и поведения государства-заявителя, хотя в таких случаях зачастую имелись свидетельства злоупотребления правом на обращение в Суд, которое реализовывалось «с единственной целью – нанести ущерб другой стороне»[537].

Индикатором потенциального увеличения подобных споров может являться то, что примеру Грузии и Украины последовал Катар, подавший в июне 2018 г. заявление против ОАЭ *о применении Конвенции о запрещении*

---

[535] *Ibidem*, P. 41, Para. 112.

[536] Примечательно, что практика обращения Суда к подготовительным материалам договора является весьма неоднородной даже в рамках рассмотрения схожих споров, касающихся Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. Так, в отличие от дела *«Украина против России»*, в деле *«Катар против ОАЭ»* Суд посвятил 13 страниц своего решения вопросам юрисдикции *ratione materiae* (из них почти 10 страниц – толкованию термина «национальное происхождение»). Опираясь главным образом на анализ текста договора, Суд пришел к выводу, что ограничительные меры, применяемые к лицам на основе их гражданства, не подпадают под действие Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. Как и в деле *«Грузия против России»* (и в отличие от его позиции в деле *«Украина против России»*), Суд снова обратился к анализу *travaux préparatoires* (по причине активного использования их в аргументации сторон), хотя и счел достаточным использование общего правила толкования (ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров). *См.*: *Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Qatar v. United Arab Emirates)*, Preliminary objections, Judgment of 4 February 2021, General List No. 172, p.23-36; *Vylegzhanin A.N., Ivanov D.V., Zinchenko O.I.* Claims Concerning Racial Discrimination: Jurisdictional Approaches of the International Court of Justice // Kutafin Law Review. – 2022. – Vol. 9. – № 2. – P. 367.

[537] *Каламкарян Р.А.* Международный Суд в миропорядке на основе господства права. – М.: Наука, 2012. – С. 156.

всех форм расовой дискриминации, а в 2021 г. также Армения и Азербайджан (в связи с вооруженным конфликтом в Нагорном Карабахе в 2020 г.).

Кроме того, споры, относящиеся к проблематике защиты и поощрения прав человека, обладают некоторой спецификой. Они зачастую связаны не с вопросами права, а с вопросами факта, что может создать дополнительные трудности для Суда, пока в полной мере не приспособленного для выполнения функции установления фактов (как указывалось ранее), особенно в случае «наплыва» таких дел.

Во-вторых, данное решение поднимает более концептуальный и теоретический вопрос соотношения между юрисдикцией Международного Суда ООН и компетенцией договорных механизмов разрешения споров[538]. Как резонно предупреждал в ходе устных слушаний по *делу «Украина против России»* представитель Российской Федерации Г. Лукьянцев, позиционирование содержащихся в статье 22 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. условий как альтернативных «приведет к маргинализации мониторинговой системы Конвенции, в том числе ее Комитета»[539]. Российской стороной приводились цитаты делегатов, стоявших у истоков статьи 22 Конвенции 1965 г. (в частности, представителя Филиппин Г-на Инглеса), которые свидетельствовали о предпочтительности согласительной процедуры для решения вопросов прав человека по сравнению с судебным разбирательством[540]. Французский профессор А. Пелле, выступавший со стороны Российской Федерации, акцентировал, что задействование Суда в

---

[538] *Vylegzhanin A.N., Ivanov D.V., Zinchenko O.I.* Claims Concerning Racial Discrimination: Jurisdictional Approaches of the International Court of Justice // Kutafin Law Review. – 2022. – Vol. 9. – № 2. – P. 368.

[539] *Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation)*, Preliminary Objections, Oral Proceedings, Public sitting held on 3 June 2019, Statement of the Agent of the Russian Federation Mr. G. Lukiyantsev, P. 48. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/166/166-20190603-ORA-01-00-BI.pdf (дата обращения: 04.02.2023).

[540] *Ibidem*.

качестве «последней меры» соответствует общей идее, вдохновлявшей всю Конвенцию, согласно которой Комитет является первым и главным ее «хранителем». Мнения о приоритетности Комитета явно придерживались сами авторы Конвенции[541]. Об этом свидетельствует в том числе и статья 20 Конвенции, в соответствии с которой «не допускаются […] оговорки, могущие препятствовать работе каких-либо органов, созданных на основании настоящей Конвенции».

Российские представители акцентировали внимание на том, что «низкий порог» для передачи спора в Международный Суд будет стимулировать государства использовать статью 22 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. в качестве средства для передачи «политических баталий, не связанных с подлинными обвинениями в расовой дискриминации» [542] , вместо того, чтобы побуждать их оценивать предполагаемые акты расовой дискриминации с помощью национальных правовых систем и примирительной процедуры с участием Комитета, которая помогает устанавливать факты и при необходимости вносить исправления. Таким образом, «двухэтапная процедура» позволила бы Суду извлечь пользу из фактической, полной и объективной картины спора, а также учесть толкование, принятое «независимым органом, специально созданным для мониторинга применения международного договора» [543] . Однако Суд, не

---

[541] *Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation)*, Preliminary Objections, Oral Proceedings, Public sitting held on 3 June 2019, Statement of the Counsel of the Russian Federation Mr. A. Pellet, P. 60. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/166/166-20190603-ORA-01-00-BI.pdf (дата обращения: 04.02.2023).

[542] *Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation)*, Preliminary Objections, Oral Proceedings, Public sitting held on 3 June 2019, Statement of the Agent of the Russian Federation Mr. G. Lukiyantsev, P. 48. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/166/166-20190603-ORA-01-00-BI.pdf (дата обращения: 04.02.2023).

[543] *Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of the Congo)*, Merits, Judgment, I.C.J. Reports 2010, P. 639, P. 664, Para. 66; *См. также: Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory*, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2004, P. 136, P. 179-180, Paras. 109-110; *Legal Consequences of the Construction of a Wall in*

поддержав изложенные доводы, тем самым «лишил Комитет Конвенции функции хранителя её целостности»[544], что противоречило воле ее «отцов-основателей»[545].

Настораживает в этой связи и позиция некоторых западных юристов-международников[546], по мнению которых цель формулировки статьи 22 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. «не является чисто формальной» и не может состоять в том, чтобы «требовать от государства прохождения *бесполезных*[547] процедур исключительно для того, чтобы отложить или воспрепятствовать его доступу в Суд». Российской Федерацией в ходе слушаний были приведены аргументы в пользу того, что обращение Украины в Комитет не отложило бы разрешение спора (особенно с учетом «неторопливости» украинской стороны в плане организации переговоров, недобросовестного их ведения её представителями[548], факта подачи заявления в Суд в апреле 2017 г. и

---

the Occupied Palestinian Territory, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2004, *Separate Opinion of Judge Higgins*, P. 213, Para. 26.

[544] *Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation)*, Preliminary Objections, Oral Proceedings, Public sitting held on 3 June 2019, Statement of the Counsel of the Russian Federation Mr. A. Pellet, P. 65. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/166/166-20190603-ORA-01-00-BI.pdf (дата обращения: 04.02.2023).

[545] *Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation)*, Preliminary Objections, Oral Proceedings, Public sitting held on 6 June 2019, Statement of the Counsel of the Russian Federation Mr. A. Pellet, P. 42. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/166/166-20190606-ORA-01-00-BI.pdf (дата обращения: 04.02.2023).

[546] *Application of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation)*, Preliminary Objections, Judgment of 1 April 2011, *Joint dissenting opinion of President Owada, Judges Simma, Abraham and Donoghue and Judge ad hoc Gaja*, P. 156, 159.

[547] Выделено автором.

[548] *Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation)*, Preliminary Objections, Oral Proceedings, Public sitting held on 3 June 2019, Statement of the Counsel of the Russian Federation Mr. A. Pellet, P. 63. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/166/166-20190603-ORA-01-00-BI.pdf ("Un simulacre de discussion ne vaut pas négociation") (дата обращения: 04.02.2023).

вынесения им постановления только по вопросам юрисдикции лишь в ноябре 2019 г. [549]), а, наоборот, могло бы способствовать его разрешению во внесудебном порядке или же передаче его Суду в более «оформленном» виде (в части установления фактов, определения позиции Комитета по вопросам толкования Конвенции и т.д.).

Представляется неоправданной квалификация предусмотренных международным договором процедур как «бесполезных» и нацеленных на то, чтобы отложить или воспрепятствовать доступу в Суд [550] . Согласно устоявшемуся в практике Суда принципу эффективности, толкуемым положениям договора должны придаваться сила и смысл, а именно: «сохранить эффективность статей 11–13 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. и согласительных комиссий, предусмотренных в соответствии с ними»[551]. Как отметил в особом мнении судья П. Томка, квалификация данных процедур как служащих единственной цели задержки или предотвращения доступа к Международному Суду недооценивает «полезность других средств мирного урегулирования споров и роль других органов»[552].

Кроме того, роль Комитета по ликвидации расовой дискриминации следует рассматривать с учетом последних событий[553]. Передача Катаром

---

[549] *Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation)*, Preliminary Objections, Oral Proceedings, Public sitting held on 3 June 2019, Statement of the Counsel of the Russian Federation Mr. A. Pellet, P. 61. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/166/166-20190603-ORA-01-00-BI.pdf (дата обращения: 04.02.2023).

[550] *Подробнее см.: Vylegzhanin A.N., Ivanov D.V., Zinchenko O.I.* Claims Concerning Racial Discrimination: Jurisdictional Approaches of the International Court of Justice // Kutafin Law Review. – 2022. – Vol. 9. – № 2. – P. 371.

[551] *Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation)*, Preliminary Objections, Separate Opinion of Judge Tomka, P.621, Para.24.

[552] *Ibid*., P.620, Para.21.

[553] *Vylegzhanin A.N., Ivanov D.V., Zinchenko O.I.* Claims Concerning Racial Discrimination: Jurisdictional Approaches of the International Court of Justice // Kutafin Law Review. – 2022. –

спора с ОАЭ и Саудовской Аравией в Комитет (8 марта 2018 г.) стала первым случаем запуска процедуры межгосударственных сообщений. 23 апреля 2018 г. Палестина подала жалобу против Израиля. Следует признать, что Комитет по ликвидации расовой дискриминации столкнулся с необходимостью создания всех надлежащих механизмов и получения необходимых ресурсов (организационных, финансовых и т.д.), что также усугубилось вспышкой пандемии COVID-19. Тем не менее подобные трудности возникают в рамках любой вновь учреждаемой процедуры или органа и со временем разрешаются. Поэтому их не следует интерпретировать как довод в пользу неэффективности процедур Комитета по ликвидации расовой дискриминации. Напротив, это свидетельствует о растущей значимости Комитета в контексте разрешения межгосударственных споров.

Примечательно, что при рассмотрении спора Катара и ОАЭ Комитет по ликвидации расовой дискриминации и Суд пришли к противоположным выводам в вопросе толкования термина «национальное происхождение». Так, Комитет счел, что рассмотрение жалоб, касающихся «различий в обращении, основанных на гражданстве», входит в его компетенцию *ratione materiae*[554]. Предположительно, на эту позицию могло в том числе повлиять вынесенное ранее решение Международного Суда о временных мерах (где он признал свою юрисдикцию *prima facie*, несмотря на аргументы ОАЭ относительно ограниченности предмета Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.). Однако на стадии предварительных возражений Суд встал на сторону государства-ответчика, установив отсутствие юрисдикции рассматривать данный спор, выходящий за рамки Конвенции (которая не распространяется на дискриминацию по признаку

Vol. 9. – № 2. – P. 371; *Исполинов А.С.* Сила и слабость универсальных договоров о защите прав человека // Российский юридический журнал. – 2022. – № 3. – С. 26 – 43.

[554] Decision on the admissibility of the inter-State communication submitted by Qatar against the UAE, 27 August 2019, United Nations, doc. CERD/C/99/4, P.13, Para.63. URL: https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/CERD/CERD-C-99-4.pdf (дата обращения: 04.02.2023).

гражданства [555]). При этом Международный Суд прямо сослался на соответствующие решения Комитета, которые он «тщательно рассмотрел», придя к собственному выводу. Некоторые судьи и ученые подвергли критике лаконичность Суда по данному вопросу и отсутствие «инклюзивного диалога», в рамках которого он мог бы, по крайней мере, проанализировать аргументы Комитета по ликвидации расовой дискриминации и указать на разногласия[556].

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что Международный Суд ООН в контексте толкования юрисдикционных клаузул международных договоров применял общее правило толкования, закрепленное в Венской конвенции о праве международных договоров, не делая каких-либо исключений для договоров в области защиты и поощрения прав человека[557]. В отличие от толкования односторонних заявлений, при котором Суд большее внимание уделял выяснению воли сделавших данные заявления государств (см. раздел 3.3), в случае с юрисдикционными клаузулами международных договоров, особенно многосторонних, применяется более объективный подход. Так, Суд в первую очередь ориентировался на контекст, в котором используются термины договора, и далее анализировал их относительно его объекта и цели. Важное значение при этом уделялось принципу эффективности, направленному на придание силы и смысла формулировкам юрисдикционных клаузул.

---

[555] *Бекяшев Д.К., Иванов Д.В.* Международно-правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции: Монография. / Д.К. Бекяшев, Д.В. Иванов. – М.: Проспект, 2015. – С. 79.

[556] *Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Qatar v. United Arab Emirates)*, Preliminary objections, Judgment of 4 February 2021, General List No. 172, Dissenting opinion of Judge Bhandari (P.8, Para.24); *Ulfstein G.* Who is the Final Interpreter in Human Rights: the ICJ v CERD? // EJIL: Talk! – February 22, 2021. URL: https://www.ejiltalk.org/who-is-the-final-interpreter-in-human-rights-the-icj-v-cerd/ (дата обращения: 04.02.2023).

[557] *Jardón L.* The Interpretation of Jurisdictional Clauses in Human Rights Treaties. // Anuario Mexicano de Derecho Internacional. – Vol. XIII. – 2013. – P. 108.

Таким образом, при толковании юрисдикционных клаузул Международный Суд, в основном, опирался на текстуальное толкование. Однако в его практике прослеживается некоторая непоследовательность. На примере статьи 22 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. в настоящем разделе было продемонстрировано, что Суд в некоторых случаях в дополнение к текстуальному толкованию обращался к рабочим документам Конвенции, чтобы подтвердить их непротиворечие выводу, сделанному на основе текстуального анализа. В другом деле Суд ограничился лишь анализом формулировки этой же статьи, ее контекста, объекта и цели Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г., воздержавшись от обращения к обширно цитировавшихся сторонами *travaux préparatoires*.

При этом представляется, что проведенного Судом весьма лаконичного анализа спорного положения статьи 22 Конвенции 1965 г. было недостаточно ввиду имевшихся у сторон веских доводов в пользу различного ее толкования (ни одно из которых, как признал сам Суд, самой формулировкой статьи не исключалось). На взгляд автора, приветствовалась бы большая ясность и прозрачность аргументации Суда по столь неоднозначному вопросу, нежели избегание глубокого анализа, который показал бы возможные нестыковки и противоречия.

Следует, тем не менее, приветствовать, что правовая неопределенность относительно условий для подачи заявлений в Международный Суд ООН на основании Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. может считаться исчерпанной. В итоге, Суд, с одной стороны, не стал снижать порог для передачи споров на его рассмотрение, признав наличие в статье 22 Конвенции предварительных условий (вопреки аргументам ряда судей, в том числе опиравшихся на особый характер Конвенции как договора в области защиты и поощрения прав человека). Тем

самым Суд обеспечил некоторые барьеры для прямого доступа во Дворец Мира, используя принцип эффективности.

С другой стороны, данные условия не были сочтены Судом совокупными. Упущением является то, что Международный Суд не уделил должного внимания практико-контекстуальным и политико-правовым последствиям такого решения, фактически отодвинувшего на второй план роль специального конвенционного мониторингового органа. Представляется, что предусмотренная Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. процедура урегулирования споров – тщательно сбалансированная и продуманная – состоит из всех ее элементов, ни один из которых не может быть упущен[558]. Таким образом, отклонив приведенные выше доводы, Суд фактически лишил Комитет его роли «гаранта целостности Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.»[559] вопреки воле создателей Конвенции[560].

Если бы Суд счел условия статьи 22 Конвенции кумулятивными, предварительное рассмотрение жалобы Комитетом, в функции которого входит ее толкование, с одной стороны, позволило бы Суду, как минимум, учесть его выводы при определении своей позиции. При этом, как показало дело *«Катар против ОАЭ»*, отнюдь не обязательно, что Суд примет аргументацию Комитета по ликвидации расовой дискриминации (которая может быть далека от идеала[561]). Однако сам факт диалога международных

---

[558] *Orakhelashvili A.* Adjudicating Racial Discrimination Claims: Issues of Jurisdiction and Admissibility in Ukraine v Russia. // Moscow Journal of International Law. – №1. – 2021. – P. 61.

[559] Verbatim record 2019/9, Preliminary Objections, Oral Proceedings, Public sitting held on 3 June 2019, Statement of the Counsel of the Russian Federation Mr. A. Pellet, P. 65. // URL: https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/166/166-20190603-ORA-01-00-BI.pdf (дата обращения: 04.02.2023).

[560] Verbatim record 2019/11, Preliminary Objections, Oral Proceedings, Public sitting held on 6 June 2019, Statement of the Counsel of the Russian Federation Mr. A. Pellet, P. 42. // URL: https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/166/166-20190606-ORA-01-00-BI.pdf (дата обращения: 04.02.2023).

[561] *Vylegzhanin A.N., Ivanov D.V., Zinchenko O.I.* Claims Concerning Racial Discrimination: Jurisdictional Approaches of the International Court of Justice // Kutafin Law Review. – 2022. – Vol. 9. – № 2. – P. 375.

структур позволяет минимизировать риски фрагментации международного права. С другой стороны, Комитет в некоторых случаях толкует свой мандат расширительно, что может повысить шансы досудебного урегулирования спора.

По итогам настоящего раздела автор приходит к следующим выводам. В связи с нестабильностью системы юрисдикционных клаузул, расширительным толкованием Судом положений содержащих их международных договоров и т.д. в последние годы появилась тенденция не включать в новые многосторонние договоры положения, предусматривающие юрисдикцию Международного Суда ООН.

В то же время неоспоримо, что включенные в многосторонние или двусторонние соглашения юрисдикционные клаузулы играют важную роль и используются в качестве юрисдикционного основания в подавляющем большинстве дел в Международном Суде ООН. При этом Суд неоднократно успешно противостоял попыткам превращения юрисдикционных клаузул в «ловушку», из-за которой государствам пришлось бы претерпевать осуществление международных судебных функций против их воли[562] вопреки основополагающему принципу согласия государств на юрисдикцию Международного Суда.

Некоторыми юристами-международниками отмечается, что совокупность всех таких клаузул положила основу для нового пути к «обязательной» (*"compulsory"*) юрисдикции Международного Суда – хотя и не такой, какая предполагалась отцами-основателями Постоянной Палаты Международного Правосудия и Международного Суда[563]. Несмотря на то, что

---

[562] *Tomuschat C.* Article 36 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 742.

[563] Speech by H.E. Judge Hisashi Owada, President of the International Court of Justice, to The Legal Advisers of United Nations Member States, Introductory Remarks at the Seminar on The Contentious Jurisdiction of the International Court of Justice, 26 October 2010. // URL: https://www.icj-cij.org/files/press-releases/5/16225.pdf (дата обращения: 04.02.2023).

изначально основные надежды разработчиков Статута возлагались на систему факультативной клаузулы (будет рассмотрена далее), на практике применение п. 1 статьи 36 Статута показало бóльшую эффективность[564].

[564] *Tomuschat C.* Article 36 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 738; *Шинкарецкая Г.Г.* Тенденции развития судебных средств мирного разрешения международных споров: монография. – М.: Nota Bene, 2009. – С. 132.

ГЛАВА 4. ЗАЯВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВ О ПРИЗНАНИИ ЮРИСДИКЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ

В соответствии с п. 2 ст. 36 Статута государство может в любое время сдать на хранение Генеральному секретарю ООН свое заявление о том, что оно признает «без особого о том соглашения, *ipso facto*, в отношении любого иного государства, принявшего такое же обязательство, юрисдикцию Суда обязательной по всем правовым спорам, касающимся: a) толкования договора; b) любого вопроса международного права; c) наличия факта, который, если он будет установлен, представит собой нарушение международного обязательства; d) характера и размеров возмещения, причитающегося за нарушение международного обязательства».

В настоящей главе будет рассмотрено понятие заявления о признании юрисдикции Международного Суда, предусмотренного п. 2 ст. 36 Статута, его правовой природы, изучена практика их задействования для передачи дел на рассмотрение Международного Суда, а также подходы последнего к вопросу о толковании соответствующих заявлений.

Использование данного способа выражения согласия на юрисдикцию Суда несколько снизилось ввиду расширяющейся практики применения других способов. Так, длившийся с октября 2021 г. период отсутствия на рассмотрении Суда дел, переданных на данном юрисдикционном основании, был прерван 27 июня 2023 г., когда Иран подал заявление против Канады[565] (до октября 2021 г. их было два[566]).

4.1. Понятие и правовая природа заявления о признании юрисдикции Международного Суда ООН

[565] *Alleged Violations of State Immunities (Islamic Republic of Iran v. Canada)*, Application instituting proceedings, 27 June 2023 // URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/189/189-20230628-app-01-00-en.pdf (accessed date: 16.10.2023).

[566] *Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda)*, Reparations, Judgment of 9 February 2022, General List No. 116; *Maritime Delimitation in the Indian Ocean (Somalia v. Kenya)*, Judgment of 12 October 2021, General List No. 161.

Механизм, предусмотренный п. 2 ст. 36 Статута, в юридической литературе носит название системы «факультативной клаузулы». Как отмечает проф. Н.Н. Полянский[567], факультативная клаузула представляет собой «постановление о том, что государство, состоящее участником Статута, может заявить о своем признании для себя обязательной юрисдикции Международного Суда в отношении разногласий юридического порядка, имеющих своим предметом определенный круг вопросов».

Депонируемые Генеральному секретарю ООН согласно данному положению документы именуются односторонними заявлениями государств о признании юрисдикции Международного Суда ООН ("*unilateral declarations*"). Следует отметить, что, в отличие от специальных соглашений и юрисдикционных клаузул, которые применялись в практике государств еще до учреждения Постоянной Палаты Международного Правосудия и Международного Суда ООН, односторонние заявления в рамках системы «факультативной клаузулы» представляют собой относительно новое основание юрисдикции: оно было впервые включено в Статут Постоянной Палаты Международного Правосудия и являлось компромиссом между государствами, желавшими установить «полноценную» обязательную юрисдикцию Постоянной Палаты Международного Правосудия, и теми, кто желал сохранить традиционный консенсуальный характер международного судебного урегулирования.

Таким образом, в юридической литературе и документах Суда под термином «факультативная клаузула» (*"Optional clause"*) понимается непосредственно п. 2 ст. 36, а под заявлениями в рамках системы «факультативной клаузулы» (*"Optional clause declarations"*) – односторонние заявления государств о признании юрисдикции Международного Суда ООН в отношении другого государства, принявшего такое же обязательство, в

---

[567] *Полянский Н.Н.* Вопросы Международного Суда на конференции в Сан-Франциско. Стенограмма публичной лекции доктора юридических наук Н.Н.Полянского, прочитанной 2 августа 1945 г. в Лекционном зале в Москве. – М.: 1946 г. – С. 17.

качестве обязательной, депонируемые Генеральному секретарю ООН на основании п. 2 ст. 36[568].

Некоторых разъяснений требует используемый в п. 2 ст. 36 Статута термин «обязательная» юрисдикция Суда (“*compulsory jurisdiction*”). Система «факультативной клаузулы» не предусматривает обязательства всех государств признавать юрисдикцию Суда, а лишь тех, которые сделали соответствующее одностороннее заявление[569]. Признание юрисдикции Суда в качестве обязательной посредством такого заявления в любом случае является результатом согласия государства на этот шаг. «Истинная» обязательная юрисдикция, как отмечал Г. Кельзен[570], означала бы, что любое государство-член Статута могло бы начать в одностороннем порядке разбирательство в Международном Суде против другого государства-члена, и участие в качестве стороны Статута Суда являлось бы единственным требованием. Но, как отмечалось ранее, на момент создания Международного Суда ООН отсутствовала политическая воля государств для такого шага (предыстория данного вопроса подробно изложена в монографии проф. Н.Н. Полянского[571]).

На первый взгляд, преимуществом системы «факультативной клаузулы» (по сравнению со способами, предусмотренными п. 1 ст. 36 Статута) является ее простота: между сторонами не требуется заключения какого-либо специального соглашения о передаче конкретного спора на рассмотрение Суда или же наличия действующего договора, содержащего соответствующую юрисдикционную клаузулу. Государству-истцу, сделавшему такого рода одностороннее заявление, необходимо лишь подать

---

[568] *Törber G.* The Contractual Nature of the Optional Clause. – Oxford: Hart Publishing, 2015. – P. 8.

[569] *Ковач И.* Международный арбитраж и международный суд: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / И. Ковач; Науч. рук. проф. С.Б. Крылов; Московский государственный институт международных отношений. – Москва, 1953. – С. 280.

[570] *Kelsen H.* The Law of the United Nations: A Critical Analysis of Its Fundamental Problems // – London: Lawbook Exchange Ltd., 1950. – P. 522-523.

[571] *Полянский Н.Н.* Международный Суд. – Москва: Изд-во Акад. Наук СССР, 1951. – С. 67 – 76.

заявление в Международный Суд, и тогда участие в процессе для стороны-ответчика будет обязательным. Поэтому, как метафорично подмечает экс-председатель Суда Р. Хиггинс [572], государство фактически подписывает «бланкетный чек», поскольку оно не знает ни то, что будет являться предметом будущего спора, ни то, кто станет второй стороной – известно лишь, что второе государство будет признавать юрисдикцию Международного Суда ООН на тех же условиях.

Однако данная простота системы факультативной клаузулы является кажущейся. Не в последнюю очередь это связано с тем, что сама правовая природа заявлений в рамках этой системы и их соотношение с правом международных договоров стали предметом многочисленных дебатов на протяжении всего времени функционирования Суда. Четкого ответа на эти вопросы в профильной литературе и практике Суда не дано по сей день[573].

Юристы-международники высказывали ряд версий относительно правовой природы заявлений в рамках системы факультативной клаузулы[574]: что они представляют собой односторонние акты [575], что они являются односторонними заявлениями, порождающими договорной элемент [576], что

---

[572] *Higgins R.* Problems and Process: International Law and How We Use It. – Oxford: Clarendon Press, 1995. – P. 189.

[573] *Fitzmaurice M.* The Optional Clause System and the Law of Treaties: Issues of Interpretation in Recent Jurisprudence of the International Court of Justice // Australian Year Book of International Law. – Vol. 20. – 1999. – P. 155 ("…the main issue that continues to make the determination of the legal character of Optional Clause declarations so elusive is that of their relationship with treaties… neither the Court nor international lawyers have yet produced a clear-cut definition of what an Optional Clause declaration is and how it relates to treaties").

[574] *Törber G.* The Contractual Nature of the Optional Clause. – Oxford: Hart Publishing, 2015. – Chapter 2; *Peat D.* Comparative Reasoning in International Courts and Tribunals. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – P. 75.

[575] *Rubin A.P.* The International Legal Effects of Unilateral Declarations // American Journal of International Law. – Vol. 71. – No. 1. – 1977. – P. 12 ("no basis is stated for characterizing the declarations as something like cross-offers and cross-acceptances"); *Villagrán Kramer F.* Les actes unilatéraux dans le cadre de la jurisprudence internationale // International Law on the Eve of the Twenty-First Century. Views from the International Law Commission. – UN: New York, 1997. – P. 141 ("… the coincidence of declarations does not establish an agreement between two States which have made unilateral declarations").

[576] *Rodríguez Cedeño V.* First report on unilateral acts of States. UN Doc A/CN.4/486, 5 March 1998. // URL: https://legal.un.org/docs/?path=../ilc/documentation/english/a_cn4_486.pdf&lang=EFSX (дата

они устанавливают серию двусторонних отношений[577], что они являются частью многостороннего договора[578], а также что они устанавливают

обращения: 04.02.2023) ("These declarations, although they take the form of unilateral acts, give rise to a treaty relationship. The declaration provided for in Article 36, paragraph 2, of the ICJ Statute produces effects only if a corresponding act has been performed"); ILC, Summary Records of the Meetings of the 53rd Session (23 April – 1 June and 2 July – 10 August 2001), UN Doc A/CN.4/SER.A/2001, Special Rapporteur Rodríguez Cedeño V., P. 176, Para. 39 // URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_2001_v1.pdf (дата обращения: 04.02.2023); *Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria*, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 1998, P. 275, Dissenting opinion of Judge ad hoc Ajibola, P. 395; *Anglo-Iranian Oil Co. case (United Kingdom v. Iran)*, Jurisdiction, Judgment of July 22nd 1952, I.C.J. Reports 1952, P. 93, *Dissenting Opinion of Judge Read*, P. 142 ("I am unable to accept the contention that the principles of international law which govern the interpretation of treaties cannot be applied to the Persian Declaration, because it is unilateral. Admittedly it was drafted unilaterally. On the other hand, it was related, in express terms, to Article 36 of the Statute, and to the declarations of other States which had already deposited, or which might in the future deposit, reciprocal declarations. It was intended to establish legal relationships with such States, consensual in their character, within the regime established by the provisions of Article 36"); *Каламкарян Р.А.* Международный Суд в миропорядке на основе господства права. – М.: Наука, 2012. – С. 127 («…это односторонний по форме, но договорный по своему характеру акт…»).

[577] *Anand R.P.* Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice. – London: Asia Publishing House. – 1961. – P. 147 ("… though the making of a declaration is a unilateral act, entirely in the discretion of a state … but which changes itself into a bilateral agreement when a dispute is concretized by the filing of an application before the Court"); *Thirlway H.* The International Court of Justice. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – P. 46 ("Declarations of this kind may be regarded as unilateral acts … [i]n their operation, however, the declarations necessarily become bilateral"); *Каламкарян Р.А.* Международный Суд в миропорядке на основе господства права. – М.: Наука, 2012. – С. 122 («Образующиеся в результате взаимодействия деклараций серии двусторонних соглашений между потенциальными участниками спора подтверждают юрисдикцию Суда, определяют его компетенцию выносить решение по существу»).

[578] *Lauterpacht H.* Report on the Law of Treaties. UN Doc A/CN.4/63, P. 101 // URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_63.pdf (дата обращения: 04.02.2023) ("[I]t is clear that the totality of the declarations under Article 36 of the Statute of the Court constitutes a treaty as between the parties making the declaration. They have been so interpreted by the International Court of Justice, namely, by reference to the paramount consideration of the intention of the parties. This is so notwithstanding the fact that as the text of the declaration is not "a treaty text resulting from negotiations between two or more States", but "is the result of unilateral drafting" by one party, particular rules of interpretation of treaties may not be applicable"); *Каламкарян Р.А.* Международный Суд в миропорядке на основе господства права. – М.: Наука, 2012. – С. 121 («Постановления пункта 2 статьи 36 Статута, составляющие основу для выступления с декларацией о принятии обязательной юрисдикции суда, тем самым содействуют возникновению нового договорного сообщества государств, круг участников которого отличен от круга участников Статута», «… особенность созданного в результате совместного действия всех деклараций многостороннего соглашения состоит в том, что … свое конкретное действие оно начинает тогда, когда одно государство … возбуждает иск… в отношении … другого государства»; «… многостороннее соглашение … вступает в действие не на всеобщей основе, а строго применительно к конкретному участнику спора»).

консенсуальные отношения особого рода (*sui generis*) [579] и являются уникальным правовым инструментом [580], односторонним по форме и двусторонним по существу[581].

Что касается применимости права международных договоров к односторонним заявлениям государств в рамках системы факультативной клаузулы, то несмотря на аргументы, приводившиеся рядом ученых и представителями сторон в ходе рассмотрения Судом споров, практика Суда пошла по пути признания двойственного характера односторонних заявлений о признании его юрисдикции. П. 2 ст. 36 Статута рассматривается Судом[582] как механизм особого рода (*sui generis*), образующийся из одностороннего (заявления государства) и договорного (положения Статута) компонентов и создающий множество двусторонних отношений[583]. Суд подчеркивает именно особый характер этого механизма и не называет его международным договором. Как справедливо отметила профессор М. Фицморис: «В *деле о юрисдикции над рыбными промыслами* Международный Суд ООН еще сильнее подчеркивает двойственный, особый характер заявления в рамках

---

[579] *Waldock C.H.M.* Decline of the Optional Clause // British Yearbook of International Law. – Vol. 32. – 1955-56. – P. 254; *Шинкарецкая Г.Г.* Международная судебная процедура. – М.: Наука, 1992. – С. 103 («Особенностью данного вида согласия является то, что компетенция Суда создается путем принятия односторонних актов: одно государство заявляет о своем согласии, и если имеет место заявление другого государства о том же самом, то можно констатировать, что Суд компетентен разбирать спор между ними, охватываемый этими заявлениями. Таким образом, государства все же оказываются связанными договорными отношениями, но это договор особого рода»).

[580] *Verzijl J.H.W.* The System of the Optional Clause // International Relations. – Vol. 1. – No. 12. – 1959. – P. 603.

[581] *Kolb R.* The International Court of Justice. – Oxford: Hart Publishing, 2013. – P. 375, 454-456.

[582] *Fisheries Jurisdiction (Spain v Canada)*, Jurisdiction of the Court, Judgment, I.C.J. Reports 1998, P. 453 ("A declaration of acceptance of the compulsory jurisdiction of the Court […] is a unilateral act of State sovereignty. At the same time, it establishes a consensual bond and the potential for a jurisdictional link with the other States which have made declarations pursuant to Article 36, paragraph 2, of the Statute […]"); *См. также*: *Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria*, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 1998, P. 291.

[583] *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1984, P. 418, Para 60 ("In fact, the declarations, even though they are unilateral acts, establish a series of bilateral engagements with other States accepting the same obligation of compulsory jurisdiction, in which the conditions, reservations and time-limit clauses are taken into consideration"); *См.*: *Törber G.* The Contractual Nature of the Optional Clause. – Oxford: Hart Publishing, 2015. – P. 79.

системы «факультативной клаузулы»: с одной стороны, заявление о признании обязательной юрисдикции Суда является «суверенным односторонним актом государства», с другой – оно устанавливает «основанную на обоюдном согласии связь» (т.е. связь обязательств) и «потенциал для юрисдикционной связи с другими государствами», а также являет собой «постоянно открытое предложение другим государствам-участникам Статута, которые еще не сдали на хранение заявление о признании юрисдикции Суда»[584].

«Односторонний» элемент системы «факультативной клаузулы» (заявления, сделанные в соответствии с п. 2 ст. 36 Статута) отличается по своим характеристикам от международного договора. Последний обычно заключается по итогам двусторонних или многосторонних переговоров[585]. Текст заявления, напротив, составляется каждым государством самостоятельно, в связи с чем оно по своей сути является односторонним актом[586]. Это означает, что государство может – в том числе по политическим причинам – сформулировать свое заявление под конкретную ситуацию, чтобы после его депонирования немедленно подать заявление в Суд. Данный феномен именуется в иностранной литературе «проблемой сидячей утки» (“*the “sitting duck” problem*”)[587]. Кроме того, заявления не подпадают под принцип *pacta sunt servanda*. Так, незамысловатой является процедура их

---

[584] *Fitzmaurice M.* International Court of Justice, Optional Clause. // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2011 (“In the *Fisheries Jurisdiction Case*, the ICJ stressed even more strongly the dual, *sui generis* character of the optional clause declaration: on the one hand, a declaration accepting the compulsory jurisdiction of the Court ‘is a unilateral act of State sovereignty’; on the other, it establishes a ‘consensual bond’, *i.e.* a nexus of obligations, and a ‘potential for jurisdictional link with other States’ (para. 46) and makes a ‘standing offer to the other States party to the Statute which have not yet deposited a declaration of acceptance’ (*Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria Case (Cameroon v. Nigeria)*, Para. 25)”).

[585] *Alexandrov S.* Reservations in Unilateral Declarations Accepting the Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice. – Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1995. – P. 13.

[586] *Phosphates in Morocco (Italy v. France)*, Preliminary Objections, Judgment, 1938 PCIJ (Ser. A/B) No. 74, P. 23.

[587] *Törber G.* The Contractual Nature of the Optional Clause. – Oxford: Hart Publishing, 2015. – P. 95.

изменения или прекращения их действия: государству необходимо лишь передать текст нового заявления или соответствующее уведомление Генеральному секретарю ООН как депозитарию. Совокупность этих факторов влечет правовую неопределенность всей системы «факультативной клаузулы». Ниже приведены примеры из практики государств и Международного Суда ООН, иллюстрирующие данную проблему, а также обозначен ряд правовых вопросов, возникавших при рассмотрении Судом соответствующих дел.

Вопросы, связанные с изменением или отзывом односторонних заявлений согласно п. 2 ст. 36 Статута, в практике государств и Международного Суда ООН. 22 февраля 2017 г. Великобритания приняла новый текст заявления о признании юрисдикции Международного Суда. Изменения были обусловлены ранее возбужденным против нее Республикой Маршалловы Острова процессом, связанным с вопросами ядерного разоружения. Хотя Суд в своем решении от 5 октября 2016 г.[588] не нашел оснований для юрисдикции, для Великобритании этот спор не был легким. Так, Судом не были восприняты доводы государства-ответчика о том, что государство-заявитель должно обязательно уведомить о планируемом обращении в Суд. Напротив, в решении указано, что предшествующие переговоры или уведомление о намерении обратиться в Суд не требуются при отсутствии таких условий в одном из соответствующих односторонних заявлений, сделанных согласно п. 2 ст. 36 Статута [589] . Суд отказался признавать свою юрисдикцию лишь на том основании, что из различных выступлений должностных лиц Республики Маршалловы Острова, носивших

[588] *Obligations concerning Negotiations relating to Cessation of the Nuclear Arms Race and to Nuclear Disarmament (Marshall Islands v. United Kingdom)*, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2016, P. 833.

[589] *Ibidem*, P. 849, Para. 38 (“Prior negotiations are not required where the Court has been seised on the basis of declarations made pursuant to Article 36, paragraph 2, of its Statute, unless one of the relevant declarations so provides […]. Moreover, “although a formal diplomatic protest may be an important step to bring a claim of one party to the attention of the other, such a formal protest is not a necessary condition” for the existence of a dispute […]. Similarly, notice of an intention to file a case is not required as a condition for the seisin of the Court […]”).

обобщенный и «увещательный», «поучительный» характер, нельзя было сделать вывод об обвинении Великобритании (или любой другой ядерной державы) в нарушении своих международно-правовых обязательств[590].

В этой связи во избежание вовлечения в длительные процессы в Международном Суде ООН в будущем Великобритания внесла изменения в свое заявление, отражающие ее аргументацию в ходе спора. Так, было дополнено указание на то, что государства, планирующие подать обращение в Международный Суд против Великобритании, за 6 месяцев должны уведомить Великобританию о сути своих претензий. Цель данного шага заключалась в том, чтобы обеспечить Великобритании возможность принять меры по разрешению спора дипломатическими способами[591]. Великобритания также исключила из категории споров, в отношении которых признается юрисдикция Международного Суда ООН, дела, касающиеся ядерного оружия и/или ядерного разоружения, за исключением ситуаций, когда остальные четыре ядерных державы (являющиеся сторонами Договора о нераспространении ядерного оружия) признали юрисдикцию Суда в отношении соответствующего спора. Это также связано с отстаивавшейся Великобританией в упомянутом деле позицией о том, что ее действия не могут рассматриваться в изоляции, а необходимо участие в процессе всех ядерных держав.

Еще одним примером может служить одностороннее заявление Японии от октября 2015 г., которое было дополнено по сравнению с предыдущей редакцией новой формулировкой, исключающей из юрисдикции

---

[590] *Ibidem*, P. 853 – 854, Paras. 49, 51 (“The Marshall Islands relies on the statement made at the High-Level Meeting of the General Assembly on Nuclear Disarmament, on 26 September 2013 by its Minister for Foreign Affairs, “urg[ing] all nuclear weapons states to intensify efforts to address their responsibilities in moving towards an effective and secure disarmament”. However, this statement is formulated in hortatory terms and cannot be understood as an allegation that the United Kingdom (or any other nuclear power) was in breach of any of its legal obligations”).

[591] UK Parliament official website, Amendments to the UK’s Optional Clause Declaration to the International Court of Justice: Written statement — HCWS489, 23 February 2017. // URL: https://www.parliament.uk/business/publications/written-questions-answers-statements/written-statement/Commons/2017-02-23/HCWS489/ (дата обращения: 04.02.2023).

Международного Суда «любой спор, возникающий в связи с исследованиями, сохранением, управлением или эксплуатацией живых ресурсов моря, или связанный с ними». Данный шаг, вероятнее всего, явился реакцией на решение Суда в *деле о китобойном промысле в Антарктике*[592].

29 марта 2017 г. Пакистан также изменил свое заявление о признании юрисдикции Международного Суда[593], существенно ограничив свое согласие на рассмотрение главным судебным органом ООН споров с его участием по сравнению с предыдущим заявлением 1960 г. (некоторые формулировки при этом были заимствованы из заявления Индии, отличающегося своим ограничительным характером, см. далее). Вероятно, данный шаг также был обусловлен неудавшимся привлечением Пакистана Республикой Маршалловы Острова в международный процесс.

Простота процедуры характерна и для прекращения действия односторонних заявлений. В частности, Словакия, Германия и другие государства в заявлениях указали, что могут в любое время отозвать их, а данное действие будет иметь силу с момента соответствующего о том уведомления. Это, безусловно, влечет правовую неопределенность и позволяет государствам отзывать заявления в случае, когда предвидится обращение против них в Суд.

Однако возможность немедленного отзыва заявления (или внесения в него изменений) имеется лишь тогда, когда она прямо указана в его тексте. В противном случае на основании принципа добросовестности должен быть соблюден «разумный срок»[594]. В *деле Никарагуа против США (юрисдикция и*

---

[592] *Whaling in the Antarctic (Australia v. Japan: New Zealand intervening)*, Judgment, I.C.J. Reports 2014, P. 226.

[593] *Xue H.* Jurisdiction of the International Court of Justice. – Leyden: Brill/Nijhoff, 2017. – P. 71.

[594] *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1984, P. 418 – 420 (“60. In fact, the declarations, even though they are unilateral acts, establish a series of bilateral engagements with other States accepting the same obligation of compulsory jurisdiction, in which the conditions, reservations and time-limit clauses are taken into consideration. In the establishment of this network of engagements, which constitutes the Optional Clause system, the principle of good faith plays an important role […]. 63. […] [T]he right of immediate termination

подсудность)[595] Суд подробно анализировал такую ситуацию. Как известно, в п. 3 ст. 36 Статута прямо предусмотрена возможность выражения согласия на юрисдикцию Суда «на определенное время». При этом подразумевается, что такое согласие является безотзывным до истечения установленного срока (если в заявлении не предусмотрено иное)[596].

В заявлении США от 14 августа 1946 г. содержались следующие условия: «Данное заявление будет оставаться в силе в течение пяти лет и далее до истечения шести месяцев после возможного объявления о прекращении действия данного заявления»[597]. За три дня до обращения Никарагуа в Международный Суд США предприняли попытку «освободить» себя от юрисдикции Суда посредством уведомления 6 апреля 1984 г. Генерального секретаря ООН о том, что одностороннее заявление США от 1946 г. «не будет применяться в отношении споров с каким-либо государством Центральной Америки или возникающих в результате событий в Центральной Америке или имеющих отношение к этим событиям, любые такие спорные вопросы будут решаться таким образом, который может быть согласован сторонами, участвующими в споре»[598]. Прямо указывалось, что «несмотря на условия [одностороннего заявления США от 1946 г.], данное положение вступает в силу немедленно».

Суду предстояло определить последствия игнорирования США закрепленного в их собственном заявлении условия об уведомлении за шесть месяцев о прекращении его действия, «которое они свободно и по своему

---

of declarations with indefinite duration is far from established. It appears from the requirements of good faith that they should be treated, by analogy, according to the law of treaties, which requires a reasonable time for withdrawal from or termination of treaties that contain no provision regarding the duration of their validity. […]").

[595] *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1984, P. 392.

[596] *Thirlway H.* The International Court of Justice. – New York: Oxford University Press, 2016. – P. 48.

[597] *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1984, P. 398, Para. 13.

[598] *Ibidem*.

собственному выбору включили в упомянутое заявление». Суд отметил, что заявления о признании его юрисдикции являются односторонними обязательствами и носят факультативный характер. Иными словами, государства вправе принимать или не принимать их на себя, делать это безусловно и без ограничения времени его действия или же устанавливать какие-либо условия. Однако, как подчеркнул Суд, «односторонний характер заявлений не означает, что государство, делающее заявление, свободно изменять объем и содержание своих официальных обязательств по своему усмотрению»[599].

Суд признал, что государство, сделавшее одностороннее заявление, сохраняет за собой право отозвать его или изменить его содержание в силу его характера как одностороннего акта[600]. Однако Суд отметил, что США своим заявлением 1946 г. «приняли на себя неотъемлемое (*"inescapable"*) обязательство перед другими [государствами-участниками системы «факультативной клаузулы»] о том, что любое изменение вступит в силу только по истечении шести месяцев с момента о том уведомления»[601]. Международный Суд не стал в данном контексте проводить различия между отзывом одностороннего заявления и внесением в него изменений, не восприняв соответствующие аргументы США. Таким образом, Суд пришел к выводу, что нотификация 1984 г. «не могла лишить юридического действия обязательства США подчиниться юрисдикции Суда в *деле Никарагуа*».

Иными словами, как делает вывод профессор Х. Терлвей[602], государство не обязано признавать юрисдикцию Международного Суда в большей степени, нежели оно того желает, а также вправе по своему усмотрению устанавливать любые ограничения или условия. Однако как только оно взяло

---

[599] *Ibidem*, P. 418, Para. 59.
[600] *Stahn C.* Connally Reservation // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2006.
[601] *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1984, P. 398, Para. 61.
[602] *Thirlway H.* The International Court of Justice – New York: Oxford University Press, 2016. – P. 48.

на себя обязательства на определенный срок (или установило условие предварительного уведомления за определенный срок), оно больше не свободно в этот период вводить новые ограничения или запреты, а также отзывать свое согласие.

Прекращение действия одностороннего заявления в ходе длящегося разбирательства в Международном Суде не влияет на его юрисдикцию[603]. Суд также подчеркнул важную роль принципа добросовестности в системе факультативной клаузулы [604] . Суд пояснил, что для отзыва имеющего бессрочный характер заявления, согласно принципу добросовестности (*bona fide*) и по аналогии с правом международных договоров, должен быть соблюден разумный срок.

Тем не менее, государство может в своем заявлении о признании юрисдикции Суда зарезервировать за собой право прекратить его посредством уведомления, имеющего немедленное действие. Так, заявление Португалии, рассмотренное в *деле о праве прохода через территорию Индии*[605], прямо предусматривало право отзыва заявления немедленно после соответствующего уведомления[606]. Включение формулировки, аналогичной португальской, в заявление США 1946 г. позволило бы воспрепятствовать Никарагуа начать процесс в Международном Суде ООН, который завершился принятием решения не в пользу США.

Еще одна особенность, обусловленная характером системы факультативной клаузулы, заключается в отсутствии требования об истечении

---

[603] *Case concerning Right of Passage over Indian Territory (Portugal v. India)*, Preliminary Objections, Judgment of 26 November 1957, I.C.J. Reports 1957, P.142; *Nottebohm (Liechtenstein v. Guatemala),* Preliminary Objection, Judgment of November 18th 1953, I.C.J. Reports 1953, P.111.

[604] *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1984, P. 418, Para. 60.

[605] *Case concerning Right of Passage over Indian Territory (Portugal v. India)*, Preliminary Objections, Judgment of 26 November 1957, I.C.J. Reports 1957, P. 141–142.

[606] *Higgins R.* Problems and Process: International Law and How We Use It. – Oxford: Clarendon Press, 1995. – P. 194.

какого-либо срока с момента передачи заявления депозитарию[607]. Это, в свою очередь, делает возможной незамедлительную подачу обращения в Суд против государства, которое также сделало одностороннее заявление о признании его юрисдикции.

В *деле, касающемся сухопутной и морской границы между Камеруном и Нигерией*, одним из аргументов Нигерии в пользу отсутствия у Суда юрисдикции рассматривать спор[608] было то, что на дату подачи Камеруном обращения в Суд (29 марта 1994 г.) Нигерия не знала, что Камерун признал обязательную юрисдикцию Суда в заявлении, сданном на хранение Генеральному секретарю 3 марта 1994 г., так как последний направил копии заявления Камеруна участникам Статута лишь почти год спустя. В этой связи Нигерия настаивала на том, что Камерун «действовал преждевременно», нарушив «обязательство действовать добросовестно» и «злоупотребив системой, установленной в соответствии с п. 2 ст. 36 Статута».

Однако Суд подтвердил свою позицию, изложенную в *деле о праве прохода через индийскую территорию* о том, что «Статут не устанавливает никакого интервала между сдачей государством на хранение своего заявления о признании и обращением этим государством в Суд»[609], так как «путем сдачи на хранение Генеральному секретарю своего заявления признающее [юрисдикцию Суда] государство становится стороной в системе факультативной клаузулы по отношению к другому [государству, признавшему юрисдикцию Суда] […]. Договорное отношение между сторонами и обязательная юрисдикция Суда, вытекающие из этого, устанавливаются *ipso facto* и без специального соглашения в силу того факта, что заявление было сделано... Ибо в этот же самый день консенсуальное

---

[607] *Case concerning Right of Passage over Indian Territory (Portugal v. India)*, Preliminary Objections, Judgment of 26 November 1957, I.C.J. Reports 1957, P. 146-147.
[608] *Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria*, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 1998, Para. 40.
[609] *Case concerning Right of Passage over Indian Territory (Portugal v. India)*, Preliminary Objections, Judgment of 26 November 1957, I.C.J. Reports 1957, P. 147.

обязательство (*"consensual bond"*), являющееся основой «факультативной клаузулы», вступает в действие между заинтересованными государствами»[610].

Суть системы «факультативной клаузулы», таким образом, заключается именно в том, что при признании государством юрисдикции Суда в соответствии с п. 2 ст. 36 Статута его согласие распространяется на отношения с государствами, ранее присоединившимися к клаузуле, одновременно становясь постоянно действующим предложением другим государствам, которые еще не присоединились к этой системе[611]. Когда одно из них принимает такое предложение посредством одностороннего заявления, выполнения иных условий (таких как истечение разумного периода) не требуется[612]. Суд пояснил, что в данном контексте проведение аналогии между п. 4 ст. 36 Статута Суда и уведомительным режимом, установленным ст. 78 (c) Венской конвенции о праве международных договоров, не является оправданным. Суд не согласился с предложением Нигерии пересмотреть позицию, которую он занял по аналогичному вопросу в *деле о проходе через территорию Индии*[613], и подтвержденную в *деле о храме Преа Вихеар*[614] и *деле о военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа*[615].

---

[610] *Ibidem*, P. 146 ("[B]y the deposit of its Declaration of Acceptance with the Secretary-General, the accepting State becomes a Party to the system of the Optional Clause in relation to the other declarant States, with all the rights and obligations deriving from Article 36. The contractual relation between the Parties and the compulsory jurisdiction of the Court resulting therefrom are established, "ipso facto and without special agreement" by the fact of the making of the Declaration. […] For it is on that very day that the consensual bond, which is the basis of the Optional Clause, comes into being between the States concerned").

[611] *Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria*, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 1998, Para. 25.

[612] *Khan D.* Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria Case (Cameroon v Nigeria) // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2007.

[613] *Case concerning Right of Passage over Indian Territory (Portugal v. India)*, Preliminary Objections, Judgment of 26 November 1957, I.C.J. Reports 1957, P. 125.

[614] *Case concerning the Temple of Preah Vihear (Cambodia v. Thailand), Preliminary Objections*, Judgment of 26 May 1961, I.C.J. Reports 1961, P. 31.

[615] *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1984, P. 392.

Упомянутая ситуация вновь повторилась в недавней практике Суда, когда Иран подал заявление против Канады на основании п. 2 ст. 36 Статута 27 июня 2023 г., признав юрисдикцию Международного Суда ООН посредством одностороннего заявления двумя днями ранее[616].

4.2. Сфера применения заявлений государств о признании юрисдикции Международного Суда ООН

Особая правовая природа заявлений государств о признании юрисдикции Международного Суда оказывает влияние на их использование государствами на практике. В настоящее время (по состоянию на февраль 2024 г.) немногим более трети государств-членов ООН (74 из 193) сделали соответствующие заявления, которые при этом содержат многочисленные условия (см. далее). Из них лишь Великобритания является постоянным членом Совета Безопасности ООН (хотя ее заявление содержит существенные ограничения по кругу вопросов, которые могут передаваться на рассмотрение Суда)[617]. Что касается других постоянных членов Совета Безопасности ООН, то Китай и СССР (впоследствии – Россия) не делали заявлений в соответствии с п. 2 ст. 36 Статута; Франция и США отозвали свои заявления после вынесенных Международным Судом ООН решений не в их пользу (о назначении Франции временных мер в *деле о ядерных испытаниях*; о признании юрисдикции Суда в *деле «Никарагуа против США»*).

Однако ограниченный круг участников системы «факультативной клаузулы» – не единственный фактор, оказывающий сдерживающее влияние на практику ее использования. В настоящем разделе представляется целесообразным изложить свойственные данному виду признания юрисдикции Международного Суда ООН особенности и характерные для него практические трудности и вопросы.

---

[616] Declarations recognizing the jurisdiction of the Court as compulsory, Islamic Republic of Iran, 25 June 2023 // URL: https://www.icj-cij.org/declarations/ir (accessed date: 16.10.2023).

[617] *Higgins R.* Problems and Process: International Law and How We Use It. – Oxford: Clarendon Press, 1995. – P. 189 – 190.

Включение условий в заявления государств о признании юрисдикции Суда. Важным фактором, оказывающим влияние на практику использования односторонних заявлений для задействования механизма Международного Суда ООН, являются содержащиеся в них условия. Так как данный инструмент направлен на то, чтобы ограничить юрисдикцию Суда, то последнему часто приходилось рассматривать вопрос о том, правомочен ли он рассматривать спор, анализируя диаметрально противоположные позиции государств на этот счет. Многочисленные решения Суда свидетельствуют о ряде проблем, которые возникают в данном контексте. Однако прежде всего, представляется целесообразным обратиться к теории и определить правовые основания для депонирования государствами односторонних заявлений с условиями, а также выделить их виды.

Правовые основания включения условий в заявления государств о признании юрисдикции Международного Суда ООН. Статут напрямую предусматривает возможность включения в заявления государств условий, ограничивающих юрисдикцию Суда. Так, п. 3 ст. 36 Статута гласит, что односторонние заявления «могут быть безусловными, или на условиях взаимности со стороны тех или иных государств, или же на определенное время». Следовательно, в тексте Статута указывается лишь на два типа возможных условий. В этой связи возникает вопрос о допустимости других их видов (например, исключение споров определенного типа или споров, возникших до определенной даты)[618].

В качестве терминологической ремарки стоит указать, что в англоязычной литературе условия или ограничения, которые государства используют для установления рамок признания ими юрисдикции Международного Суда, обозначают как «оговорки» (*"reservation"*). Такой же

---

[618] *Кожевников Ф.И., Шармазанашвили Г.В.* Международный суд ООН: Организация, цели, практика. – М.: Международные отношения, 1971. – С. 37.

перевод нередко используется и в русскоязычных источниках[619]. Это в том числе может приводить к выводам о применимости к односторонним заявлениям в рамках п. 2 статьи 36 Статута по аналогии статьи 19 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.[620], что, однако, не подтверждается практикой Суда (см. далее).

Однако необходимо подчеркнуть, что использование термина «оговорки» в ряде источников применительно к заявлениям государств в рамках системы факультативной клаузулы не предполагает их «договорного» характера заявлений. Потому термин «условие» (*"condition"*), используемый в п. 3 ст. 36 Статута, более уместен и юридически точен[621].

Несмотря на звучавшие в разные годы со стороны Генерального секретаря ООН призывы к государствам-членам Организации признать без каких-либо условий общую юрисдикцию Международного Суда[622], большинство заявлений содержали и содержат разного рода ограничения[623]. В практике «предшественницы» Суда – Постоянной Палаты Международного Правосудия – включение различных видов условий в заявления о признании ее юрисдикции было приемлемым[624], а в 1928 г. Ассамблея Лиги Наций

---

[619] *Пунжин С.М.* Процессуальное право Международного Суда ООН: классификация предварительных возражений. // Международное правосудие. – № 1(2). – 2012. – С. 50; *Колосов Ю.М.* Международное право: Учебник / Отв. Ред. Ю.М.Колосов, Э.С.Кривчикова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 350.

[620] *Каламкарян Р.А.* Международный Суд в миропорядке на основе господства права. – М.: Наука, 2012. – С. 128.

[621] *Fitzmaurice M.* The Optional Clause System and the Law of Treaties: Issues of Interpretation in Recent Jurisprudence of the International Court of Justice // Australian Year Book of International Law. – Vol. 20 – 1999. – P. 128; *Вылегжанин А.Н., Зинченко О.И.* Юрисдикция Международного Суда ООН: некоторые теоретические вопросы. // Московский журнал международного права. – 2018. – № 4. – С. 20.

[622] *Беджауи М.* Международный Суд ООН: прошлое и будущее // Московский журнал международного права. – 1996. – № 2. – С. 42.

[623] *Alexandrov S.* Reservations in Unilateral Declarations Accepting the Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice. – Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1995. – P. 18.

[624] *Thirlway H.* The International Court of Justice. – New York: Oxford University Press, 2016. – P. 49.

пришла к выводу о том, что их круг не ограничивается прямо перечисленными в Статуте[625].

При создании нового Суда данному вопросу было уделено внимание. В подкомитете IV/1/D на Конференции в Сан-Франциско, которому было поручено составить проект Статута нового Суда, возобладало мнение о том, что, поскольку государство имеет право решать, принимать или не принимать юрисдикцию Суда посредством системы факультативной клаузулы в целом, то данное право включает в себя «меньшее по объему» право признать юрисдикцию с учетом любых условий, которые государство считает целесообразным включить. Таким образом, государства могут свободно добавлять их в свои заявления, не ограничиваясь лишь теми, которые прямо предусмотрены п. 3 ст. 36 Статута Суда. Хотя данная позиция была выработана еще Постоянной Палатой Международного Правосудия, а затем перенята Судом, в спорах между государствами имели место доводы о недопустимости условий, прямо не предусмотренных Статутом (например, *дело, касающееся воздушного инцидента 10 августа 1999 г.*[626], см. далее).

Наиболее популярными в практике государств стали следующие три категории условий: *ratione temporis*, *ratione personae* и *ratione materiae*, к краткому описанию которых представляется целесообразным перейти.

Условие *ratione temporis*, как следует из его названия, связано с установлением определенного момента или периода времени. Наиболее простой вариант – ограничение юрисдикции Суда спорами, возникшими после определенной даты. Так, Германия в своем заявлении от 2008 г. признает юрисдикцию Суда ООН «относительно всех споров, возникших после настоящего заявления». Другой пример темпорального условия присутствует в заявлениях Австралии, Германии и Великобритании: данные государства не

---

[625] Resolution of the Assembly of the League of Nations regarding "the Optional Clause of Article 36 of the Statute of the Permanent Court of International Justice", 26 September 1928.
[626] *Aerial Incident of 10 August 1999 (Pakistan v. India)*, Jurisdiction of the Court, Judgment, I.C.J. Reports 2000, P. 29, Para 37.

признают юрисдикции Суда ООН по спорам в случае, если другая сторона признала обязательную юрисдикцию Суда только в отношении или для целей этого конкретного спора, или же если согласие данной стороны на обязательную юрисдикцию Суда было депонировано менее, чем за 12 месяцев до обращения в Суд. Данная формулировка направлена на решение проблемы непредвиденных заявлений со стороны государств сразу после признания им юрисдикции Международного Суда (ранее упоминавшаяся проблема «сидячей утки»).

С. Александров [627] отмечает пример использования темпорального условия в односторонних заявлениях Нидерландов: в первом из них (от 6 августа 1921 г.) юрисдикция Постоянной Палаты Международного Правосудия признавалась на пятилетний период в отношении «будущих» споров, следующее заявление устанавливало согласие на юрисдикцию «на десятилетний период, начиная с 6 августа 1926 г., для любых будущих споров». Таким образом, споры, которые могли возникнуть в первоначальный пятилетний период, были исключены. Заявление от 5 августа 1946 г. исключало уже все споры, возникшие в течение предыдущих 25 лет, хотя на протяжении этого периода юрисдикция Суда в отношении любых споров признавалась. Такая практика была прекращена заявлением от 1 августа 1956 г., в котором «датой исключения» стало 5 августа 1921 г. Однако в действующем заявлении Нидерландов (от 21 февраля 2017 г.), заменившем заявление от 1956 г., формула вновь была изменена: «признается ... юрисдикция по всем спорам, вытекающим из ситуаций или фактов, имевших место не ранее, чем за сто лет до того, как спор был передан на рассмотрение Суда»[628].

---

[627] *Alexandrov S.* Reservations in Unilateral Declarations Accepting the Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice. – Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1995. – P. 44.

[628] Declarations recognizing the jurisdiction of the Court as compulsory, Netherlands, 21 February 2017. // URL: https://www.icj-cij.org/en/declarations/nl (дата обращения: 14.02.2024).

Вторая категория условий – *ratione personae* – устанавливает ограничения признания государством юрисдикции Суда, связанные с другими сторонами спора. Например, государство может заявить, что соглашается на юрисдикцию Суда за исключением споров с государствами А и Б. Такое условие содержится в заявлениях Канады и Великобритании, которые исключают споры с государствами, являющимися (и являвшимися – в заявлении Великобритании) членами Содружества Наций (*"Commonwealth"*[629]).

В практике Суда вставал вопрос о том, являются ли такого рода условия дискриминационными и противоречащими принципу суверенного равенства государств. Аргументация Пакистана в *деле, касающемся воздушного инцидента 10 августа 1999 г.*, заключалась в том, что аналогичное условие в отношении Содружества Наций в заявлении Индии «не имело юридической силы» ввиду его противоречия «принципу суверенного равенства» и «универсальному характеру прав и обязательств членов ООН», а также нарушения им принципа добросовестности и различных положений Устава ООН и Статута Суда. Однако Суд не согласился с данными доводами, подчеркнув право государств посредством условий *ratione personae* выбирать себе «партнеров», по отношению к которым они готовы признавать его юрисдикцию.

Третья категория условий (*ratione materiae*) связана с существом спора. Например, заявление Австралии (от 22 марта 2002 г.) предусматривает, что согласие этого государства на юрисдикцию Суда не распространяется на споры относительно делимитации морских зон или связанные с ней, включая территориальное море, исключительную экономическую зону и континентальный шельф, или вытекающие из, касающиеся или относящиеся к

---

[629] Содружество наций (Commonwealth of Nations) – объединение суверенных государств, членами которого являются Великобритания, ее бывшие доминионы и колонии, а также Мозамбик, Руанда, Намибия и Камерун. Подробнее см.: *Геймбух Н.Г., Уткин А.В.* Особенности конституционного статуса государств - членов Содружества наций // Современный ученый. – 2021. – № 3. – С. 280.

использованию любого спорного района такой морской зоны или прилегающих к ней районов до осуществления ее делимитации[630]. Включение условия об исключении споров, связанных с делимитацией морских пространств, вероятно, было связано со спором по поводу принадлежности морского дна между Австралией и Восточным Тимором[631].

Германия в своем заявлении исключила споры, «связанные (или возникающие в связи) с развертыванием вооруженных сил за рубежом, участием в таком развертывании или принятием по нему решений», а также «с использованием в военных целях территории ФРГ, включая ее воздушное пространство, а также морские районы, на которые распространяются суверенные права и юрисдикция Германии»[632].

Среди условий *ratione materiae* присутствуют те, которые исключают споры, предмет которых относится к внутренней компетенции государства. Так, Канада отказалась передавать на рассмотрение Суда «споры по вопросам, которые в соответствии с международным правом относятся исключительно к юрисдикции Канады». Интересно, что некоторые государства оставляют за собой право определять, какие вопросы относятся к их внутренней компетенции (а не ссылаются на нормы международного права, как в упомянутом примере Канады). Этот подвид условий («оговорка Коннелли», названная по имени предложившего ее американского сенатора) был создан для того, чтобы государства, сделавшие заявление, могли оставить за собой контроль за «объемом» своего обязательства признавать юрисдикцию Суда[633].

---

[630] Declarations recognizing the jurisdiction of the Court as compulsory, Australia, 22 March 2002. // URL: https://www.icj-cij.org/en/declarations/au (дата обращения: 14.02.2024).

[631] *Симонова Н.С.* Факультативность обязательности в дискуссии о юрисдикции Международного Суда ООН // Российская юстиция. – 2016. – № 8. – С. 23 – 25; *Triggs G., Bialek D.* Australia Withdraws Maritime Disputes from the Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice and the International Tribunal for the Law of Sea // The International Journal of Marine and Coastal Law. – 2002. – Vol. 17. – No. 3. – P. 423.

[632] *Зинченко О.И.* Споры, касающиеся вооруженных конфликтов: подходы Международного Суда ООН к вопросам юрисдикции // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 6 (169). – С. 24.

[633] *Thirlway H.* The International Court of Justice. – New York: Oxford University Press, 2016. – P. 50.

В заявлениях Австралии и Канады исключены споры, в отношении которых стороны договорились или согласны прибегнуть к какому-либо иному способу мирного урегулирования.

Среди используемых государствами условий *ratione materiae* встречаются аналогичные тому, которое было включено в заявление США от 1946 г. (на настоящий момент утратило силу). В пункте c) США установили, что признание ими обязательной юрисдикции Суда не распространяется на «споры, возникающие в результате многостороннего договора, за исключением тех случаев, когда 1) все участники договора, интересы которых затрагиваются решением спора, являются также участниками в деле, представленном Суду, или 2) США специально дают согласие на юрисдикцию». Данный тип условий был проанализирован Международным Судом в *деле Никарагуа*. Так как государство-заявитель обратилось в Суд на основании четырех многосторонних договоров, по мнению США, в свете вышеупомянутого ограничения Суд имел юрисдикцию только в том случае, если бы все участники договоров, которых затрагивало бы его будущее решение, были также участниками процесса. Однако Суд не воспринял данный аргумент и счел, что «вопрос о том, какие государства могут быть затронуты его решением, совершенно очевидно не является проблемой юрисдикции», а «возражение, основанное на условии, связанном с многосторонним договором, не носит в обстоятельствах данного дела исключительно предварительного характера». Таким образом, Суд не нашел препятствий для принятия заявления Никарагуа к рассмотрению.

Следует еще раз подчеркнуть, что хотя некоторые из перечисленных разновидностей условий и выходят за рамки п. 3 ст. 36 Статута, в ряде решений Постоянной Палаты Международного Правосудия (*дело о фосфатах*

в Марокко[634]) и Международного Суда ООН (*дело Никарагуа*[635], *дело о юрисдикции над рыбными промыслами*[636], и *дело, касающееся воздушного инцидента 10 августа 1999 г.*[637]), была подтверждена их допустимость[638].

Проблемы, связанные с включением условий в односторонние заявления государств о признании юрисдикции Международного Суда ООН. Практика Суда свидетельствует о ряде проблем, которые возникают в контексте односторонних заявлений в связи с включением в них условий. Среди данных затруднений можно отметить следующие:

1) Усложнение системы «факультативной клаузулы»;

2) Сложности применения темпоральных условий (например, в контексте установления момента возникновения спора);

3) Спорный статус некоторых видов условий;

4) Установление государствами большого количества условий, фактически нивелирующих значение соответствующего заявления о признании юрисдикции Суда.

Представляется целесообразным рассмотреть их детальнее.

1) Во-первых, активное использование государствами возможности признавать юрисдикцию Суда по п. 2 ст. 36 с условиями привело к усложнению всей системы «факультативной клаузулы». Поскольку данная система зиждется на принципе взаимности, государство, не признавшее юрисдикцию Международного Суда ООН посредством заявления, не может использовать тот факт, что другое государство такое заявление сделало, для подачи против него заявления.

---

[634] *Phosphates in Morocco (Italy v. France)*, Preliminary objections, Judgment, 1938, PCIJ, Series A/B, No. 74, P. 23.
[635] *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1984, P. 418, Para. 59.
[636] *Fisheries Jurisdiction Case (Spain v. Canada)*, Jurisdiction of the Court, Judgment, I.C.J. Reports 1998, P. 453, Para. 44.
[637] *Aerial Incident of 10 August 1999 (Pakistan v. India)*, Jurisdiction of the Court, Judgment, I.C.J. Reports 2000, P. 29, Para. 37.
[638] *Fitzmaurice M.* International Court of Justice, Optional Clause // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2011.

Данное правило применимо и в контексте условий. Оно позволяет государству, которое признало юрисдикцию Суда по более широкому кругу вопросов, полагаться на содержащиеся в заявлении другой стороны спора условия. Международный Суд ООН в *деле по спору между Францией и Норвегией о некоторых норвежских займах* [639] подтвердил, что его юрисдикция будет ограничена лишь теми аспектами, в которых соответствующие односторонние заявления имеют «общий знаменатель»[640]. Как отметил Суд, «общая воля сторон (*"common will of the parties"*), которая является основанием его юрисдикции, заключается в более узких пределах, установленных в заявлении Франции»[641]. Суд постановил, что в соответствии с требованиями взаимности Норвегия имела право ссылаться на одностороннее заявление Франции, содержащее условие американского типа (или так называемую «оговорку Коннелли») об исключении обязательной юрисдикции Суда в отношении споров, которые, по мнению Франции, по существу относились к ее национальной юрисдикции. Иными словами, стороны фактически «поменялись местами», и Норвегия, ссылаясь на то, что затрагиваемые в обращении вопросы относятся к сфере ее внутренней компетенции, отстояла позицию об отсутствии у Суда юрисдикции рассматривать дело.

В контексте условий, ограничивающих юрисдикцию Суда спорами, возникшими после определенной даты, принцип взаимности действует таким образом, что указанная дата в равной степени применима для другой стороны

---

[639] *Case of Certain Norwegian Loans (France v. Norway)*, Judgment of 6 July 1957, I.C.J. Reports 1957, P. 18.

[640] *Thirlway H.* The International Court of Justice. – New York: Oxford University Press, 2016. – P. 50; *Tomuschat C.* Article 36 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 735; *Fitzmaurice M.* International Court of Justice, Optional Clause // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / Wolfrum R. (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2011.

[641] *Case of Certain Norwegian Loans*, Judgment of July 6th, 1957, I.C.J. Reports 1957, P. 18.

спора[642]. Так, в *деле об Англо-Иранской нефтяной компании* полномочия Суда рассматривать спор определялись, исходя из односторонних заявлений Ирана и Соединенного Королевства. Поскольку заявление Ирана имело более ограниченный характер, именно оно бралось за основу при анализе наличия юрисдикции Суда (более детально данный спор будет рассмотрен далее).

Таким образом, как и в контексте юрисдикционнных клаузул и специальных соглашений, в системе «факультативной клаузулы» важнейшую роль играет согласие государств на юрисдикцию Суда [643] . В случае односторонних заявлений такое обоюдное согласие будет иметься лишь в той части, в которой совпадают волеизъявления соответствующих сторон относительно признания юрисдикции Международного Суда ООН. Принцип взаимности является важным гарантом справедливости и равноправия, так как государства, признавшие юрисдикцию Суда посредством одностороннего заявления, защищены от его использования против их интересов государствами, которые согласились на юрисдикцию Суда в меньшем объеме.

Закономерным следствием активного использования государствами возможности включения в односторонние заявления различных видов условий является то, что односторонние заявления не похожи друг на друга (в отличие от ситуации, когда государства соглашаются на единую юрисдикционную клаузулу в международном договоре в соответствии с п. 1 ст. 36 Статута). В

---

[642] *Thirlway H.* The International Court of Justice. – New York: Oxford University Press, 2016. – P. 50.

[643] Напр., *Anglo-Iranian Oil Co. case (United Kingdom v. Iran)*, Jurisdiction, Judgment of July 22nd 1952, I.C.J. Reports 1952, P. 93, 102–3; *Monetary Gold removed from Rome in 1943 (Italy v France, UK and US)*, Preliminary Question, I.C.J. Reports 1954, P. 19, 32; *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1984, P. 431; *Certain Phosphate Lands in Nauru (Nauru v Australia)*, Preliminary Objections, I.C.J. Reports 1992, P. 240, 259–62; *East Timor (Portugal v Australia)*, I.C.J. Reports 1995, P. 90, 101; *Fisheries Jurisdiction (Spain v Canada)*, Jurisdiction, I.C.J. Reports 1998, P. 432, 453, 456; *Thirlway H.* The International Court of Justice. – New York: Oxford University Press, 2016. – P. 35; *Mackenzie R., Romano C., Shany Y., Sands P.* The Manual on International Courts and Tribunals. 2nd Edition. – Oxford: Oxford University Press. 2010. – P. 14; *Higgins R.* Problems and Process: International Law and How We Use It. – Oxford: Clarendon Press, 1995. – P. 186; *Rosenne S.* International Courts and Tribunals, Jurisdiction and Admissibility of Inter-State Applications. // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / Wolfrum R. (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2006.

этой связи перед Судом в каждом случае возникает непростая задача определить рамки согласия государства на юрисдикцию Суда на основании соответствующего заявления, а также на основе принципа взаимности сопоставить его с заявлением другой стороны спора[644]. Если только речь не идет о заявлениях, не содержащих условий, в большинстве случаев перед Судом встает задача поиска «наименьшего общего знаменателя» юрисдикции (т.е. тех аспектов ее, которые *не* исключены условиями, содержащимися в заявлениях обеих сторон), а также выяснения того, подпадает ли в данные рамки конкретный спор.

Таким образом, обратной стороной использования государствами своего суверенного права признавать юрисдикцию Международного Суда ООН с условиями стало то, что вместо изначально предполагавшейся «отцами-основателями» Статута простой системы универсальной обязательной юрисдикции в рамках ограниченной группы государств (участников системы «факультативной клаузулы») юрисдикция Суда по п. 2 ст. 36 приняла форму, как справедливо отмечает проф. Х. Терлвей, сложной сети двусторонних отношений[645].

2) Вторая практическая трудность связана с той категорией условий, которые ограничивают юрисдикцию Суда определенным моментом времени. Сложности порой возникают ввиду неясности или субъективного характера их формулировок, так как спорящие стороны зачастую отстаивают противоположные позиции относительно того, распространяется ли одностороннее заявление государства на определенные факты и события.

По общему правилу, односторонние заявления в соответствии с п. 2 ст. 36 Статута имеют ретроактивное действие[646]. В *деле Мавроматиса*

---

[644] *Каламкарян Р.А.* Международный Суд в миропорядке на основе господства права. – М.: Наука, 2012. – С. 129.

[645] *Thirlway H.* The International Court of Justice. – New York: Oxford University Press, 2016. – P. 50.

[646] *Alexandrov S.* Reservations in Unilateral Declarations Accepting the Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice. – Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1995. – P. 40.

Постоянная Палата Международного Правосудия указала, что «при наличии сомнений юрисдикция, основанная на международном соглашении, охватывает все споры, переданные Суду после его заключения»[647]. Иными словами, юрисдикция Суда по умолчанию распространяется в том числе на споры, переданные ему на рассмотрение после заключения соответствующего договора или депонирования одностороннего заявления, но возникшие ранее. Для подтверждения правильности своей позиции Суд обратился к анализу условий арбитражных соглашений и пришел к выводу о том, что если государства желают исключить споры, уже имеющиеся на момент принятия юрисдикции трибунала, то такое намерение должно быть прямо выражено.

Как было указано ранее, условия *ratione temporis* могут иметь различные формы, и государствами была выработана формулировка, позволяющая «обойти» указанное правило ретроактивного действия – так называемая «Бельгийская формула»[648] (впервые примененная именно этим государством в своем одностороннем заявлении от 25 сентября 1925 г.), ставшая впоследствии популярной. В соответствии с ней из-под юрисдикции Суда исключаются – помимо самих споров, возникших до определенной даты, – также дающие основания для спора ситуации или факты, имевшие место до этой «даты исключения» (*"exclusion date"*).

Однако когда в условия включается столь субъективный аспект, как ситуации и факты, из которых определенный спор «вытекает» (или которые дали ему основания), вполне закономерно возникает ряд трудностей, связанных в первую очередь с тем, что международные споры зачастую носят затяжной характер или коренятся в давних исторических событиях[649]. Как справедливо отметил бывший председатель Суда Х. Овада, порой бывает

---

[647] *Mavrommatis Palestine Concessions (Greece v. United Kingdom)*, Jurisdiction, Judgment of August 30 1924, 1924 PCIJ Series A, № 2, P. 6, 35.
[648] *Alexandrov S.* Reservations in Unilateral Declarations Accepting the Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice. – Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1995. – P. 40.
[649] *Crawford J.* Brownlie's Principles of Public International Law. – 8th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 729.

практически невозможно точно установить, насколько далеко в прошлое необходимо обращаться для установления основ и причин возникновения спора, «поскольку в конечном счете все в истории связано с тем, что произошло ранее, и является результатом этого» [650]. Следовательно, на практике может быть весьма проблематичным определить момент возникновения спора и установить наличие или отсутствие юрисдикции, основанной на одностороннем заявлении, сделанном с такого рода условием.

Суд в своей практике выработал правило, что данное ограничение распространяется только на ситуации или факты, являющиеся источником, реальной причиной (*"real cause"*) спора. Такая позиция была выработана Постоянной Палатой Международного Правосудия в *деле о фосфатах в Марокко*[651] и *деле об электрической компании в Софии и Болгарии*[652] и была перенята Международным Судом в *деле о праве прохода.* В нем Суд установил, что, хотя право прохода существовало и до 5 февраля 1930 г. (даты, когда ответчиком было сделано заявление в рамках системы факультативной клаузулы, содержащее условие об отсутствии его ретроактивного действия), спор не считался возникшим до наступления даты, когда ответчик принял меры для предотвращения реализации этого права[653].

Сложности вызывает и толкование темпоральных условий заявлений, которые не содержат достаточной конкретики относительно «даты исключения». Например, в заявлении Мексики [654] юрисдикция Суда

---

[650] Speech by H.E. Judge H. Owada, President of the International Court of Justice, to The Legal Advisers of United Nations Member States, Introductory Remarks at the Seminar on The Contentious Jurisdiction of the International Court of Justice, 26 October 2010 // URL: https://www.icj-cij.org/files/press-releases/5/16225.pdf (дата обращения: 04.02.2023).

[651] *Phosphates in Morocco (Italy v. France)*, Preliminary Objections, Judgment, 1938 PCIJ (Ser. A/B) No. 74, P. 23 – 24.

[652] *The Electricity Company of Sofia and Bulgaria (Belgium v. Bulgaria)*, Preliminary Objection, Judgment of 4 April 1939, PCIJ Series A/B № 77, P. 82.

[653] *Case concerning Right of Passage over Indian Territory*, Merits, Judgment of 12 April 1960, I.C.J. Reports 1960, P. 33 – 35.

[654] Declarations recognizing the jurisdiction of the Court as compulsory, Mexico, 28 October 1947. // URL: https://www.icj-cij.org/en/declarations/mx (дата обращения: 04.02.2023); Compulsory jurisdiction of the International Court of Justice, Committee of Legal Advisers on Public International Law, 54th meeting, Strasbourg (France), 21-22 September 2017. // URL:

ограничивается «спорами, которые могут возникнуть в будущем». Однако не вполне понятна дата, после которой появившиеся споры могут считаться подпадающими под юрисдикцию Суда ООН: дата подписания (23 октября 1947 г.), дата передачи депозитарию (28 октября 1947 г.) или дата начала ее действия (1 марта 1947 г.).

В ряде односторонних заявлений присутствуют условия *ratione temporis*, ограничивающие действие признания юрисдикции Суда определенным сроком [655] . В некоторых из них предусматривается, что согласие на юрисдикцию Суда может быть отозвано по истечении определенного срока после соответствующего уведомления, в некоторых – сразу же. При отсутствии прямого указания о возможности немедленного прекращения действия заявления государство должно уведомить об этом в разумный срок[656].

Несмотря на то, что право отзыва согласия на юрисдикцию Суда немедленно после уведомления об этом и ослабляет систему обязательной

---

https://rm.coe.int/cahdi-compulsory-jurisdiction-of-the-international-court-of-justice-54/168073c619 (дата обращения: 04.02.2023).

«Mexico
28 October 1947 [Translation from Spanish]
In regard to any legal dispute that may in future arise between the United States of Mexico and any other State out of events subsequent to the date of this Declaration, the Mexican Government recognizes as compulsory ipso facto, and without any special agreement being required therefore, the jurisdiction of the International Court of Justice in accordance with Article 36, paragraph 2, of the Statute of the said Court, in relation to any other State accepting the same obligation, that is, on condition of strict reciprocity. This Declaration, which does not apply to disputes arising from matters that, in the opinion of the Mexican Government, are within the domestic jurisdiction of the United States of Mexico, shall be binding for a period of five years as from 1 March 1947 and after that date shall continue in force until six months after the Mexican Government gives notice of denunciation. Mexico, D.F., 23 October 1947.
(Signed) Jaime TORRES BODET, Secretary of State for External Relations».

[655] *Crawford J.* Brownlie's Principles of Public International Law. – 8th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 729.

[656] *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1984, P. 418 – 420; Separate opinion of Judge Mosler, P. 466 – 467; Separate opinion of Judge Sir Robert Jennings, P. 550; Dissenting opinion of Judge Schwebel, P. 620–628.

юрисдикции, оно не является несовместимым со Статутом[657]. В этой связи представляется излишне категоричным тезис о том, что на основе принципа добросовестности «запрещаются декларации на неопределенное время, тем более, если содержащиеся в них постановления о денонсации не обусловлены предварительным сроком уведомления» [658] . Сложно согласиться и с расширительным толкованием «регулятивной функции принципа добросовестности», требующей от государства «воздержаться от денонсации именно в тот момент, когда послед возникновения международного спора другое государство намеревается, сославшись на декларацию, возбудить дело в Суде»[659].

Следует также отметить, что даже если право отзыва согласия на юрисдикцию Суда немедленно после уведомления об этом напрямую предусмотрено в заявлении государства, этого может быть недостаточно для того, чтобы избежать начала международного процесса: отзыв заявления должен произойти до того, как обращение другого государства было подано в Суд. Так, в *деле о праве прохода через территорию Индии* ответчик (Индия) хотел бы осуществить предусмотренное в одностороннем заявлении право прекратить его действие с немедленным вступлением в силу, однако не располагал информацией о том, что Португалия сделала соответствующее одностороннее заявление. Индия была уведомлена об уже начавшемся процессе, когда действия по отзыву одностороннего заявления предпринимать было уже поздно. Ссылаясь на свое решение по *делу Ноттебома*, Суд подчеркнул, что ключевой датой является момент возбуждения истцом разбирательства, в связи с чем отзыв ответчиком своего одностороннего заявления уже после подачи обращения не влияет на юрисдикцию Суда: «Общепризнанной нормой права является ... то, что после того, как спор был

---

[657] *Case concerning Right of Passage over Indian Territory (Portugal v. India)*, Preliminary Objections, Judgment of 26 November 1957, I.C.J. Reports 1957, P. 143 – 144.
[658] *Каламкарян Р.А.* Международный Суд в миропорядке на основе господства права. – М.: Наука, 2012. – С. 133.
[659] *Ibidem*, С. 147.

законным образом передан на рассмотрение Суда, односторонние действия государства-ответчика по прекращению действия его одностороннего заявления (полностью или частично) не могут лишить Суд юрисдикции»[660]. Аналогичным образом, если срок действия заявления (или иного основания юрисдикции) истекает уже после подачи обращения в Суд, то это не влияет на его юрисдикцию по данному делу[661].

3) Третий проблематичный аспект, свойственный системе «факультативной клаузулы» и связанный с наличием условий, касается ранее упомянутой достаточно распространенной (в определенный период времени), но в то же время весьма неоднозначной их формой – автоматическим или субъективным ("*automatic*", "*self-judging*")[662] условием. Оно исключает из юрисдикции Суда споры, входящие во внутреннюю компетенцию государства ("*within the domestic jurisdiction*"), причем отнесение к таковой остается на усмотрение самого государства[663]. Впервые оно было использовано США, а впоследствии набрало популярность среди других государств.

В международно-правовой литературе неоднократно поднимался вопрос правомерности такого условия. С позиции ряда правоведов[664], такое условие является «спорным», противоречащим принципу «компетенции определять компетенцию» ("*the principle of the "la competence de la*

---

[660] *Case concerning Right of Passage over Indian Territory (Portugal v. India)*, Preliminary Objections, Judgment of 26 November 1957, I.C.J. Reports 1957, P. 142; *Nottebohm (Liechtenstein v. Guatemala),* Preliminary Objection, Judgment of November 18th 1953, I.C.J. Reports 1953, P. 121.

[661] *Nottebohm (Liechtenstein v. Guatemala),* Preliminary Objection, Judgment of November 18th 1953, I.C.J. Reports 1953, P. 122 – 123; *Каламкарян Р.А.* Международный Суд в миропорядке на основе господства права. – М.: Наука, 2012. – С. 135, 148.

[662] *Fitzmaurice M.* International Court of Justice, Optional Clause // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2011.

[663] Напр., *Case of Certain Norwegian Loans (France v. Norway)*, Judgment of 6 July 1957, I.C.J. Reports 1957, P. 21 ("This declaration does not apply to differences relating to matters which are essentially within the national jurisdiction as understood by the Government of the French Republic").

[664] *Higgins R.* Problems and Process: International Law and How We Use It. – Oxford: Clarendon Press, 1995. – P. 194; *Thirlway H.* The International Court of Justice. – New York: Oxford University Press, 2016. – P. 50; *Каламкарян Р.А.* Международный Суд в миропорядке на основе господства права. – М.: Наука, 2012. – С. 140.

competence"), в соответствии с которым именно Суд правомочен самостоятельно определять юрисдикцию по конкретному спору, а не отдельное государство. По мнению проф. Каламкаряна Р.А., представляют собой «злоупотребление правом» и «юридически не состоятельны декларации о признании обязательной юрисдикции Суда с автоматической оговоркой, допускающей изъятия для дел, входящих во внутреннюю компетенцию того либо другого государства», что, в свою очередь, дает «основания для того, чтобы признать автоматическую оговорку, равно как и саму декларацию, […] недействительной», а действия государства по включению такой «оговорки» – «неправомерными»[665].

Судья Г. Лаутерпахт в особом мнении к постановлению по *делу о некоторых норвежских займах* [666] расценил содержащееся в заявлении Франции автоматическое условие как инструмент, не имеющий правовых последствий для Международного Суда и его юрисдикции, так как оно противоречило Статуту и не содержало в себе юридического обязательства, поскольку признание юрисдикции Суда зависело от решения правительства[667]. При этом правовед отстаивал, что Суд «не может присваивать себе компетенцию – в которой ему явно было отказано – признать, что утверждение государства-ответчика о том, что вопрос по существу находится в его национальной юрисдикции, является настолько экстравагантным и настолько произвольным, что может быть приравнено к недобросовестному действию и злоупотреблению правом, в результате чего Суд был бы вправе игнорировать

---

[665] *Каламкарян Р.А.* Международный Суд в миропорядке на основе господства права. – М.: Наука, 2012. – С. 18, 136, 143.

[666] *Case of Certain Norwegian Loans (France v. Norway)*, Judgment of 6 July 1957, I.C.J. Reports 1957, Separate Opinion of Sir H. Lauterpacht, P. 43-44 ("The legal obligation of a Government to avail itself of its freedom of action in a manner consistent with good faith has a meaning, in terms of legal obligation, only when room is left for an impartial finding whether the duty to act in accordance with good faith has been complied with. But in the case now before the Court any such possibility has been expressly excluded. The Court has no power to give a decision on the question whether a State has acted in good faith in claiming that a dispute covers a matter which is essentially within its domestic jurisdiction").

[667] *Fitzmaurice M.* International Court of Justice, Optional Clause // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2011.

или аннулировать такое утверждение». По мнению судьи Г. Лаутерпахта, подобное субъективное условие или его часть являются недействительными. Схожие взгляды выразил и судья Х. Герреро в особом мнении к тому же решению Суда.

Судьи Г. Лаутерпахт, П. Спендер, Э. Арман-Югон и Х. Клаестад также заявили свои возражения против автоматического условия в заявлении США в своих особых мнениях к постановлению Суда по *делу компании «Интерхандель»* [668]. Примечательно, что они пришли к разным выводам относительно правовых последствий неприемлемости такого вида условий[669]. По мнению Г. Лаутерпахта[670] и П. Спендера[671], недействительность такого вида условий влечет за собой недействительность всего заявления в целом, так как условие является важной и неотделимой частью предполагаемого признания юрисдикции государством. Судьи Э. Арман-Югон [672] и Х. Клаестад[673], напротив, полагали, что соответствующее условие является отделимым от одностороннего заявления и пришли к выводу, что Суд может осуществлять юрисдикцию, несмотря на автоматическое условие, если у государства-заявителя имелось «истинное намерение» сделать «реальное и эффективное» заявление о принятии обязательной юрисдикции Суда. Судья Дж. Рид утверждал, что последствия включения автоматических условий в

---

[668] *Interhandel Case (Switzerland v. United States of America)*, Preliminary objections, Judgment of March 21 1959, I.C.J. Reports 1959, Separate Opinion of Sir Percy Spender, P. 55 – 59, Dissenting Opinion of President Klaestad, P. 76–78, Dissenting Opinion of Judge Armand-Ugon P. 92 – 94 (“The clause "as determined by the United States of America", as applied in the present case, is incompatible with paragraph 6 of Article 36 of the Statute, which says: "In the event of a dispute as to whether the Court has jurisdiction, the matter shall be settled by the decision of the Court".”)

[669] *Stahn C.* Connally Reservation // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2006.

[670] *Interhandel Case (Switzerland v. United States of America)*, Preliminary objections, Judgment of March 21 1959, I.C.J. Reports 1959, Dissenting Opinion of Judge Lauterpacht, P. 101.

[671] *Interhandel Case (Switzerland v. United States of America)*, Preliminary objections, Judgment of March 21 1959, I.C.J. Reports 1959, Separate Opinion of Judge Spender, P. 57.

[672] *Interhandel Case (Switzerland v. United States of America)*, Preliminary objections, Judgment of March 21 1959, I.C.J. Reports 1959, Dissenting Opinion of Judge Armand-Ugon P. 93.

[673] *Interhandel Case (Switzerland v. United States of America)*, Preliminary objections, Judgment of March 21 1959, I.C.J. Reports 1959, Dissenting Opinion of President Klaestad, P. 77 – 78.

односторонние заявления государств должны оцениваться Судом в каждом конкретном случае в свете обстоятельств дела[674].

Представляется затруднительным согласиться с характеристикой такого рода автоматических условий как «неправомерных». Она не учитывает тот факт, что запрет «на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства», предусмотрен Уставом ООН. Профессор Ф.И. Кожевников, являвшийся членом Международного Суда ООН, справедливо отмечал, что «не всегда можно точно определить, что именно понимается под понятием исключительной национальной юрисдикции, согласно международному праву. Вопрос может быть спорным… Могут возникнуть трудности и с отнесением спора к категории споров, по существу входящих в национальную компетенцию» [675] . Соответственно, «приоритет принадлежит государству», сформулировавшему условие о внутренней компетенции, а все спорные вопросы разрешаются определением Суда, как это и предусмотрено п. 6 ст. 36. С данными выводами представляется возможным согласиться.

Суд в своих решениях также не признавал автоматические условия неправомерными. Так, в *деле о некоторых норвежских займах* [676] Суд анализировал подобное автоматическое условие в одностороннем заявлении Франции, а именно: «настоящее заявление не относится к разногласиям по вопросам, которые по существу подпадают под национальную юрисдикцию, как это понимает правительство Французской Республики». Ответчик умело использовал в своих интересах принцип взаимности: сославшись на данное условие в заявлении Франции, Норвегия указала, что рассматривает

---

[674] *Case of Certain Norwegian Loans (France v. Norway)*, Judgment of 6 July 1957, I.C.J. Reports 1957, Dissenting Opinion of Judge Read, P. 94 – 95.

[675] *Кожевников Ф.И., Шарманазашвили Г.В.* Международный Суд ООН: организация, цели, практика. – М.: Международные отношения, 1971. – С. 40.

[676] *Case of Certain Norwegian Loans (France v. Norway)*, Judgment of 6 July 1957, I.C.J. Reports 1957, P. 21.

возникший спор как подпадающий под свою национальную юрисдикцию и исключенный из-под обязательной юрисдикции Суда.

Суд счел данный вывод справедливым, так как его юрисдикция, признанная двумя односторонними заявлениями, ограничивалась более «узким» односторонним заявлением Франции. Это значило, что в соответствии с условием взаимности Норвегия, равно как и Франция, была вправе исключить вопросы, которые она рассматривала как внутренние. Таким образом, автоматические условия в практике Суда «оборачивались против» государств, сделавших их, что послужило причиной снижения практики их применения[677].

4) Еще одним негативным последствием активного включения государствами условий в свои односторонние заявления является то, что они могут полностью «обнулить» значение соответствующего заявления. Более того, данная тактика всеобъемлющих условий может играть и против самого государства: излишне «защищаясь», оно одновременно ограничивает себя в праве подавать заявления против других государств, признавших юрисдикцию Суда в соответствии с п. 2 ст. 36 Статута[678]. Так, по мнению К. Томушата[679], наиболее «одиозный» пример — Индия[680]: характер и интенсивность условий, включенных в ее заявление о признании юрисдикции Суда, по сути, превратили его в «замаскированный документ о непризнании юрисдикции Суда». Например, в *«деле Ядав»* Индии как заявителю пришлось ссылаться на юрисдикцию Суда в соответствии с Факультативным протоколом к Венской

---

[677] *Akande D.* Selection of the International Court of Justice as a Forum for Contentious and Advisory Proceedings (Including Jurisdiction) // Journal of International Dispute Settlement. – 2016. – № 7. – P. 329.

[678] *Alexandrov S.* Accepting the Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice with Reservations: An Overview of Practice with a Focus on Recent Trends and Cases. // Leiden Journal of International Law. – 2001. – Vol. 14. – Issue 1. – P. 90.

[679] *Tomuschat C.* Article 36 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 761.

[680] Indian Declaration recognizing the jurisdiction of the Court as compulsory, 18 September 1974. // URL: https://www.icj-cij.org/en/declarations/in (дата обращения: 04.02.2023).

конвенции о консульских сношениях, так как Пакистан как государство-ответчик мог бы воспользоваться ограничениями, содержащимися в индийском заявлении, применив принцип взаимности[681].

Вместе с тем представляется затруднительным согласиться с расширительной трактовкой принципа добросовестности, якобы не допускающим включение в односторонние заявление условий, противоречащих «общ[ему] дух[у] и цели факультативной клаузулы – обеспечить обязательную юрисдикцию Суда»[682]. Из приведенных примеров следует, что Международный Суд исходит из широкой свободы усмотрения государств в вопросах формулирования «объема» своего согласия на его юрисдикцию, а чрезмерно ограничительные условия односторонних заявлений на практике создавали препятствия государствам, их сделавшим.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что система факультативной клаузулы на практике сформировалась несколько иначе, чем представляли её «отцы-основатели». Во-первых, юрисдикцию Международного Суда ООН до сих пор нельзя назвать всеобъемлющей, так как далеко не все государства мира сделали односторонние заявления о её признании. Во-вторых, даже среди участников системы «факультативной клаузулы» отсутствует единство в плане объема предоставляемых Суду полномочий по разрешению споров. Ввиду применимости принципа взаимности это привело к созданию сложной сети двусторонних отношений в области признания юрисдикции Суда. Правовые последствия использования государствами своего суверенного права на включение условий в заявления по п. 2 статьи 36 Статута занимают значимое место в практике Суда.

---

[681] *Tomuschat C.* Article 36 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 750.

[682] *Каламкарян Р.А.* Международный Суд в миропорядке на основе господства права. – М.: Наука, 2012. – С. 130 – 131.

Хотя некоторыми правоведами[683] высказывается точка зрения о том, что включение государствами в свои заявления многочисленных и далеко идущих условий «подрывает» систему «факультативной клаузулы», мысль о создании всеобъемлющей системы безусловного признания юрисдикции Международного Суда ООН представляется идеалистичной.

В то же время государствам, прибегающим к включению в свои односторонние заявления условий, необходимо учитывать, что это может иметь последствия в плане затрачиваемых обеими сторонами спора и Судом ресурсов да установления применимости данных условий в контексте конкретной ситуации. В этой связи при определении параметров согласия государства на обязательную юрисдикцию Международного Суда ООН важно как можно конкретнее формулировать условия, включаемые в одностороннее заявление, если политическая воля государства состоит в исключении из такого согласия какой-либо конкретной ситуации, возникшей ранее. В таком случае заявление с условиями, сформулированными в более точных терминах, могло бы способствовать эффективности процесса в Международном Суде, поскольку это упростило бы юрисдикционную стадию рассмотрения спора[684].

4.3. Некоторые вопросы толкования заявлений о признании юрисдикции Международного Суда ООН

Как отмечалось ранее, ввиду особого характера односторонних заявлений как инструмента *sui generis* в практике Международного Суда ООН не раз поднимался вопрос о том, каким образом должны толковаться их положения. Как справедливо отмечает С. Александров[685], для толкования

---

[683] *Pellet A.* Judicial Settlement of International Disputes // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2013 ("…[T]he numerous and far-reaching reservations and limitations to the Court's jurisdiction made by many of them (see eg. the UK or Indian Declarations) undermine the system of the optional clause").

[684] Speech by H.E. Judge H. Owada, President of the International Court of Justice, to The Legal Advisers of United Nations Member States, Introductory Remarks at the Seminar on The Contentious Jurisdiction of the International Court of Justice, 26 October 2010 // URL: https://www.icj-cij.org/files/press-releases/5/16225.pdf (дата обращения: 04.02.2023).

[685] *Alexandrov S.* Reservations in Unilateral Declarations Accepting the Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice. – Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1995. – P. 13.

таких заявлений Суду не обязательно следовать принципам, свойственным толкованию международных договоров. Международный Суд ООН неоднократно указывал на необходимость толкования заявления и содержащихся в нем условий «естественным и разумным путем»[686], учитывая намерения сделавшего его государства в то время, когда оно признало обязательную юрисдикцию Суда, а также цель включения соответствующих условий[687].

Позиция Суда заключается в признании важности принципа эффективности в праве международных договоров и практике Суда, однако, по его мнению, применительно к условиям, содержащимся в односторонних заявлениях, первостепенную роль играет именно толкование их способом, совместимым с эффектом, которого стремилось достичь государство посредством их включения. Следует отметить, что основное внимание Суд уделяет индивидуальным намерениям этого государства[688], о содержании которых свидетельствует не только текст определенного положения заявления, но и его контекст, а также обстоятельства его составления и его цели. Налицо существенное отличие правил толкования односторонних заявлений от правил толкования договоров, которые требуют установления взаимных намерений сторон, что предполагает более объективный подход[689].

Например, в *деле о юрисдикции над рыбными промыслами (Испания против Канады)* Суд отметил: «Режим, применимый к толкованию заявлений, сделанных в соответствии со ст. 36 Статута, не идентичен режиму толкования

---

[686] *Fisheries Jurisdiction (Spain v. Canada)*, Jurisdiction of the Court, Judgment, I.C.J. Reports 1998, P. 432, P. 454, Paras. 47 – 49; *Anglo-Iranian Oil Co. case (United Kingdom v. Iran)*, Jurisdiction, Judgment of July 22nd 1952, I.C.J. Reports 1952, P. 104, 105, 107; *Certain Norwegian Loans (France v. Norway)*, Preliminary objections, Judgment, I.C.J. Reports 1957, P. 27; *Aegean Sea Continental Shelf (Greece v. Turkey)*, Jurisdiction of the Court, Judgment, I.C.J. Reports 1978, P. 26, Para. 69.

[687] *Fisheries Jurisdiction (Spain v. Canada)*, Jurisdiction of the Court, Judgment, I.C.J. Reports 1998, P. 454-455, Paras. 49, 54.

[688] *Fitzmaurice M.* International Court of Justice, Optional Clause // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2011.

[689] *Ibidem.*

международных договоров, установленному Венской конвенцией о праве международных договоров […]. Испания [указала], что это не означает, что правила и способ толкования заявлений (и их условий) не совпадают с нормами, регулирующими толкование международных договоров. Суд отмечает, что положения Конвенции могут применяться лишь по аналогии в соответствии с характером *sui generis* одностороннего признания юрисдикции Суда»[690].

Иллюстративными в данном контексте являются несколько решений Международного Суда ООН. В *деле об Англо-Иранской нефтяной компании*[691] речь шла о проведенной в 1951 г. в Иране национализации нефтяной промышленности, затронувшей в том числе Англо-Иранскую нефтяную компанию, с которой в апреле 1933 г. правительство Ирана заключило соглашение. Компания направила премьер-министру Ирана письмо протеста против попытки аннулировать концессию, запросив организацию арбитражного разбирательства в соответствии со статьей 22 соглашения и указав выбранного компанией арбитра. Министр финансов Ирана в своем ответе отклонил предложение о разрешении спора с помощью арбитража. Попытки достичь урегулирования по дипломатическим каналам между Соединенным Королевством и Ираном не увенчались успехом, и, несмотря на содействие У. Харримана, направленного в качестве специального представителя президентом Г. Трумэном, вариант разрешения противоречий найден не был[692].

---

[690] *Fisheries Jurisdiction (Spain v Canada)*, Jurisdiction of the Court, Judgment, I.C.J. Reports 1998, P. 453 (“The régime relating to the interpretation of declarations made under Article 36 of the Statute is not identical with that established for the interpretation of treaties by the Vienna Convention on the Law of Treaties (ibid., p. 293, para. 30). Spain has suggested in its pleadings that "[this does not mean that the legal rules and the art of interpreting declarations (and reservations) do not coincide with those governing the interpretation of treaties". The Court observes that the provisions of that Convention may only apply analogously to the extent compatible with the sui generis character of the unilateral acceptance of the Court's jurisdiction”).

[691] *Anglo-Iranian Oil Co. case (United Kingdom v. Iran)*, Jurisdiction, Judgment of July 22nd 1952, I.C.J. Reports 1952, P. 93.

[692] *Bishop Wm. W.* The Anglo-Iranian Oil Company Case // The American Journal of International Law. – Vol. 45. – No. 4 (Oct., 1951). – P. 752.

Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии на основании своего права дипломатической защиты обратилось в Международный Суд ООН, опираясь в качестве юрисдикционного основания на одностороннее заявление Ирана от 1932 г.[693] В нем содержалась следующая формулировка, попавшая в дальнейшем под пристальный анализ Суда: «Имперское правительство Персии признает обязательной … юрисдикцию Постоянной Палаты Международного Правосудия … по всем спорам, возникшим после ратификации настоящего заявления в связи с ситуациями или фактами, прямо или косвенно связанными с договорами или конвенциями, принятыми Персией, последовавшими за ратификацией настоящего заявления». Представляется необходимым привести отрывок текста одностороннего заявления на английском языке, из которого более наглядно видны различные варианты прочтения его смысла: «… *with regard to situations or facts relating directly or indirectly to the application of treaties or conventions accepted by Persia and subsequent to the ratification of this declaration*»[694].

Стороны предложили два взаимоисключающих варианта понимания текста указанного заявления. Иран полагал, что юрисдикция распространяется лишь на договоры, заключенные после принятия упомянутого заявления. Напротив, Великобритания настаивала на необходимости учета Судом и более ранних договоров: по ее мнению, временно́е ограничение относилось к «ситуациям или фактам», а не к «договорам или конвенциям». Иными словами, Великобритания полагала, что споры должны относиться к ситуациям и фактам, которые, в свою очередь, должны удовлетворять двум критериям: 1) быть связанными с принятыми Персией международными договорами и 2) возникнуть после ратификации одностороннего заявления.

---

[693] *Вылегжанин А.Н., Алферьева К.Е.* Вклад Международного Суда ООН в развитие между народного экономического права. // Московский журнал международного права. – № 3 (103), 2016. – С. 33.

[694] *Anglo-Iranian Oil Co. case (United Kingdom v. Iran)*, Jurisdiction, Judgment of July 22nd 1952, I.C.J. Reports 1952, P. 103.

Таким образом, в данном деле одним из ключевых вопросов для Суда являлось то, распространяется ли его юрисдикция на споры, вытекающие из договоров, которые были заключены до того, как Ираном было принято одностороннее заявление в соответствии с п. 2 ст. 36 Статута[695]. Суд отметил, что как положительный, так и отрицательный ответ на поставленный вопрос не противоречит тексту иранского заявления, и согласился с тем, что оба варианта (в английском тексте заявления это прослеживается особенно отчетливо) в равной степени имеют право на существование согласно грамматическому толкованию его положений[696].

Однако Суд подчеркнул, что он не может основываться исключительно на грамматическом толковании, а должен стремиться найти такое, которое будет находиться в гармонии с естественным и обоснованным прочтением документа («заявление должно толковаться в текущей формулировке с учетом фактически использованных слов»[697]), а также должным образом учитывать намерения Ирана в тот момент, когда он его формулировал[698]. Причина данного подхода, как представляется, заключается именно в том, что заявление является составленным «в одностороннем порядке» документом, в связи с чем намерениям составившего его государства должно придаваться особое значение[699].

Суд отказался прибегать к расширительному толкованию (для которого, по его мнению, Великобритания не смогла представить особых и четких оснований), ориентируясь на выявление намерения Ирана в момент

---

[695] *Вылегжанин А.Н., Алферьева К.Е.* Вклад Международного Суда ООН в развитие между народного экономического права. // Московский журнал международного права. – № 3 (103), 2016. – С. 33.

[696] *Anglo-Iranian Oil Co. case (United Kingdom v. Iran)*, Jurisdiction, Judgment of July 22nd 1952, I.C.J. Reports 1952, P. 104 (“If the Declaration is considered from a purely grammatical point of view, both contentions might be regarded as compatible with the text”).

[697] *Ibidem*, P. 105 (“This Declaration must be interpreted as it stands, having regard to the words actually used”).

[698] *Ibidem,* P. 104.

[699] *Fitzmaurice M.* International Court of Justice, Optional Clause // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2011.

составления заявления. Суд усмотрел основания для формулирования его в весьма ограничительном ключе, так как в тот период Иран «денонсировал все договоры с другими государствами, имеющие отношение к режиму капитуляций, но не был уверен в отношении правовых последствий этих односторонних денонсаций» [700]. Международный Суд сделал следующий вывод: «маловероятно, что правительство Ирана в таких условиях имело намерение по собственной инициативе соглашаться» на передачу споров, связанных с такими договорами, на рассмотрение Суду посредством положений одностороннего заявления. Для подтверждения данной позиции Суд обратился и к иранскому закону от 14 июля 1931 г., в котором указывалось, что Меджлис одобрил заявление о признании юрисдикции Суда с рядом условий, одно из которых было изложено следующим образом: «в отношении всех споров, возникающих из ситуаций или фактов, прямо или косвенно связанных с осуществлением договоров и конвенций, которые правительство примет после ратификации заявления»[701].

Важным в данном решении является то, Суд рассмотрел *in concreto* вопрос о применимости правил толкования международных договоров к односторонним заявлениям государств. Правительство Великобритании утверждало, что если бы заявление действительно имело смысл, придаваемый ему Ираном, то некоторые слова были бы излишними, так как юридический текст следует толковать таким образом, чтобы придать каждому слову причину и смысл. Суд подтвердил, что данный принцип действительно применим при толковании текста договора. Однако, как отметил Суд, «текст иранского заявления не является договорным текстом, вытекающим из переговоров между двумя или более государствами. Он является результатом его одностороннего составления правительством Ирана, которое, как представляется, проявило особую осторожность при подготовке его текста».

---

[700] *Anglo-Iranian Oil Co. case (United Kingdom v. Iran)*, Jurisdiction, Judgment of July 22nd 1952, I.C.J. Reports 1952, P. 105.
[701] *Ibidem,* P. 106.

Суд признал, что Иран, «возможно, включил *ex abundanti cautela*[702] слова, которые, строго говоря, могут показаться излишними». Но данная осторожность, по мнению Суда, объясняется упомянутыми ранее особыми причинами, побудившими правительство Ирана составить заявление в ограничительном ключе. Суд отметил, что, в отличие от правил толкования международных договоров, в рассматриваемом случае придание значения каждому слову текста не требовалось[703]. В итоге Суд признал отсутствие юрисдикции рассматривать спор, согласившись с доводами ответчика.

Таким образом, данное решение является примером того, как Международный Суд ООН принялся анализировать намерения соответствующего государства лишь после того, как изначальное обращение к самому тексту заявления не дало однозначного ответа[704]. Указание Судом на необходимость толкования текста заявления «в текущей формулировке» является подтверждением данного подхода, при котором главенствующую роль играет текст.

Данный подход получил и дальнейшее подтверждение в практике Суда. Достаточно наглядным является *дело о юрисдикции в отношении рыболовства* (Испания против Канады)[705], в котором рассматривались намерения Канады посредством анализа текста ее заявлений по п. 2 ст. 36 Статута. Суд заключил,

---

[702] Лат.: «из чрезмерной осторожности».

[703] *Anglo-Iranian Oil Co. case (United Kingdom v. Iran)*, Jurisdiction, Judgment of July 22nd 1952, I.C.J. Reports 1952, P. 105 ("[The Government of Iran] appears to have inserted, *ex abundanti cautela*, words which, strictly speaking, may seem to have been superfluous. This caution is explained by the special reasons which led the Government of Iran to draft the Declaration in a very restrictive manner. […] It is reasonable to assume, therefore, that when the Government of Iran was about to accept the compulsory jurisdiction of the Court, it desired to exclude from that jurisdiction all disputes which might relate to the application of the capitulatory treaties, and the Declaration was drafted on the basis of this desire. In the light of these considerations it does not seem possible to hold that the term "*traités ou conventions*", used in the Declaration, could mean treaties or conventions concluded at any time, as contended by the Government of the United Kingdom").

[704] *Orakhelashvili A.* Anglo-Iranian Oil Company Case // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. – Oxford: Oxford University Press, 2007.

[705] *Fisheries Jurisdiction (Spain v. Canada)*, Jurisdiction of the Court, Judgment, I.C.J. Reports 1998, P. 432.

что намерение государств неразрывно связано с текстом документов, которые они принимают, тем самым подтверждая преобладание текста заявления.

Обстоятельства данного дела заключались в следующем: 9 марта 1995 г. испанское рыболовное судно «Эстай» (*"Estai"*) было досмотрено канадскими властями на расстоянии 245 миль от канадского берега и задержано, после чего разразилась настоящая «рыбная война ЕС и Канады»[706] (соответствующие ноты протеста были направлены Канаде Испанией и Европейским сообществом в целом). Уже 28 марта 1995 г. Испания подала обращение в Международный Суд ООН против Канады[707].

Так как основой для юрисдикции Суда служили заявления спорящих сторон в соответствии с п. 2 ст. 36 Статута Международного Суда ООН, то обращение Испании в Суд было тщательно сформулировано так, чтобы «обойти» условие, содержащееся в заявлении Канады[708]. Незадолго до возникновения спора (10 мая 1994 г.) последнее было дополнено пунктом 2d следующего содержания: «споры, возникающие из или касающиеся мер по сохранению или управлению, принятых Канадой в отношении судов, ведущих рыболовный промысел в конвенционном районе НАФО, как он определен в Конвенции о будущем многостороннем сотрудничестве в области рыболовства в северо-западной части Атлантического океана 1978 г., и принудительного применения таких мер»[709].

---

[706] Газета «Коммерсантъ» № 64 от 08.04.1995 г., Рыбная война Канады и ЕС. // URL: https://www.kommersant.ru/doc/106239 (дата обращения: 04.02.2023); Газета «Коммерсантъ» №47 от 16.03.1995 г., Мир озабочен рыбной проблемой. // URL: https://www.kommersant.ru/doc/104355 (дата обращения: 04.02.2023).

[707] *Fisheries jurisdiction (Spain v. Canada),* Application instituting proceedings, filed in the registry of the Court on 28 march 1995, General List No. 96. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/96/7197.pdf (дата обращения: 04.02.2023).

[708] *Kwiatkowska B.* Fisheries Jurisdiction (Spain v. Canada), Jurisdiction // The American Journal of International Law. – Vol. 93. – No. 2 (Apr., 1999). – P. 503.

[709] *См. также: Бекяшев Д.К.* Современные международно-правовые проблемы рыболовства. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право / Д.К. Бекяшев: Научный консультант д.ю.н., профессор Вылегжанин А.Н. Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – Москва, 2017. – С. 88.

В этой связи Испания характеризовала спор как возникший не из осуществляемых Канадой «мер по сохранению или управлению» (*"conservation and management measures"*), а из неправомерного установления Канадой с помощью внутреннего законодательства своей юрисдикции в открытом море.

Толкование сторонами упомянутого условия, а также понимание применимых к данному процессу норм международного права, различалось. Испания, настаивавшая на наличии у Суда юрисдикции рассматривать дело, указывала на необходимость толкования условий, содержащихся в заявлениях, таким образом, чтобы они не подрывали систему обязательной юрисдикции Суда. Испания акцентировала и применимость в данной связи принципа эффективности, предполагающего необходимость учета предмета и цели заявления, а именно – признания обязательной юрисдикции Суда. Более того, по ее мнению, предложенное Канадой толкование данного условия противоречило общему международному праву и потому не должно было быть признано.

Суд повторил свою правовую позицию о том, что толкование заявлений по п. 2 ст. 36 Статута со всеми содержащимися в них условиями направлено на установление наличия согласия государства на юрисдикцию Суда в таких пределах, которые оно самостоятельно определило. Таким образом, условия, по мнению Суда, не умаляют уже имеющегося более широкого признания юрисдикции, а, скорее, определяют его параметры. В этой связи Суд вновь отказался толковать их ограничительно[710].

Суд повторил, что к заявлениям, сделанным государствами согласно п. 2 ст. 36 Статута, ввиду их одностороннего характера не вполне применим режим толкования, установленный Венской конвенцией о праве международных

---

[710] *Fisheries Jurisdiction (Spain v. Canada)*, Jurisdiction of the Court, Judgment, I.C.J. Reports 1998, Para. 44; *Tomuschat C.* Article 36 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 767.

договоров, и вновь указал на необходимость толкования заявления «естественным и разумным путем»[711], учитывая намерения сделавшего его государства в то время, когда оно признало обязательную юрисдикцию Суда, и цель включенного в него условия[712]. Суд подтвердил важность принципа эффективности в праве международных договоров и собственной практике, однако отметил, что применительно к условиям односторонних заявлений первостепенную роль играет именно толкование их способом, совместимым с эффектом, к которому стремилось соответствующее государство. Суд также отклонил довод Испании о том, что при наличии неясности в тексте он должен толковаться не в пользу составившей его стороны (т.н. принцип «*contra proferentem*»).

Таким образом, для установления намерений Канады в момент принятия новой редакции одностороннего заявления в своем решении Суд (что примечательно, прежде чем перейти к рассмотрению конкретных формулировок пункта 2d заявления) обратился к анализу публичных заявлений канадских министров, парламентских дебатов, законодательных инициатив и сообщений печати. Сперва Суд отметил связь между новым подпунктом 2d заявления Канады и ее новым законодательством об охране прибрежного рыболовства, что подтверждалось содержанием парламентских дебатов и заявлений властей. Из них ясно следовало желание исключить из юрисдикции Международного Суда ООН вопросы, которые могли бы возникнуть в отношении международной законности измененного законодательства и его применения. Только после этого Суд перешел к детальному анализу самой формулировки условия («споры, возникающие из

---

[711] *Ibidem*, Para. 47-49 (цитируя следующие дела: *Anglo-Iranian Oil Co. case (United Kingdom v. Iran)*, Jurisdiction, Judgment of July 22nd 1952, I.C.J. Reports 1952, P. 104, 105, 107; *Case of Certain Norwegian Loans (France v. Norway)*, Judgment of 6 July 1957, I.C.J. Reports 1957, P. 27; *Aegean Sea Continental Shelf (Greece v. Turkey)*, Jurisdiction of the Court, Judgment, I.C.J. Reports 1978, P. 69).

[712] *Ibidem*, Para. 49, 54.

или касающиеся», «меры по сохранению и управлению», «принудительное применение таких мер»).

Что касается доводов Испании о противоречии включенного Канадой условия международному праву, то Суд отметил наличие некой «путаницы» в используемых понятиях. Суд признал, что государства могут ограничивать его юрисдикцию условиями по различным причинам, «иногда именно потому, что они осознают уязвимость своей позиции или политики». Международный Суд подчеркнул необходимость разнесения двух понятий: признания государством юрисдикции Суда (требующего наличия согласия) и соответствия конкретных действий нормам международного права (что может быть определено Судом лишь при рассмотрении вопроса по существу уже после установления юрисдикции). Иными словами, Суд постановил, что при толковании соответствующих условий односторонних заявлений не следует учитывать правомерность в соответствии с международным правом актов, исключенных из юрисдикции Суда [713]. Как отметил председатель Суда С. Швебель в своем особом мнении к постановлению по *делу «Никарагуа» (юрисдикция и подсудность)*: «Если бы государства посредством условий могли ограничивать юрисдикцию Суда лишь в тех случаях, когда их меры или действия являются неоспоримо законными, и не ограничивать ее в случаях, когда их меры или действия незаконны или потенциально незаконны, смысл включения таких условий, по большому счету, пропал бы»[714].

Такое прямое указание в решении Международного Суда и особых мнениях на то, что неправомерность согласно международному праву каких-

---

[713] *Ibidem*, Para. 54 (“In point of fact, reservations from the Court's jurisdiction may be made by States for a variety of reasons; sometimes precisely because they feel vulnerable about the legality of their position or policy. Nowhere in the Court's case-law has it been suggested that interpretation in accordance with the legality under international law of the matters exempted from the jurisdiction of the Court is a rule that governs the interpretation of such reservations”); См. также: *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1984, P. 418.

[714] *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1984, Separate Opinion of President Schwebel, Para. 4.

либо действий, указанных в условии, ограничивающем юрисдикцию Суда, не должна учитываться при его толковании ввиду смешения понятий законности рассматриваемых действий и согласия государства на юрисдикцию, стало новым и важным в практике Суда[715]. Однако несогласие с большинством по данному вопросу, особенно в контексте, когда в одностороннем заявлении четко предусматривались незаконные действия, оспариваемые по существу, побудило вице-председателя Суда К. Вирамантри, судей М. Беджауи, Р. Рандзева и В.С. Верещетина, а также назначенного Испанией судью *ad hoc* Т. Бернардеса выступить с несовпадающими особыми мнениями.

Вопросы толкования односторонних заявлений были поставлены перед Судом и в *деле, касающемся воздушного инцидента 10 августа 1999 г.*[716] Пакистан охарактеризовал содержащееся в заявлении Индии условие в отношении Содружества Наций как «устаревшее», «утратившее смысл» и направленное в тот момент времени только против Пакистана. Суд, толкуя «соответствующие слова заявления о признании юрисдикции, [включая содержащиеся в нем условия], естественным и разумным образом, с должным учетом намерений соответствующего государства на момент признания обязательной юрисдикции Суда», отметил, что в четырех заявлениях, сделанных Индией со времен ее независимости в 1947 г., было выражено намерение включить рассматриваемое условие *ratione personae*. Хотя Суд признал, что исторические причины для первоначального включения условия, касающегося Содружества Наций, могли измениться или исчезнуть, такие соображения, по мнению Суда, не могут преобладать над намерением государства, которое выражено в тексте его заявления. Суд заключил: «каковы бы ни были причины такого ограничения, Суд обязан его соблюдать».

---

[715] *Kwiatkowska B.* Fisheries Jurisdiction (Spain v. Canada), Jurisdiction // The American Journal of International Law, Vol. 93, No. 2 (Apr., 1999), P. 507.

[716] *Aerial Incident of 10 August 1999 (Pakistan v. India)*, Jurisdiction of the Court, Judgment, I.C.J. Reports 2000, P. 29, Para. 37.

Таким образом, особая природа заявлений, сделанных в рамках системы факультативной клаузулы, не раз ставила перед Судом вопросы относительно того, какие правила толкования к ним применимы. И, хотя в *деле о юрисдикции в отношении рыболовства (Испания против Канады)*[717] Суд и начал свой анализ с описания обстоятельств, сопутствовавших принятию нового законодательства и одностороннего заявления, он детально изучал содержавшиеся в нем условия. Именно формулировки данных условий, использованные в одностороннем заявлении, Суд рассматривал как наилучшее выражение намерений государства. Этот подход стал еще более наглядным в контексте анализа одностороннего заявления Индии, содержащего условие относительно Содружества Наций[718]. В то же время, хотя к заявлениям напрямую и не применяются правила толкования международных договоров, принцип добросовестности должен все равно учитываться.

Резюмируя Главу 4, следует отметить, что система «факультативной клаузулы» явилась компромиссным решением на этапе формирования межгосударственного органа правосудия, поскольку многие государства были не готовы к признанию его универсальной обязательной юрисдикции для всех государств-участников Статута. Хотя, по мнению ученых[719], изначально предполагалось, что по мере увеличения числа односторонних заявлений такая универсальная система обязательной юрисдикции сформируется, условия, в которых происходило ее становление, снизили ее эффективность. Негативными факторами стали, главным образом, отсутствие доверия со стороны ряда правительств к международным судебным решениям, практика включения в односторонние заявления различных условий (зачастую

[717] *Ibidem*, P. 432.
[718] *Aerial Incident of 10 August 1999 (Pakistan v. India)*, Jurisdiction of the Court, Judgment, I.C.J. Reports 2000, P. 29, Para. 37.
[719] *Crawford J.* Brownlie's Principles of Public International Law. – 8th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 727 – 728.

неоднозначных), а также «тактические преимущества» нахождения за рамками системы.

Наличие «одностороннего» и «договорного» элемента системы «факультативной клаузулы» послужили причиной дискуссии о ее правовой природе. Ни Суд, ни юристы-международники на настоящий момент не пришли к четкому и единообразному определению заявления в рамках системы «факультативной клаузулы» и его соотношения с международными договорами[720], тогда как другие виды выражения согласия государств на юрисдикцию Суда (специальные соглашения, юрисдикционные клаузулы международных договоров) не вызывают особых дебатов об их сущности и содержании в юридической литературе.

Суд в своей практике пришел к выводу о том, что односторонние заявления государств о признании обязательной юрисдикции Международного Суда являются инструментами особого рода (лат. *sui generis*), и при их толковании применял положения Венской конвенции о праве международных договоров, но лишь в той мере, в которой они соотносились с особым характером односторонних заявлений. Баланс, достигнутый в практике Суда, является выверенным: с одной стороны, приоритетное значение для Суда имеет намерение государства, сделавшего данное одностороннее заявление, с другой – «наилучшим» для Суда отражением такого намерения является текст соответствующего одностороннего заявления; хотя Суд при этом исследовал и контекст, в котором такое заявление делалось.

---

[720] *Fitzmaurice M.* The Optional Clause System and the Law of Treaties: Issues of Interpretation in Recent Jurisprudence of the International Court of Justice. // Australian Year Book of International Law. – Vol. 20. – 1999. – P. 155.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В производстве международных судебных инстанций определяющую роль играют **вопросы юрисдикции**, то есть вопрос о наличии у международного суда полномочия вынести решение, имеющее обязательную силу, по существу и конкретным обстоятельствам рассматриваемого дела. От подходов, применяемых судебными органами к установлению наличия или отсутствия их юрисдикции, зачастую зависит не только исход конкретного дела, но и степень доверия со стороны государств к тому или иному суду, формирование политической воли на задействование такого суда в будущем для разрешения споров. В этой связи вопросы юрисдикции «главного судебного органа Объединенных Наций» – Международного Суда ООН – имеют особый юридико-политический вес.

В диссертации сделан ряд выводов по итогам исследования.

– Использование **понятия «юрисдикция Международного Суда ООН»** в Уставе ООН (в т.ч. в Статуте Суда), иных документах (в том числе в решениях Суда) и в международно-правовой литературе является неоднородным с точки зрения придаваемых данному понятию значений. В этой связи автором предложено следующее научное определение. Под юрисдикцией Международного Суда ООН понимаются два взаимосвязанных набора его полномочий выносить решение, имеющее обязательную силу, по правовому спору между конкретными государствами, выразившими согласие на его рассмотрение Судом на основании норм международного права: а) юрисдикция в «широком» смысле (определяемая Статутом Суда и предоставляющая ему потенциальное полномочие рассматривать определенные категории дел) и б) юрисдикция в «узком» смысле (специальная, определяемая волеизъявлением сторон в отношении данного спора и предоставляющая Суду целевое полномочие урегулировать конкретный спор). Суд рассматривает спор только в случае, если таковой подпадает под его юрисдикцию в «широком» и «узком» смысле.

Категоризацию юрисдикции на «юрисдикцию по спорным делам» и «консультативную юрисдикцию» предложено считать терминологически неточной. Более оправданным является использование термина «юрисдикция» только в отношении споров, переданных Суду государствами, а контексте вынесения им консультативных заключений целесообразно применять термин «компетенция».

– Определено, что основой юрисдикции Международного Суда ООН является **согласие на нее со стороны государств**, что отражает принцип суверенитета. В этой связи Суд большое внимание уделяет изучению оснований для его юрисдикции при рассмотрении конкретного дела. Эти основания перечислены в ст. 36 Статута Суда, они равны по юридической силе и последовательно рассматриваются в диссертационном исследовании с точки зрения их содержания, сферы их применения на практике, а также проблематики толкования. Международный Суд ООН в своей практике с большим вниманием относится к вопросам установления наличия согласия государств на его юрисдикцию, стремясь сохранить баланс при толковании соответствующих юрисдикционных оснований.

– Установлено, что под **специальным соглашением** понимается заключенный между двумя или более государствами договор о передаче конкретного спора Суду для принятия решения, имеющего обязательную силу, с согласием таких государств, явным или подразумеваемым, выполнить это решение. Определяющей чертой специального соглашения указывается его природа *ad hoc*. Преимущества данного способа передачи споров в Международный Суд ООН для государств состоят, прежде всего, в большей правовой определенности (включая возможность регулирования объема передаваемых на рассмотрение Суда вопросов, используемых им источников права и т.д.), неконфронтационном характере процесса, заинтересованности сторон в исполнении решения.

– **Сфера применения специальных соглашений** в последнее время сузилась: из 18 дел, находящихся на рассмотрении Суда на настоящий момент

(февраль 2024 г.), лишь три были переданы ему на основании специального соглашения, а с 1946 г. посредством специальных соглашений Суду было передано 19. При анализе влияющих на сферу применения специальных соглашений негативных факторов выявлены следующие: практическая применимость преимущественно к территориальным разногласиям или спорам, в разрешении которых обе стороны проявляют заинтересованность, нежели к геополитическим международным противоречиям; возможная неопределенность в вопросе о правовой природе заключаемого между сторонами документа, а также потенциальные разночтения касательно предмета спора.

– При **толковании специальных соглашений** (или сходных с ними документов) Международный Суд ООН детально анализирует не только конкретные положения документа, используемого в качестве юрисдикционного основания, но и обстоятельства его составления, применяя при этом правила толкования международных договоров.

– Под **юрисдикционной клаузулой** в международном праве понимается положение международного договора, в соответствии с которым государства соглашаются с тем, что связанные с данным договором споры между ними могут быть в одностороннем порядке переданы Суду на рассмотрение, а его решения будут иметь для сторон спора обязательную силу. На основе изучения статистических данных сделан вывод о том, что в Суд поступает все больше обращений, поданных в соответствии с юрисдикционными клаузулами многосторонних договоров – их количество составляет более трех четвертей находящихся на рассмотрении Суда дел на настоящий момент (февраль 2024 г.), что обусловливает особое внимание данному юрисдикционному основанию, уделенное в диссертационном исследовании. Поскольку категория юрисдикционных клаузул является неоднородной ввиду их неразрывной связи с международными договорами, также разнящимися по предмету и целям, исследованы различные основания их классификации в профильной литературе. Наиболее важной с практической точки зрения

представляется классификация юрисдикционных клаузул в зависимости от типа содержащего их международного договора, поскольку она позволяет выявить существенное отличие в механизме их действия.

– Хотя юрисдикционные клаузулы чаще всего используются для передачи споров в Международный Суд ООН, **сфера их применения** ограничена ввиду следующих факторов: небольшого количества «эффективных» юрисдикционных клаузул; подписания государствами международных договоров с оговорками, касающимися юрисдикционных вопросов; использования юрисдикционных клаузул применительно к ситуациям, лишь косвенно относящимся к предмету регулирования соответствующих международных договоров; нестабильности системы юрисдикционных клаузул международных договоров; проблем, сопряженных с необходимостью установления Судом фактов при рассмотрении дел на основе юрисдикционных клаузул специализированных международных договоров.

– При анализе сферы применения юрисдикционных клаузул выявлено, что государства более не заключают новые договоры, содержащие юрисдикционные клаузулы, а в практике Суда была задействована лишь десятая их часть. Констатируется обратная зависимость между объемом полномочий, предоставляемых Суду в соответствии с юрисдикционной клаузулой, и количеством государств, ставших сторонами соответствующего соглашения. Однако незначительное количество ратификаций договора, предусматривающего юрисдикцию Международного Суда, не означает его неэффективность, что подтверждается примерами из практики.

– Позиция Суда о допустимости оговорок, касающихся юрисдикционных клаузул договоров, содержащих нормы *jus cogens*, представляется взвешенной, в то время как ее критика некоторыми западными учеными – необоснованной. Во-первых, сам факт того, что спор касается соблюдения нормы *jus cogens*, не отменяет фундаментального принципа наличия согласия государства на юрисдикцию. Во-вторых, вывод западных ученых о недействительности таких оговорок поднимает вопрос об их «отделимости»

от общего согласия государства в отношении договора в целом, а с учетом традиционного уважения Судом принципа согласия государств предлагаемый подход, скорее, повлек бы сокращение числа государств, связанных материально-правовыми положениями договоров, содержащих нормы *jus cogens*, что явилось бы крайне нежелательным последствием.

– Ограниченное число международных договоров с эффективными (т.е. успешно задействовавшимися на практике) клаузулами «компенсируется» общим характером используемых в них формулировок. Практические последствия данного факта: непредвиденность использования юрисдикционных клаузул для государства-ответчика и вероятность «втягивания» в длительные процессы (даже при эвентуальном признании Судом отсутствия юрисдикции); искусственное ограничение предмета спора и, как следствие, сложности определения применимого права. Последний вопрос является особенно актуальным в спорах, основанных на юрисдикционных клаузулах. Проведенный в диссертационном исследовании анализ практики позволяет прийти к выводу о том, что в большинстве ситуаций Суд стремится использовать нормы обычного международного права, если они могут способствовать урегулированию спора относительно применения соответствующего договора. Данный подход представляется взвешенным, хотя и не лишенным рисков расширительного толкования положений международных договоров, в особенности в ситуациях, когда государство-истец использует юрисдикционную клаузулу международного договора для передачи в Суд спора с более «обширным» предметом.

– Ввиду значения принципа согласия государств на юрисдикцию Международного Суда ООН весьма важно обеспечивать сбалансированный подход Суда к вопросам ее установления, в том числе ввиду потенциальных злоупотреблений юрисдикционными клаузулами международных договоров для передачи в Суд споров политического характера, лишь отдаленно связанных с задействованным для этой цели договором. Необходимость соблюдения баланса и недопущения судейского активизма касается и задачи

определения четких правовых рамок применения международного обычая в ситуациях, когда спор передается на рассмотрение Суда на основании факультативной клаузулы конкретного международного договора. Это обусловлено обеспечением основополагающего принципа юрисдикции Международного Суда ООН – согласия сторон на ее осуществление. Кроме того, при принятии решений о подаче в Суд заявлений в отсутствие достаточных юрисдикционных оснований для создания «политического резонанса» должны оцениваться возможные негативные последствия данного шага для государства-заявителя.

– Изученная практика Суда демонстрирует неполное задействование имеющихся механизмов для всеобъемлющего процесса установления фактов, особенно в контексте многосторонних договоров в области защиты и поощрения прав человека, которые все чаще используются для обоснования юрисдикции Суда. «Выезд на место» судей – проведенный единожды за время существования Суда – мог бы стать действенным инструментом для доведения до Судей более точной информации о вопросах факта. В то же время отмечены сложности в плане организации таких визитов с учетом требуемых ресурсов (прежде всего финансовых), а также необходимости политической воли и сотрудничества сторон спора.

– Альтернативный способ – назначение Судом комиссии экспертов для осуществления визита и изучения на месте фактов – предполагает «делегирование» Судом своих полномочий и получение информации «из третьих рук», ставит вопрос об их подборе с учетом требуемых знаний, признанного авторитета в соответствующей области и беспристрастности. Непрозрачной, не соответствующей духу открытости и справедливости международного судопроизводства представляется текущая практика задействования Судом «невидимых экспертов» – временных сотрудников Секретариата Суда, дающих внутренние заключения.

– Редкое использование механизма визитов на место в контексте увеличения числа дел, связанных с юрисдикционными клаузулами договоров

в сфере защиты и поощрения прав человека, может привести к неприемлемой ситуации использования Судом выводов, установленных третьими сторонами (например, неправительственными организациями), в отсутствие возможности их верификации или осуществления контроля в отношении подбора лиц, которыми осуществляется сбор и анализ доказательств и т.д. Для того, чтобы судьи Международного Суда обладали первичной информацией, могли получить собственное представление о ситуации на определенной территории, ее исторических, культурных и иных особенностях, целесообразной видится организация визитов судей (при гарантированной безопасности) в наиболее сложных делах с точки зрения установления фактов. Одновременно представляется необходимым расширять практику задействования назначаемых Судом экспертов, а также уточнить механизм привлечения внутренних («невидимых») экспертов.

– Что касается **толкования Международным Судом юрисдикционных клаузул**, то на основе практики Суда с участием Российской Федерации наглядно продемонстрировано, что Суд применял общее правило толкования, закрепленное в Венской конвенции о праве международных договоров, в первую очередь ориентируясь на контекст, в котором используются термины клаузулы, и далее анализируя их относительно объекта и цели договора. Важное значение при этом уделялось принципу эффективности. Суд не поддержал предложения о применении существенно более низкого «порога» для установления его юрисдикции при толковании договоров в сфере защиты и поощрения прав человека под «предлогом» необходимости эволютивного толкования ввиду их особого объекта и целей, не учитывающего намерения государств при заключении соответствующих договоров. Как недочет, присущий позиции Суда в отношении толкования статьи 22 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, выявлена непоследовательность Суда в вопросе об обращении к подготовительным документам Конвенции. Востребована большая ясность в аргументации Суда

по неоднозначному вопросу об альтернативности или кумулятивности содержащихся в статье 22 предварительных условий.

– Позиция Международного Суда об отсутствии требования исчерпания конвенционных механизмов урегулирования спора имеет правовые и политические последствия. Во-первых, наблюдается рост использования Международной конвенции о ликвидации расовой дискриминации все большим числом государств для передачи в Суд споров, порой имеющих лишь косвенное отношение к данной проблематике. Во-вторых, имеются риски маргинализации мониторинговой системы этой Конвенции, в том числе Комитета конвенции. Высказана критика в адрес некоторых западных юристов-международников, характеризующих данные конвенционные процедуры как «бесполезные».

– Юрисдикционные клаузулы играют важную роль и используются в качестве основания в подавляющем большинстве дел в Международном Суде ООН, а их совокупность в некотором смысле стала основой для нового пути к обязательной юрисдикции Международного Суда – хотя и не такой, какая предполагалась «отцами-основателями» Постоянной Палаты Международного Правосудия и Международного Суда, возлагавшими надежды на систему «факультативной клаузулы».

– Юрисдикция на основе **принципа *forum prorogatum*** также предполагается в п. 1 статьи 36 Статута и может быть установлена Судом в ситуации, когда в момент передачи спора только одна сторона официально изъявила согласие на его юрисдикцию в деле, а вторая выразила его (в том числе конклюдентными действиями) лишь после подачи против нее заявления (даже если оно содержит порок юрисдикционного основания). Данный принцип встречается в практике Суда редко и потому изложен в диссертационном исследовании в описательном ключе. Основной практической трудностью, обусловливающей его **узкую сферу применения**, является отсутствие согласия ответчика. Однако даже при его наличии и рассмотрении Судом соответствующего заявления возникает ряд проблемных

аспектов: определение четких рамок предмета спора, на рассмотрение которого выражено согласие сторон, и отсутствие четких требований к форме выражения согласия на юрисдикцию Суда в рамках принципа *forum prorogatum*. Ввиду отсутствия ограничений в отношении формы выражения согласия Суд занимает позицию, что таковое должно быть абсолютно однозначным, и уделяет большое внимание **при толковании** и исследовании документов и действий государства-ответчика для установления объема его согласия.

– Государствам, предпринимающим попытку передать спор в Международный Суд ООН на основании *forum prorogatum*, целесообразно уделять особое внимание точному формулированию предмета спора в изначальном заявлении во избежание отказа Суда рассматривать не упомянутые в нем факты и требования. При этом для государств-ответчиков по таким заявлениям представляется важным избегать поспешных действий или формулировок, которые могут быть истолкованы Судом как безотзывное признание его юрисдикции. Отмечаются сопутствующие рассматриваемому основанию для юрисдикции Суда риски политизации международного судопроизводства и его использование для передачи в Суд споров без реальных правовых оснований исключительно в политических целях.

– Механизм **односторонних заявлений государств о признании юрисдикции Суда** согласно п. 2 и 5 ст. 36 Статута также называется в юридической литературе системой «факультативной клаузулы» или обязательной юрисдикции Суда. Однако последнее обозначение является неточным и не должно восприниматься буквально, поскольку система «факультативной клаузулы» предусматривает обязательство признавать юрисдикцию Суда лишь теми государствами, которые сделали соответствующее одностороннее заявление. Принцип согласия не абсолютен даже в контексте односторонних заявлений: хотя государство не обязано признавать юрисдикцию Суда в большей степени, нежели оно того желает (посредством установления любых ограничений или условий), как только оно

взяло на себя обязательства на определенный срок (или установило условие предварительного уведомления за определенный срок), оно больше не свободно в этот период вводить новые ограничения или запреты, а также отзывать свое согласие.

– Общепризнанное **определение понятия системы «факультативной клаузулы»** в юридической литературе отсутствует, поскольку оно неразрывно связано с ее правовой природой, дискуссии о которой продолжаются в научных кругах. Предлагаемые различные характеристики правовой природы, делающие «уклон» в сторону применимости или, напротив, неприменимости к односторонним заявлениям в рамках системы «факультативной клаузулы» права международных договоров, представляются несбалансированными. Предложенная Международным Судом характеристика рассматриваемой системы как механизма особого рода (*sui generis*), образующегося из одностороннего и договорного компонентов, является наиболее соответствующей действительности.

– По предположениям «отцов-основателей» Международного Суда, по мере увеличения числа односторонних заявлений должна была сформироваться полноценная универсальная система его обязательной юрисдикции. Однако ряд факторов снизил эффективность и **сферу применения системы «факультативной клаузулы»**, а именно: высокий уровень нестабильности (простота процедуры изменения и отзыва односторонних заявлений), практика заявлений с включением различных условий, а также «тактические преимущества» нахождения за рамками системы. Круг участников системы «факультативной клаузулы» является ограниченным (немногим более трети государств-членов ООН, в т.ч. одно государство-постоянный член Совета Безопасности ООН). Кроме того, включаемые в заявления условия сужают число случаев, когда на их основе может быть установлена юрисдикция Суда, а также усложняют всю систему «факультативной клаузулы» и юрисдикционную стадию рассмотрения

конкретного спора (ввиду трудностей применения и/или спорного статуса некоторых видов условий).

– Условия, содержащиеся в односторонних заявлениях государств, зачастую выходят за рамки двух типов, указанных в Статуте Суда, что, однако, было признано Судом правомерным. Анализируются три основных категории условий: *ratione temporis*, *ratione personae* и *ratione materiae*. Обосновывается тезис о том, что термин «оговорки», используемый в англоязычной литературе в данном контексте, является юридически некорректным, поскольку может давать ложное представление о «договорном» характере односторонних заявлений. С опорой на позицию российских юристов-международников и практику Суда выражается несогласие с некоторыми западными учеными, характеризующими автоматические (или субъективные) условия, указывающие на возможность государств самостоятельно определять спор как подпадающий под их внутреннюю компетенцию, как «неправомерные».

– При **толковании односторонних заявлений государств в рамках системы «факультативной клаузулы»** Международный Суд применял положения Венской конвенции о праве международных договоров лишь в той мере, в которой они соотносились с особым характером таких заявлений. С одной стороны, в русле принципов толкования актов одностороннего характера, Суд придавал приоритетное значение намерениям государства, сделавшего одностороннее заявление (учитывая эффект, которого стремилось достичь государство посредством включения тех или иных условий), не применял к ним требование об истечении какого-либо срока с момента передачи заявления депозитарию (содержащееся в ст. 78 (c) Венской конвенции о праве международных договоров). С другой стороны, Суд учитывал отдельные нормы и принципы, характерные для права международных договоров (подчеркнуто в рамках, не противоречащих особому характеру односторонних заявлений), а именно: преимущественно текстуальный анализ формулировок соответствующего одностороннего заявления как наиболее точного отражения намерений государства (хотя

Судом изучался и контекст, в котором такие заявления делались), важная роль принципа добросовестности (в части необходимости соблюдения разумного срока для отзыва имеющего бессрочный характер заявления по аналогии с правом международных договоров).

– Конкретные и детальные формулировки условий, включаемых в одностороннее заявление (в особенности если политическая воля состоит в исключении какой-либо конкретной ситуации, возникшей ранее) позволяют минимизировать трудности на юрисдикционной стадии рассмотрения спора и сопутствующие издержки. При этом отмечено, что неправомерность согласно международному праву каких-либо действий, указанных в условии, не учитывается при его толковании.

Способы признания юрисдикции Международного Суда ООН различны, как и их достоинства и недостатки. С точки зрения готовности государств сотрудничать с Судом, их желания надлежащим образом исполнять его решения, а также не оспаривать наличие у него юрисдикции, как представляется, наибольшими преимуществами обладает специальное соглашение согласно п. 1 ст. 36 Статута. Сама суть данного механизма заключается в том, что государства по обоюдному согласию передают конкретный уже возникший спор на рассмотрение Суда. Совсем иная ситуация обстоит с механизмами, предусмотренными п. 2 ст. 36 Статута: как при заключении международных договоров, содержащих порой юрисдикционные клаузулы общего характера, так и (хотя и в меньшей степени) при принятии одностороннего заявления государство не может знать, какие претензии к нему могут возникнуть со стороны других участников соответствующего договора или системы факультативной клаузулы. Потому именно в данных случаях Суду наиболее часто приходится тщательно анализировать предварительные возражения сторон относительно наличия у него юрисдикции рассматривать дело.

Если учитывать такой фактор, как эффективность соответствующего способа признания юрисдикции Суда (понимая под этим его «охват» в географическом плане и по различным видам споров), то выводы не столь однозначны. Если говорить о количественных параметрах, то наиболее ограниченными по сфере применения являются юрисдикционные клаузулы, которые, как следует из их природы, распространяются лишь на государств-участников конкретного международного договора (и только тех, которые не выразили свое непризнание юрисдикции Суда посредством оговорок и т.д.), а также на категории споров, напрямую указанные в нем (зачастую это разногласия, связанные с толкованием и применением материальных положений договора). Хотя множество договоров содержит клаузулы, предусматривающие согласие государств на юрисдикцию Международного Суда ООН, лишь некоторые из них на практике применялись в качестве основания для подачи заявлений в Суд. Более широкий «охват» имеет система факультативной клаузулы, в которой участвуют посредством односторонних заявлений 74 государства-члена ООН. Самым универсальным механизмом же может считаться специальное соглашение, поскольку оно может быть заключено между любыми государствами-членами ООН относительно любого спора по международному праву.

Однако если подходить к параметру эффективности с «качественной» стороны, то сравнение разных способов признания юрисдикции Суда заметно усложняется. Действительно, каких-либо ограничений для заключения двумя государствами-членами ООН специального соглашения не прослеживается, и теоретически его предметом могут быть любые правовые споры государств. Однако фактически такое соглашение может лишь быть заключено в отношении споров, в разрешении которых обе стороны имеют заинтересованность, а на практике данный механизм в наибольшей мере зарекомендовал себя для разрешения территориальных разногласий. Напротив, хотя подавляющее большинство юрисдикционных клаузул никогда не использовалось для привлечения Международного Суда ООН к

рассмотрению спора, некоторые из них показали (порой и неоднократно) свою эффективность в привлечении Суда к разрешению споров, в том числе против воли одной из сторон и по наиболее сложным и политизированным разногласиям. Данный тезис правдив и применительно к системе факультативной клаузулы.

Юрисдикционным клаузулам и односторонним заявлениям свойственен высокий уровень нестабильности, что отличает их от механизма специальных соглашений. Это обусловлено тем, что согласие государства на юрисдикцию Международного Суда ООН, выраженное в международном договоре, содержащем юрисдикционную клаузулу, и (тем более) в одностороннем заявлении, на которое не распространяется принцип *pacta sunt servanda*, может быть отозвано в любой момент. В некоторых случаях данное решение может вступать в силу немедленно. Хотя это обстоятельство, как представляется, делает системы юрисдикционной клаузулы и односторонних заявлений привлекательными с точки зрения государств-потенциальных ответчиков, оно привносит в данные механизмы элемент правовой неопределенности, что также налагает отпечаток и на их эффективность.

Проблема, возникающая (за редким исключением) лишь в контексте применения юрисдикционных клаузул и односторонних заявлений, состоит в невозможности (для государства-ответчика) прогнозирования подачи заявлений. Так, в первом случае ввиду общих формулировок юрисдикционных клаузул в международных договорах четкие контуры будущих споров не могут быть точно определены, а государства, желающие инициировать разбирательство в Международном Суде ООН, зачастую пытались «подвести» возникший спор под наиболее релевантную конвенцию, действующую между сторонами. Такие заявления с трудом прогнозируются как по моменту времени, так и по используемому в качестве основания для юрисдикции международному договору. Во втором же случае отсутствие требования об истечении какого-либо срока с момента передачи одностороннего заявления депозитарию делает возможной незамедлительную подачу обращения против

государства, признавшего юрисдикцию Международного Суда ООН посредством системы «факультативной клаузулы», что также может влечь за собой элемент правовой неопределенности.

Хотя заключение специальных соглашений в большинстве случаев и исключает возникновение непредвиденных обращений, некоторая неопределенность для государств вероятна в связи с тем, что Международный Суд ООН может посредством толкования положений определенного документа признать его в качестве специального соглашения вопреки воле одной из сторон (в первую очередь, ответчика), так как согласно положениям Венской конвенции о праве международных договоров конкретное наименование документа не влияет на его квалификацию в качестве международного договора. Аналогичная ситуация возникала и в контексте юрисдикционных клаузул.

Выходя за рамки «поверхностных» сугубо количественных показателей, однозначно определить наиболее эффективный механизм в имеющейся на сегодня системе юрисдикции Международного Суда ООН не представляется возможным. Каждому из них присущи свои преимущества и недостатки. В этой связи можно заключить, что созданная более 70 лет назад система действует лишь в совокупности всех юридических оснований, предусмотренных в статье 36 Статута Суда. По отдельности их было бы недостаточно, так как каждый из них выполняет свою функцию, является эффективным в различных обстоятельствах и приемлемым для государств в разных ситуациях.

Наиболее подходящим форумом для рассмотрения споров, вытекающих из предполагаемых нарушений принципа неприменения силы и угрозы силой, а также норм международного гуманитарного права остается Совет Безопасности ООН [721] . Хотя из-за определенных рассмотренных ранее

[721] *Tomuschat C.* Article 36 // The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.) – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 752 – 753; *Полянский Н.Н.* Международный Суд. – Москва: Изд-

ограничений, присущих различным способам выражения согласия на юрисдикцию Международного Суда ООН, и возникают проблемы, связанные, в частности, с желанием некоторых государств любой ценой передать возникший спор на рассмотрение Суда, последний призван – и, как следует из проведенного исследования, на практике стремится – весьма детально анализировать вопросы установления своей юрисдикции. Устойчивость Международного Суда ООН к политическому давлению [722] и его сбалансированный подход к вопросам юрисдикции – даже при сниженных требованиях к ее установлению на стадии временных мер – должны сохраняться во избежание негативных последствий для системы разрешения споров в рамках главного судебного органа Объединенных Наций. Представляется, что такой подход будет способствовать укреплению доверия к Суду со стороны государств[723] и в конечном итоге к расширению признания его юрисдикции.

во Акад. Наук СССР, 1951. – С. 332 («Чтобы Международный Суд соответствовал своему назначению, он должен сохранить именно тот сравнительно скромный удельный вес, который определен ему Уставом как органу, призванному разрешать только споры юридического характера»); *Капустин А.Я., Ковлер А.И., Белялова А.М., Лебедева Я.И., Фокин Е.А.* Практика рассмотрения межгосударственных жалоб в международных судах: история вопроса и перспективы. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 6. – С. 119; *Энтин М.Л., Энтина Е.Г.* Влияние права прав человека на прогрессивное развитие современного международного права. // Московский журнал международного права. – 2017. – № 4. – С. 40; *Кудрявцев В.Д.* Компетенция международного суда ООН: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность: 12.00.00 / В.Д. Кудрявцев. Науч. рук. Проф. Ф.И. Кожевников; Московский государственный институт международных отношений. – Москва, 1970. – С. 149 – 150.

[722] См., например, Joint Statement on Ukraine's application against Russia before the International Court of Justice. 20 may 2022. URL: https://www.gov.uk/government/news/ukraine-joint-statement-on-ukraines-application-against-russia-before-the-international-court-of-justice (дата обращения: 14.02.2024).

[723] *Кожевников Ф.И., Шармазанашвили Г.В.* Международный суд ООН: Организация, цели, практика. – М.: Международные отношения, 1971. – С. 4.

Список источников

Международные договоры

1. Венская конвенция о консульских сношениях, 24 апреля 1963 г., United Nations, Treaty Series, vol. 596, P. 261.
2. Венская конвенция о праве международных договоров, 23 мая 1969 г., United Nations Treaty Series, vol. 1155, P. 331.
3. Европейская конвенция о мирном урегулировании споров, 29 апреля 1957 г., СЕД №023.
4. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, 18 декабря 1979, United Nations Treaty Series, vol. 1249, P. 13.
5. Конвенция о политических правах женщины, 20 декабря 1952 г., United Nations Treaty Series, vol. 193, P.135.
6. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, 9 декабря 1948 г., United Nations, Treaty Series, Vol. 78, P. 277.
7. Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов, 14 сентября 1963 г., United Nations, Treaty Series, Vol. 1969, P. 220.
8. Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте, 25 февраля 1991, United Nations Treaty Series, vol. 1989, P. 309.
9. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву, 10 декабря 1982 г., United Nations Treaty Series, vol. 1833, P. 397.
10. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, 10 декабря 1984 г., United Nations Treaty Series, vol. 1465, P. 85.
11. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, 21 декабря 1965, United Nations Treaty Series, vol. 660, P. 195.
12. Статут Международного Суда ООН, 18 апреля 1946 г. // URL: http://www.un.org/ru/icj/statut.shtml (дата обращения: 04.02.2023).
13. Agreement for the Provision of a Special Loan to the Government of the Republic of Ghana to Facilitate the Payment of Medium Term Commercial Debts, United Nations Treaty Series, vol. 805, P. 191.
14. American Treaty on Pacific Settlement, Bogotá, 30 April 1948, United Nations Treaty Series, vol. 449, P. 82.
15. General Peace Treaty between the Republics of El Salvador and Honduras, Lima, 30 October 1980, United Nations Treaty Series, vol. 1310, P. 226.
16. Protocol of Agreement between the Republic of Hungary and the Slovak Republic with a view to proposing to the International Court of Justice the

arrangements for a visit *in situ* in the case concerning the *Gabčikovo-Nagymaros Project*, Budapest, New-York, 14.11.1995.
17. Special Agreement between the Republic of Hungary and the Slovak Republic for Submission to the International Court of Justice of the Differences between them concerning the Gabčíkovo-Nagymaros Project, Brussels, 7 April 1993.
18. Special Agreement for the Submission to the International Court of Justice of a Difference between the Kingdom of Denmark and the Federal Republic of Germany Concerning the Delimitation, as Between the Kingdom of Denmark and the Federal Republic of Germany, of the Continental Shelf in the North Sea; Special Agreement for the Submission to the International Court of Justice of a Difference between the Federal Republic of Germany and the Kingdom of the Netherlands Concerning the Delimitation, as Between the Federal Republic of Germany and the Kingdom of the Netherlands, of the Continental Shelf in the North Sea, 2 February 1967, Bonn. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/52/9331.pdf (дата обращения: 04.02.2023).
19. Treaty for Conciliation, Judicial Settlement and Arbitration between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Swiss Confederation, London, 7 July 1965.
20. Treaty of Amity, Economic Relations and Consular Rights, Tehran, 15 August 1955, United Nations Treaty Series, vol. 284, P.93.

Резолюции Совета Безопасности ООН

21. Resolution of the UN Security Council, 9 April 1947, SC Res. 22 (1947).

Постановления и решения Международного Суда ООН

22. *Aegean Sea Continental Shelf (Greece v. Turkey)*, Jurisdiction of the Court, Judgment, I.C.J. Reports 1978. – P. 3.
23. *Aerial Incident of 10 August 1999 (Pakistan v. India)*, Jurisdiction of the Court, Judgment, I.C.J. Reports 2000. – P. 12.
24. *Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of the Congo)*, Merits, Judgment, I.C.J. Reports 2010. – P. 639.
25. *Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation)*, Request for the indication of provisional measures, Order of 16 March 2022, General List No. 182.
26. *Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation: 32 States intervening)*, Preliminary objections, 2 February 2024, General List No. 182.

27.*Alleged Violations of Sovereign Rights and Maritime Spaces in the Caribbean Sea (Nicaragua v. Colombia)*, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2016. – P. 3.
28.*Alleged Violations of Sovereign Rights and Maritime Spaces in the Caribbean Sea (Nicaragua v. Colombia)*, Judgment of 21 April 2022, General List No. 155.
29.*Anglo-Iranian Oil Co. case (United Kingdom v. Iran)*, Jurisdiction, Judgment of July 22nd 1952, I.C.J. Reports 1952. – P. 93.
30.*Anglo-Iranian Oil Co. case (United Kingdom v. Iran)*, Provisional measures, Order of July 5th, I.C.J. Reports 1951. – P. 89.
31.*Appeal relating to the jurisdiction of the ICAO Council under Article 84 of the Convention on International Civil Aviation (Bahrain, Egypt, Saudi Arabia and United Arab Emirates v. Qatar)*, Judgment of 14 July 2020, I.C.J. Reports 2020. – P. 81.
32.*Appeal relating to the jurisdiction of the ICAO Council under Article II, Section 2, of the 1944 International Air Services Transit Agreement (Bahrain, Egypt and United Arab Emirates v. Qatar)*, Judgment of 14 July 2020, I.C.J. Reports 2020. – P. 172.
33.*Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro)*, Judgment, I.C.J. Reports 2007. – P. 43.
34.*Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Yugoslavia)*, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 1996. – P. 595.
35.*Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (The Gambia v. Myanmar)*, Order of 23 January 2020, Request for the indication of provisional measures, General List No. 178.
36.*Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (The Gambia v. Myanmar)*, Preliminary objections, Judgment of 22 July 2022, General List No. 178.
37. *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide in the Gaza Strip (South Africa v. Israel)*, Order of 26 January 2024, Provisional measures, General List No. 192.
38.Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Croatia v. Serbia), Merits, Judgment, I.C.J. Reports 2015. – P. 3.
39.*Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Croatia v. Serbia)*, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2008. – P. 412.
40.*Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms*

of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation), Judgment of 8 November 2019, Preliminary Objections, General List No. 166.

41. *Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation)*, Judgment of 31 January 2024, General List No. 166.
42. *Application of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation)*, Provisional Measures, Order of 15 October 2008, I.C.J. Reports 2008. – P. 353.
43. *Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation)*, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2011. – P. 70.
44. *Application of the International Convention on the Elimination of all Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation)*, Provisional Measures, Order of 15 October 2008, I.C.J. Reports 2008. – P. 353.
45. *Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Qatar v. United Arab Emirates)*, Preliminary objections, Judgment of 4 February 2021, General List No. 172.
46. *Armed Activities on the Territory of the Congo (New Application: 2002) (Democratic Republic of the Congo v. Rwanda)*, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 2006. – P. 6.
47. *Armed Activities on the Territory of the Congo (New Application: 2002) (Democratic Republic of the Congo* v. *Rwanda)*, Provisional Measures, Order of 10 July 2002, I.C.J. Reports 2002. – P. 219.
48. *Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda)*, Order of 1 July 2015, I.C.J. Reports 2015. – P. 580.
49. *Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda)*, Reparations, Judgment of 9 February 2022, General List No. 116.
50. *Avena and Other Mexican Nationals (Mexico v. United States of America)*, Provisional Measures, Order of 5 February 2003, I.C.J. Reports 2003. – P. 96.
51. *Avena and Other Mexican Nationals (Mexico v. United States of America)*, Judgment, I.C.J. Reports 2004. – P.12.
52. *Border and Transborder Armed Actions (Nicaragua v. Honduras)*, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1988. – P. 69.
53. *Case concerning Certain Criminal Proceedings in France (Republic of the Congo/France)*, Order of 16 November 2010, I.C.J. Reports 2010. – P. 635.
54. *Case Concerning Certain Property (Liechtenstein v. Germany)*, Preliminary objections, Judgment of 10 February 2005, I.C.J. Reports 2005. – P. 6.

55. *Case Concerning Elettronica Sicula SpA (ELSI) (United States of America v. Italy)*, Judgment of 22 July 1989, I.C.J. Reports 1989. – P. 15.
56. *Case concerning Right of Passage over Indian Territory (Portugal v. India)*, Preliminary Objections, Judgment of 26 November 1957, I.C.J. Reports 1957. – P. 125.
57. *Case concerning Right of Passage over Indian Territory (Portugal v. India)*, Merits, Judgment of 12 April 1960, I.C.J. Reports 1960. – P. 6.
58. *Case concerning the Arbitral Award made by the King of Spain on 23 December 1906 (Honduras v. Nicaragua),* Judgment of 18 November 1960, I.C.J. Reports 1960. – P. 192.
59. *Case Concerning the Factory at Chorzów (Germany v. Poland)*, Claim for Indemnity, Jurisdiction, 1927 PCIJ Series A, № 9 (July 26).
60. *Case Concerning the Factory at Chorzów (Germany v. Poland)*, Claim for Indemnity, Merits, 1928 PCIJ Series A, № 17 (Sept. 13).
61. *Case concerning the Land, Island and Maritime Frontier Dispute (El Salvador/Honduras: Nicaragua intervening)*, Judgment of 11th September 1992, Merits, I.C.J. Reports 1992. – P. 351.
62. *Case concerning the Temple of Preah Vihear (Cambodia v. Thailand)*, Preliminary Objections, Judgment of 26 May 1961, I.C.J. Reports 1961. – P. 17.
63. *Case concerning the Vienna Convention on Consular Relations (Paraguay/United States of America)*, Provisional measures, Order of 9 April 1998, I.C.J. Reports 1998. – P. 248.
64. *Case concerning the Vienna Convention on Consular Relations (Paraguay/United States of America)*, Order of 10 November 1998, I.C.J. Reports 1998. – P. 426.
65. *Case of Certain Norwegian Loans (France v. Norway)*, Preliminary objections, Judgment of 6 July 1957, I.C.J. Reports 1957. – P. 9.
66. *Certain Expenses of the United Nations (Article 17, paragraph 2, of the Charter)*, Advisory Opinion of 20 July 1962, I.C.J. Reports 1962. – P. 151.
67. *Certain Phosphate Lands in Nauru (Nauru v Australia)*, Preliminary Objections, I.C.J. Reports 1992. – P. 240.
68. *Certain Questions of Mutual Assistance in Criminal Matters (Djibouti v. France)*, Judgment, I.C.J. Reports 2008. – P. 177.
69. *Continental Shelf (Libyan Arab Jamahiriya / Malta)*, Judgment, I.C.J. Reports 1985. – P. 13.
70. *Corfu Channel case (United Kingdom v. Albania)*, Merits, Judgment of April 9th 1949, I.C.J. Reports 1949. – P. 4.
71. *Corfu Channel case (United Kingdom v. Albania)*, Order of 17 December 1948, I.C.J. Reports 1947–1948. – P. 124.

72. *Corfu Channel case (United Kingdom v. Albania)*, Preliminary objection, Judgment of 25 March 1948, I.C.J. Reports 1948. – P. 15.
73. *Delimitation of the Maritime Boundary in the Gulf of Maine Area (Canada/United States of America)*, Appointment of Expert, Order of 30 March 1984, I.C.J. Reports 1984. – P. 165.
74. *Delimitation of the Maritime Boundary in the Gulf of Maine Area (Canada/United States of America)*, Judgment, I.C.J. Reports 1984. – P. 246.
75. *Dispute over the Status and Use of the Waters of the Silala (Chile v. Bolivia)*, Judgment of 1 December 2022, General List No. 162.
76. *East Timor (Portugal v. Australia)*, Judgment, I.C.J. Reports 1995. – P. 90.
77. *Electricity Company of Sofia and Bulgaria (Belgium v. Bulgaria)*, Judgment, PCIJ 1939 Series A/B., No. 77.
78. *Fisheries Jurisdiction (Spain v. Canada)*, Jurisdiction of the Court, Judgment, I.C.J. Reports 1998. – P. 432.
79. *Fisheries Jurisdiction (United Kingdom v. Iceland)*, Jurisdiction of the Court, Judgment, I.C.J. Reports 1973. – P. 3.
80. *Fisheries Jurisdiction Case (Germany v. Iceland)*, Jurisdiction of the Court, Judgment of 2 February 1973, I.C.J. Reports 1973. – P. 49.
81. *Free Zones of Upper Savoy and the District of Gex,* Order of 19 August 1929, PCIJ, Series A, No. 22.
82. *Frontier Dispute (Burkina Faso/Niger)*, Judgment, I.C.J. Reports 2013. – P. 44.
83. *Frontier Dispute (Burkina Faso/Republic of Mali)*, Nomination of Experts, Order of 9 April 1987, I.C.J. Reports 1987. – P. 7.
84. *Gabčikovo-Nagymaros* (Hungary/Slovakia), Order of 5 February 1997, I.C.J. Reports 1997. – P. 3.
85. *Gabčikovo-Nagymaros Project (Hungary/Slovakia)*, Judgment, I.C.J. Reports 1997. – P. 7.
86. *Interhandel Case (Switzerland v. United States of America)*, Preliminary objections, Judgment of March 21 1959, I.C.J. Reports 1959. – P. 6.
87. *Jadhav case (India v. Pakistan)*, Judgment of 17 July 2019, General List No. 168.
88. *Jurisdictional Immunities of the State (Germany v. Italy: Greece intervening)*, I.C.J. Reports 2012. – P. 99.
89. *La Grand (Germany v. United States of America)*, Judgment, I.C.J. Reports 2001. – P. 466.
90. *Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria (Cameroon v. Nigeria: Equatorial Guinea intervening)*, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 1998. – P. 275.
91. *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory*, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 2004. – P. 136.

92. *Legal Consequences of the Separation of the Chagos Archipelago from Mauritius in 1965*, Advisory Opinion of 25 February 2019. – P. 95.
93. *Legality of Use of Force cases (Serbia and Montenegro v. Belgium, Canada, France, Germany, Italy, Netherlands, Portugal, Spain, United Kingdom, United States of America)*, Provisional Measures, I.C.J. Reports 1999.
94. *Legality of Use of Force cases (Serbia and Montenegro v. Belgium, Canada, France, Germany, Italy, Netherlands, Portugal, United Kingdom)*, Preliminary Objections, I.C.J. Reports 2004.
95. *Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain*, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1994. – P. 112.
96. *Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain Judgment*, Merits, Judgment, I.C.J. Reports 2001. – P. 40.
97. *Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain*, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1995. – P. 6.
98. *Mavrommatis Jerusalem Concessions (Greece v. United Kingdom)*, Series A, N. 5, Judgement of 26 March 1925.
99. *Mavrommatis Palestine Concessions (Greece v. United Kingdom)*, Jurisdiction, Judgment of August 30 1924, 1924 PCIJ Series A, № 2.
100. *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1986. – P. 14.
101. *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*, Jurisdiction and Admissibility, Judgment, I.C.J. Reports 1984. – P. 392.
102. *Monetary Gold removed from Rome in 1943 (Italy v. France, UK and US)*, Preliminary Question, I.C.J. Reports 1954. – P. 19.
103. *Nottebohm (Liechtenstein v. Guatemala),* Preliminary Objection, Judgment of November 18th 1953, I.C.J. Reports 1953. – P. 111.
104. *Nuclear Tests (Australia v. France)*, Interim Protection, Order of 22 June 1973, I.C.J. Reports 1973. – P. 99.
105. *Obligation to Negotiate Access to the Pacific Ocean (Bolivia v. Chile)*, Preliminary Objection, Judgment, I.C.J. Reports 2015. – P. 592.
106. *Obligations concerning Negotiations relating to Cessation of the Nuclear Arms Race and to Nuclear Disarmament (Marshall Islands v. United Kingdom)*, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2016. – P. 833.
107. *Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*, Merits, Judgment, I.C.J. Reports 2003. – P. 161.
108. *Oil Platforms (Islamic Republic of Iran v. United States of America)*, Preliminary Objection, Judgment, I.C.J. Reports 1996. – P. 803.

109. *Phosphates in Morocco (Italy v. France)*, Preliminary Objections, Judgment, 1938 PCIJ (Ser. A/B) No. 74.
110. *Pulp Mills on the River Uruguay (Argentina v. Uruguay)*, Judgment, I.C.J. Reports 2010. – P. 14.
111. *Question of the Delimitation of the Continental Shelf between Nicaragua and Colombia beyond 200 Nautical Miles from the Nicaraguan Coast (Nicaragua v. Colombia)*, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2016. – P. 100.
112. *Question of the Delimitation of the Continental Shelf between Nicaragua and Colombia beyond 200 nautical miles from the Nicaraguan Coast (Nicaragua v. Colombia)*, Judgment of 13 July 2023, General List No. 154.
113. *Questions of Interpretation and Application of the 1971 Montreal Convention arising from the Aerial Incident at Lockerbie (Libyan Arab Jamahiriya v. United Kingdom)*, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 1998. – P. 9.
114. *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide*, I.C.J. Reports 1951, Advisory Opinion. – P. 15.
115. *Rights of Minorities in Upper Silesia (Germany v. Poland)*, 1928 PCIJ (ser. A) No. 15 (April 26 1928).
116. *South West Africa (Ethiopia v. South Africa; Liberia v. South Africa)*, Preliminary Objections, Judgment of 21 December 1962, I.C.J. Reports 1962. – P. 319.
117. *South West Africa*, Order of 29 November 1965, I.C.J. Reports 1965. – P. 9.
118. *Sovereignty over Pulau Ligitan and Pulau Sipadan (Indonesia / Malaysia)*, Judgment, I.C.J. Reports 2002. – P. 625.
119. *Territorial and Maritime Dispute (Nicaragua v. Colombia)*, Merits, Judgment, I.C.J. Reports 2012. – P. 624.
120. *Territorial and Maritime Dispute (Nicaragua v. Colombia)*, Preliminary Objections, Judgment, I.C.J. Reports 2007. – P. 832.
121. *United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran (United States of America v. Iran)*, I.C.J. Reports 1980. – P. 3.
122. *Whaling in the Antarctic (Australia v. Japan: New Zealand intervening)*, Judgment, I.C.J. Reports 2014. – P. 226.

Международно-правовые акты рекомендательного характера

123. Decision on the admissibility of the inter-State communication submitted by Qatar against the UAE, 27 August 2019, United Nations, doc. CERD/C/99/4. URL: https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/CERD/CERD-C-99-4.pdf (accessed date: 30.06.2022).

124. Resolution of the Assembly of the League of Nations regarding "the Optional Clause of Article 36 of the Statute of the Permanent Court of International Justice", 26 September 1928.

Материалы дел

125. *Aerial Incident of 27 July 1955 (Israel v. Bulgaria) (USA v. Bulgaria) (UK v. Bulgaria)*, Application instituting proceedings, 16 October 1957.

126. *Aerial Incident of 8 January 2020 (Canada, Sweden, Ukraine and United Kingdom v. Islamic Republic of Iran)*, Joint Application instituting proceedings, 4 July 2023 // URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/190/190-20230704-app-01-00-en.pdf (accessed date: 16.10.2023).

127. *Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation: 32 States intervening)*, Order of 5 June 2023, Admissibility of the Declarations of Intervention.

128. *Alleged Violations of State Immunities (Islamic Republic of Iran v. Canada)*, Application instituting proceedings, 27 June 2023 // URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/189/189-20230628-app-01-00-en.pdf (accessed date: 16.10.2023).

129. *Application of the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (Canada and the Netherlands v. Syrian Arab Republic)*, Joint application instituting proceedings, 8 June 2023 // URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/188/188-20230608-APP-01-00-EN.pdf (accessed date: 16.10.2023).

130. *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (The Gambia v. Myanmar)*, Application instituting proceedings and Request for the indication of provisional measures, 11 November 2019.

131. *Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation)*, Application instituting proceedings, 26 February 2022.

132. *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide in the Gaza Strip (South Africa v. Israel)*, Application instituting proceedings and request for the indication of provisional measures, 29 December 2023.

133. *Case Concerning Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation)*, Verbatim record 2019/9, Preliminary Objections, Oral Proceedings, Public sitting held on 3 June 2019. URL: https://www.icj-

cij.org/public/files/case-related/166/166-20190603-ORA-01-00-BI.pdf (accessed date: 30.06.2022).

134. *Case Concerning Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation)*, Verbatim record 2019/11, Preliminary Objections, Oral Proceedings, Public sitting held on 6 June 2019. URL: https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/166/166-20190606-ORA-01-00-BI.pdf (accessed date: 30.06.2022).

135. *Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation)*, Verbatim record 2023/5. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/166/166-20230606-ora-01-00-bi.pdf (accessed date: 10.10.2023).

136. *Case Concerning Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation)*, Preliminary objections of the Russian Federation, Vol 1., 1 December 2009. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/140/16099.pdf

137. *Case Concerning Application of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Georgia v. Russian Federation)*, Written statement of Georgia on preliminary objections, Vol 1., 1 April 2010. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/140/16101.pdf

138. *Case concerning Certain Criminal Proceedings in France (Republic of the Congo/France)*, Letter from the Minister for Foreign Affairs of the French Republic (Consent to the Jurisdiction of the Court to Entertain the Application Pursuant to Article 38, paragraph 5, of the Rules of Court), 8 April 2003. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/129/13344.pdf

139. *Case concerning Certain Criminal Proceedings in France (Republic of the Congo/France)*, Application instituting proceedings and Request for the indication of a provisional measure, 9 December 2002.

140. *Case concerning the Arbitral Award made by the King of Spain on 23 December 1906 (Honduras v. Nicaragua)*, ICJ Pleadings, Vol. 1. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/39/9171.pdf

141. *Certain Questions of Mutual Assistance in Criminal Matters (Djibouti v. France)*, Counter-Memorial, 13 July 2007.

142. *Delimitation of the Maritime Boundary in the Gulf of Maine Area (Canada/United States of America)*, ICJ Pleadings 1984, Vol. VII, Correspondence. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/67/9607.pdf

143. *Fisheries jurisdiction (Spain v. Canada),* Application instituting proceedings, 28 march 1995, General List No. 96. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/96/7197.pdf
144. *Gabčikovo-Nagymaros Project (Hungary / Slovakia)*, Communiqué No. 97/3 dated February 17, 1997, Visit by the Court to the site of the Gabčikovo-Nagymaros hydro-electric dam project. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/92/092-19970217-PRE-01-00-EN.pdf
145. *Maritime Delimitation in the Indian Ocean (Somalia v. Kenya)*, Application instituting proceedings, 28 August 2014.
146. *North Sea Continental Shelf Cases (Federal Republic of Germany/Denmark) (Federal Republic of Germany/Netherlands)*, Pleadings, Oral Arguments, Documents, Volume I, 1968, P. 10 // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/52/9331.pdf
147. *Obligation to Negotiate Access to the Pacific Ocean* (*Bolivia v. Chile)*, Application Instituting Proceedings, April 24, 2013. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/153/17338.pdf.
148. *Questions of jurisdictional immunities of the State and measures of constraint against State-owned property (Germany v. Italy)*, Application instituting proceedings and request for the indication of provisional measures, 29 April 2022. // URL: https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/183/183-20220429-APP-01-00-EN.pdf (accessed date: 30.06.2022).
149. *Relocation of the United States Embassy to Jerusalem*, Application Instituting Proceedings, 28 September 2018.
150. *South West Africa Cases*, ICJ Pleadings 1966, Vol. VIII. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/47/047-19650315-ORA-01-00-BI.pdf
151. *Territorial and Maritime Dispute (Nicaragua v. Colombia)*, Application instituting proceedings, 6 December 2001, 2001 General List No. 124.
152. *Treatment in Hungary of Aircraft and Crew of United Sates of America (USA v. Hungary) (USA v. USSR)*, Application instituting proceedings, 3 March 1954.

Иные международные документы

153. Доклад Международного Суда ООН, 1 августа 2012 года — 31 июля 2013 года, A/68/4. // URL: https://www.icj-cij.org/files/annual-reports/2012-2013-ru.pdf
154. Доклад Международного Суда ООН. 1 августа 1987 г. – 31 июля 1988 г. Документ 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Дополнение № 4 (A/43/4). // URL: https://www.icj-cij.org/files/annual-reports/1987-1988-ru.pdf (дата обращения: 04.02.2023).

155. Международный Суд. Главный судебный орган Организации Объединенных Наций: вопросы и ответы. // URL: https://www.icj-cij.org/public/files/questions-and-answers-about-the-court/questions-and-answers-about-the-court-ru.pdf (дата обращения: 04.02.2023).
156. Официальный сайт Международного Суда ООН. // URL: https://www.icj-cij.org/en/treaties (дата обращения: 04.02.2023).
157. Уведомление о денонсации США протокола к Венской конвенции о консульских сношениях, United Nations, 7 March 2005, Multilateral Treaties Deposited with the Secretary-General, ch. 3, § 8 n.1, URL: http://treaties.un.org/Pages/ParticipationStatus.aspx (дата обращения: 04.02.2023).
158. Compulsory jurisdiction of the International Court of Justice, Committee of Legal Advisers on Public International Law, 54th meeting, Strasbourg (France), 21-22 September 2017. // URL: https://rm.coe.int/cahdi-compulsory-jurisdiction-of-the-international-court-of-justice-54/168073c619
159. Declarations recognizing the jurisdiction of the Court as compulsory, Netherlands, 21 February 2017. // URL: https://www.icj-cij.org/en/declarations/nl (дата обращения: 04.02.2023).
160. Declarations recognizing the jurisdiction of the Court as compulsory, Australia, 22 March 2002. // URL: https://www.icj-cij.org/en/declarations/au (дата обращения: 04.02.2023).
161. Declarations recognizing the jurisdiction of the Court as compulsory, India, 18 September 1974. // URL: https://www.icj-cij.org/en/declarations/in (дата обращения: 04.02.2023).
162. Declarations recognizing the jurisdiction of the Court as compulsory, Islamic Republic of Iran, 25 June 2023 // URL: https://www.icj-cij.org/declarations/ir (дата обращения: 16.10.2023).
163. Declarations recognizing the jurisdiction of the Court as compulsory, Mexico, 28 October 1947. // URL: https://www.icj-cij.org/en/declarations/mx (дата обращения: 04.02.2023).
164. Examination of the European Convention for the Peaceful Settlement of Disputes (ETS No.23). 47th meeting of the Council of Europe Committee of Legal Advisers on Public International Law. Strasbourg, 20-21 March 2014. // URL: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680078b35 (дата обращения: 04.02.2023).
165. Handbook on accepting the jurisdiction of the International Court of Justice: model clauses and templates, A/68/963, 19.08.2014 г. // URL:

http://legal.un.org/avl/pdf/rs/other_resources/Manual%20sobre%20la%20aceptacion%20jurisdiccion%20CIJ-ingles.pdf (дата обращения: 04.02.2023).

166. ICJ, Communique №92/25 of October 26, 1992, Hungary applies to the International Court of Justice in its dispute with the Czech and Slovak Federal Republic over the projected diversion of the Danube. // URL: https://www.icj-cij.org/files/case-related/92/092-19921026-PRE-01-00-EN.pdf (дата обращения: 04.02.2023).
167. ILC, Summary Records of the Meetings of the 53rd Session (23 April – 1 June and 2 July – 10 August 2001), UN Doc A/CN.4/SER.A/2001 // URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_2001_v1.pdf (дата обращения: 04.02.2023).
168. International Court of Justice, ICJ Practice Directions (as amended on 20 January 2009 and 21 March 2013), Practice Direction I // URL: http://www.icj-cij.org/en/practice-directions (дата обращения: 04.02.2023).
169. International Court of Justice, Rules of the Court, 14 April 1978, Acts and Documents, No. 6. – The Hague: ICJ, 2007.
170. Joint Statement on Ukraine's application against Russia before the International Court of Justice. 20 May 2022. URL: https://www.gov.uk/government/news/ukraine-joint-statement-on-ukraines-application-against-russia-before-the-international-court-of-justice (дата обращения: 02.06.2022).
171. OPCW Conference of the States Parties, Fourth Special Session, Doc. C-SS-4/DEC.3, 27 June 2018 // URL: https://www.opcw.org/sites/default/files/documents/CSP/C-SS-4/en/css4dec3_e_.doc.pdf (дата обращения: 09.02.2023).
172. *Prosecutor v. Dusko Tadic aka "Dule",* Decision on the Defence Motion on Jurisdiction, IT-94-1, International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, 10 August 1995, para. 4. // URL: https://www.refworld.org/cases,ICTY,47fdfb518.html (дата обращения: 09.02.2023).
173. UK Parliament official website, Amendments to the UK's Optional Clause Declaration to the International Court of Justice: Written statement — HCWS489, 23 February 2017. // URL: https://www.parliament.uk/business/publications/written-questions-answers-statements/written-statement/Commons/2017-02-23/HCWS489/ (дата обращения: 04.02.2023).
174. US Department of State, Archive, Secretary Rice C., Briefing En Route to Mexico, Mexico City, March 10, 2005. // URL: https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2005/43216.htm (дата обращения: 04.02.2023).

Учебная литература на русском языке

175. *Бекяшев К.А.* Международное право. Учебник для бакалавров. Отв. ред. Бекяшев К.А. – М.: Проспект, 2013. – 663 с.
176. Большая Советская Энциклопедия, 2-е изд.
177. *Валеев Р.М., Курдюков Г.И.* Международное право. Общая часть: учебник. – М.: Статут, 2011. – 543 с.
178. *Верещетин В.С.* Международный Суд // Международное право: учебник / Отв. ред. Кузнецов В.И., Тузмухамедов Б.Р. – М.: Норма, 2007.
179. *Вылегжанин А.Н.* Международное право: учебник для академического бакалавриата. / отв. ред. А.Н. Вылегжанин. – М.: Юрайт, 2015.
180. *Вылегжанин А.Н.* Правовой статус Шпицбергена и прилегающих морских районов: академический учебник для магистратуры / А.Н. Вылегжанин, В.К. Зиланов, В.М. Савва; отв. ред. А.Н. Вылегжанин. – М.: Норма, 2019. 308 с.
181. *Вылегжанин А.Н., Штодина И.Ю.* Мирное разрешение международных споров. / Международное право. В 2 частях. Ч.1: учебник для вузов. / Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2021.
182. *Дурденевский В.Н.* Международное право. Учебник / Грабарь В.Э., Дурденевский В.Н., Кожевников Ф.И., Колчановский Н.П., Крылов С.Б. (Под общ. ред.), Левин Д.Б., Любимов Н.Н., Перетерский И.С.; Под общ. ред. Дурденевский В.Н. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. – 612 с.
183. *Егоров С.А.* Словарь международного права. – М: Статут, 2014. – 495 с.
184. *Игнатенко Г.В., Тиунов О.И.* Международное право: учебник / отв. ред. Игнатенко Г.В., Тиунов О.И. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. — 752 с.
185. *Колосов Ю.М.* Международное право: Учебник / Отв. Ред. Ю.М.Колосов, Э.С.Кривчикова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – 816 с.
186. *Лукашук И.И.* Международное право: особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 517 с.
187. *Макушев П. В., Хридочкин А.В.* Международное право: словарь-справочник. – М.: Прометей, 2017. – 570 с.
188. *Скуратова А.Ю., Синякин И.И.* Международное уголовное право: учебное пособие. / Под ред. А. Н. Вылегжанина. – М.: Проспект, 2021. — 591 с.

189. *Тузмухамедов Б.Р.* Международное право: учебник / отв. ред. Б.Р. Тузмухамедов. — 4-е изд., перераб. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. — 576 с.

Монографии на русском языке

190. *Абашидзе А.Х., Солнцев А.М.* Мирное разрешение международных споров: современные проблемы: монография. – 2-е изд. – М.: РУДН, 2012. – 307 с.
191. *Анисимов Л.Н.* Международно-правовые средства разрешения межгосударственных споров (конфликтов). – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. – 164 с.
192. *Бекяшев Д.К., Бекяшев К.А.* Международно-правовые проблемы борьбы с незаконным рыболовством: монография. – М.: Проспект, 2016. 480 с.
193. *Бекяшев Д.К., Иванов Д.В.* Международно-правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции: Монография. – М.: Проспект, 2015. – 392 с.
194. *Боклан Д.С.* Международное экологическое право и международные экономические отношения: монография. — М.: Магистр: ИНФРА-М, 2020. — 272 с.
195. *Вылегжанин А.Н.* Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. – М.: Юридическая литература, 2004. – 244 с.
196. *Лукашук И.И.* Современное право международных договоров: в 2 т. М.: Волтерс Клувер, 2004. Т. 1: Заключение международных договоров. – 672 с.
197. *Лукьянцев Г.Е.* Европейские стандарты в области прав человека: теория и практика функционирования Европейской конвенции о защите прав и основных свобод. – М.: Звенья, 2000. – 278 с.
198. *Каламкарян Р.А.* Международный Суд в миропорядке на основе господства права. – М.: Наука, 2012. – 310 с.
199. *Кожевников Ф.И.* Советское государство и международное право. – М.: 1948.
200. *Кожевников Ф.И., Шарманазашвили Г.В.* Международный Суд ООН: организация, цели, практика. – М.: Международные отношения, 1971. – 160 с.
201. *Колодкин Р.А., Пунжин С.М.* Международное морское право: статьи памяти А. Л. Колодкина. – Сост. Колодкин Р.А., Пунжин С.М. – М.: Статут, 2014. – 412 с.
202. *Крылов С.Б.* История создания Организации Объединенных Наций: Разработка текста Устава Организации Объединенных Наций (1944-1945). – Под ред. [и с предисл.] проф. Тункина Г. И. – 2-е изд., доп. – Москва: Изд-во ИМО, 1960. – 343 с.

203. *Крылов С.Б.* Материалы к истории Организации Объединенных Наций. Вып. 1. Создание текста Устава Организации объединенных наций. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1949 г. – 344 с.
204. *Крылов С.Б.* Международный Суд Организации Объединенных наций: Вопросы международного права и процесса в его практике за десять лет (1947-1957). – М.: Госюриздат, 1958. – 167 с.
205. *Оппенгейм Л.* Международное право. – Т.II. – Полут. I. – М.: Иностр. лит., 1949.
206. *Орлова Е.С.* Конкуренция юрисдикций международных судебных органов при рассмотрении международных морских споров: монография. — М.: ИНФРА-М, 2022. — 175 с.
207. *Полянский Н.Н.* Вопросы Международного Суда на конференции в Сан-Франциско. Стенограмма публичной лекции доктора юридических наук Н.Н. Полянского, прочитанной 2 августа 1945 г. в Лекционном зале в Москве. – М.: 1946 г.
208. *Полянский Н.Н.* Международный Суд. – Москва: Изд-во Акад. Наук СССР, 1951.
209. *Филиппов С.В.* Оговорки в теории и практике международного договора. М.: Издательство ИМО. 1958. 102 с.
210. *Хадсон М.О.* Международные суды в прошлом и будущем. / Пер. с англ. Богомольной Ф.Е.; Под ред. Крылова С.Б. – М.: изд-во иностр. лит., 1947. – 392 с.
211. *Хорватский В.Л.* Лига наций. – М., 1937 г. – 84 с.
212. *Шинкарецкая Г.Г.* Международная судебная процедура. – М.: Наука, 1992.
213. *Шинкарецкая Г.Г.* Тенденции развития судебных средств мирного разрешения международных споров: монография. – М.: Nota Bene, 2009. – 250 с.

Статьи в научно-периодических изданиях на русском языке

214. *Беджауи М.* Международный Суд ООН: прошлое и будущее // Московский журнал международного права, 1996, № 2. С. 42 – 46.
215. *Боклан Д.С.* Практика разрешения Международным Судом ООН споров, вытекающих из международных экологических и международных экономических отношений // Международное правосудие. – №2 (10). – 2014. – С. 99 – 105.
216. *Верещетин В.С.* Международный Суд ООН на новом этапе // Московский журнал международного права. – 2002. – № 2. – С. 74 – 85.
217. *Вылегжанин А.Н., Алферьева К.Е.* Вклад Международного Суда ООН в развитие международного экономического права. // Московский журнал международного права. – № 3 (103). – 2016. – С. 31 – 48.

218. *Вылегжанин А.Н., Зинченко О.И.* Юрисдикция Международного Суда ООН: некоторые теоретические вопросы. // Московский журнал международного права. – 2018. – № 4. С. 6 – 32.
219. *Вылегжанин А.Н., Чурилина Н.А.* Международно-правовые основания юрисдикционного иммунитета государств. // Московский журнал международного права. – № 2 (98). – 2015. – С. 35 – 51.
220. *Геймбух Н.Г., Уткин А.В.* Особенности конституционного статуса государств - членов Содружества наций // Современный ученый. – 2021. – № 3. – С. 280 – 284.
221. *Гончарова Н.Н.* Реализация международных норм и стандартов в воздушном законодательстве России в разрезе соотношения международного и российского права // Международное публичное и частное право. – 2018. – № 6. – С. 26 – 29.
222. *Гузей С.В.* Основные проблемы процесса в международном суде ООН и развитие норм международного процессуального права // Право и политика. – М.: NotaBene, 2006. – № 6. – С. 88 – 102.
223. *Зинченко О.И.* Споры, касающиеся вооруженных конфликтов: подходы Международного Суда ООН к вопросам юрисдикции // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 6 (169). – С. 23 – 29.
224. *Зинченко О.И.* Международный Суд ООН на современном этапе: актуальные вызовы и перспективы // Право и управление. XXI век. – 2023. – № 4 (69). – С. 32 – 40.
225. *Ильинская О.И.* Юридический статус Каспийского моря: история и современное состояние // Журнал российского права. – № 12. – 2021. – С. 141 – 156.
226. *Исполинов А.С.* Сила и слабость универсальных договоров о защите прав человека // Российский юридический журнал. – 2022. – № 3. – С. 26 – 43.
227. *Исполинов А.С.* Статус оговорок в решениях международных судов // Международное правосудие. – № 2. – 2020. – С. 72 – 87.
228. *Капустин А.Я.* Международное судебное толкование международного договора: современные тренды // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. – № 8. – С. 104 – 117.
229. *Капустин А.Я.* Международные суды: тенденции развития и влияние на национальные правовые системы. // Государство и право. – 2018. – № 7. – С. 120 – 132.
230. *Капустин А.Я., Ковлер А.И., Белялова А.М., Лебедева Я.И., Фокин Е.А.* Практика рассмотрения межгосударственных жалоб в международных судах: история вопроса и перспективы. // Журнал зарубежного

законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 6. – С. 116 – 134.

231. *Копылов М.Н., Копылов С.М., Мишланова В.А.* Международному экологическому праву 175 лет. // Московский журнал международного права. – 2014. – № 1. – С. 103-121.

232. *Мирзаев Ф.* Применение принципа *uti possidetis* на африканском континенте. // Московский журнал международного права. – 2016. – № 4. – С. 73 – 81.

233. *Морган-Фостер Д.* В поисках выхода из лабиринта: сложный путь к юрисдикции в деле «Хорватия против Сербии». Решение Международного Суда ООН от 3 февраля 2015 года. – Международное правосудие. – № 3 – 2015. – С. 3-18.

234. *Нагиева А.А.* Дипломатическая защита бипатридов. // Московский журнал международного права. – 2015 (2). – С. 63-76.

235. *Орбелян А.С.* Вопросы применения силы в решениях Международного Суда ООН // Московский журнал международного права. – 2008. – № 2.– С. 94 – 106.

236. *Плотников А.В.* Юрисдикционный конфликт и диалог международных судов в процессе фрагментации международного права // Российский юридический журнал. – 2012. – № 4. – С. 108 – 118.

237. *Попов И.В.* Международный Суд как инструмент защиты интересов России в сфере экологии // Диалог культур и партнерство цивилизаций: материалы IX международных Лихачевских научных чтений. – СПб.: СПбГУП, 2009 г. – С. 406 – 410.

238. *Пунжин С.М.* Процессуальное право Международного Суда ООН: встречные требования (условия приемлемости) // Международное правосудие. – № 1(9). – 2014. – С. 80 – 92.

239. *Пунжин С.М.* Процессуальное право Международного Суда ООН: классификация предварительных возражений. // Международное правосудие. – № 1(2). – 2012. – С. 46 – 60.

240. *Симонова Н.С.* Проблема обязательной юрисдикции Международного Суда ООН сквозь призму способов ее признания // Международное публичное и частное право. – 2016. – № 4. – С. 10 – 13.

241. *Симонова Н.С.* Факультативность обязательности в дискуссии о юрисдикции Международного Суда ООН // Российская юстиция. – 2016. – № 8. – С. 23 – 25.

242. *Смбатян А.С.* Консультативная юрисдикция Международного Суда ООН // Современное право. – 2009. – № 2. – С. 98 – 101.

243. *Тимохин К.В.* Рассмотрение споров относительно островных территорий Международным Судом ООН. – Московский журнал международного права, 2007. – № 2 (66). – С. 199 – 215.
244. *Черниченко С.В.* Взаимосвязь императивных норм международного права (*jus cogens*) и обязательств *erga omnes* // Московский журнал международного права. – М.: Международные отношения, 2012. – № 3. – С. 3 – 16.
245. *Шинкарецкая Г.Г.* Доказательства в международном судебном процессе: постановка вопроса // Международное право. – 2020. – № 4. – С. 60 – 71.
246. *Шинкарецкая Г.Г.* Понятие доказательств в международном судебном процессе: постановка вопроса // Международное право. – 2020. – № 2. – С. 70 – 81.
247. *Шинкарецкая Г.Г.* Практика международных судов в области сбора доказательств // Международное право и международные организации. – 2021. – № 1. – С. 1 – 11.
248. *Шинкарецкая Г.Г.* Доказательства в процессе Международного Суда: концептуальные аспекты // Международное право и международные организации. – 2022. – № 1. – С. 11 – 21.
249. *Шинкарецкая Г.Г.* Цифровые доказательства в процессе Международного Суда // Международное право и международные организации. – 2023. – № 1. – С. 55-66.
250. *Энтин М.Л., Энтина Е.Г.* Влияние права прав человека на прогрессивное развитие современного международного права. // Московский журнал международного права. – 2017. – № 4. – С. 31 – 49.

Учебная литература на иностранном языке

251. Black’s Law Dictionary. Definitions of the Terms and Phrases of American and English Jurisprudence, Ancient and Modern. – 6th ed. – West Publishing Company, 1990.
252. *Dupuy P., Hoss C.* La Grand Case (Germany v United States of America) // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2009. // URL: http://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e155
253. *Fitzmaurice M.* International Court of Justice, Optional Clause // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2011.

254. *Khan D.* Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria Case (Cameroon v Nigeria) // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2007.
255. *La Fayette L.A.* Territorial and Maritime Dispute Case (Nicaragua v. Colombia) // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2009.
256. Orakhelashvili A. Anglo-Iranian Oil Company Case // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. – Oxford: Oxford University Press, 2007.
257. Pellet A. Judicial Settlement of International Disputes // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2013.
258. *Philipp C.* Land, Island and Maritime Frontier Dispute Case (El Salvador/Honduras: Nicaragua Intervening) // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2007.
259. *Rosenne S.* International Courts and Tribunals, Jurisdiction and Admissibility of Inter-State Applications // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2006.
260. *Schrijver N., Prislan V.* Gabčíkovo-Nagymaros Case (Hungary/Slovakia) // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – 2008.
261. *Shaw M.* International Law. – 8th ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 1033 p.
262. *Stahn C.* Connally Reservation // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2006.
263. *Thirlway H. Compromis* // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2006.
264. *Valencia-Ospina E.* Bogotá Pact (1948) // Max Planck Encyclopedia of Public International Law / *Wolfrum R.* (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2011.

Монографии на иностранном языке

265. *Alexandrov S.* Reservations in Unilateral Declarations Accepting the Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice. – Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1995. – 164 p.
266. *Amerasinghe C.F.* Jurisdiction of International Tribunals. –The Hague: Brill | Nijhoff, 2003. – 881 p.

267. *Anand R.P.* Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice. – London: Asia Publishing House. – 1961.
268. *Collier J., Lowe V.* The settlement of disputes in international law. Institutions and procedures. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 395 p.
269. *Crawford J.* Brownlie's Principles of Public International Law. – 8th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2012.
270. *Devaney J.* Fact-Finding before the International Court of Justice. – Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
271. *Dörr O., Schmalenbach K.* Vienna Convention on the Law of Treaties.– Springer: Berlin, Heidelberg, 2012.
272. *Higgins R.* Problems and Process: International Law and How We Use It. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 304 p.
273. *Higgins R., Webb P., Akande D., Sivakumaran S., Sloan J.* Oppenheim's International Law. – Oxford, 2017. – 1680 p.
274. *Kelsen H.* The Law of the United Nations: A Critical Analysis of Its Fundamental Problems // – London: Lawbook Exchange Ltd., 1950. – P. 522-523.
275. *Kolb R.* The International Court of Justice. – Oxford: Hart Publishing, 2013. 1307 p.
276. *Lee L.T., Quigley J.* Consular law and practice. – 3d ed. – 2008. – P. 574 – 576.
277. *Mackenzie R., Romano C., Shany Y., Sands P.* The Manual on International Courts and Tribunals. 2nd Edition. – Oxford: Oxford University Press, 2010.
278. *Murphy S.D.* Courts and Tribunals of General Jurisdiction. The International Court of Justice. // The Rules, Practice and Jurisprudence of International Courts and Tribunals. / *Giorgetti C.* (ed.) – Brill, 2012.
279. *Peat D.* Comparative Reasoning in International Courts and Tribunals. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
280. *Romano C., Alter K., Shany Y. (Ed.).* The Oxford Handbook of International Adjudication. – Oxford: Oxford University Press, 2013. 1072 p.
281. *Rosenne S.* Arbitrations under Annex VII of the United Nations Convention on the Law of the Sea // Law of the sea, environmental law and settlement of disputes: Liber amicorum judge Thomas A. Mensah / Ndiaye T.M., Wolfrum R. (Eds.). – Leiden: Nijhoff, 2007.
282. *Rosenne S.* Essays on International Law and Practice. – Leiden: Martinus Nijhof publishing, 2007.
283. *Rosenne S.* The Law and Practice of the International Court, 1920 – 1996. – Vol. 2. – Martinus Nijhoff Publishers: The Hague, 1997.

284. *Rosenne S.* The Law and Practice of the International Court, 1920-2005. – Volume II, Jurisdiction. – 4th ed.– Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2006.
285. *Rosenne S.* The World Court: What it is and how it works. / T.D. Gill (ed.). – 6th edition. – Leiden: United Nations Publications, 2003.
286. *Shany Y.* Questions of Jurisdiction and Admissibility before International Courts. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 186 p.
287. *Sir Jennings, R.* International Lawyers and the Progressive Development of International Law // *Makarczyk J.* (Ed.). Theory of International Law at the Threshold of the 21st Century: Essays in Honour of Krzystof Skubiszewski. – The Hague: Kluwer Law International, 1996.
288. *Tams C.* The Continued Relevance of Compromissory Clauses as a Source of ICJ Jurisdiction, // A wiser century? Judicial Dispute Settlement, Disarmament and the Laws of War 100 Years after the Second Hague Peace Conference / *Giegerich T.* (ed.) – Berlin: Duncker & Humblot, 2009. – Vol. 173. – P. 461 – 492. // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1413722
289. *Thirlway H.* The International Court of Justice. – New York: Oxford University Press, 2016. 224 p.
290. *Thirlway H.* The Law and Procedure of the International Court of Justice: Fifty Years of Jurisprudence. Volume I. – Oxford: Oxford University Press, 2013.
291. *Törber G.* The Contractual Nature of the Optional Clause. – Oxford: Hart Publishing, 2015. – 410 p.
292. *Treves T.* Dispute-settlement in the Law of the Sea: Disorder or System? // Promoting Justice, Human Rights and Conflict Resolution through International Law / La promotion de la justice, des droits de l'homme et du règlement des conflits par le droit international. / Kohen M. (Ed.). – Brill Nijhoff, 2007. – P. 927–949.
293. *Xue H.* Jurisdiction of the International Court of Justice. – Leyden: Brill / Nijhoff, 2017. – 262 p.
294. *Yee S.* Forum prorogatum and the indication of provisional measures in the International Court of Justice // The reality of international law. Essays in honor of Ian Brownlie / Goodwin-Gill G.S., Talmon S. (Eds.) – Oxford, 1999.
295. *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. / *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Ed.). – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2019.
296. *Zimmermann A., Oellers-Frahm K., Tomuschat C., Tams C.J.* (Eds.) The Statute of the International Court of Justice: A Commentary. – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2012.

Статьи в научно-периодических изданиях на иностранном языке

297. *Abraham R.* Presentation of the International Court of Justice over the Last Ten Years. // Journal of International Dispute Settlement. – 2016. – № 7. – P. 297 – 307.

298. *Akande D.* Selection of the International Court of Justice as a Forum for Contentious and Advisory Proceedings (Including Jurisdiction) // Journal of International Dispute Settlement. – 2016. – № 7. – P. 320 – 344.

299. *Akande D.* The Competence of International Organizations and the Advisory Jurisdiction of the International Court of Justice // European Journal of International Law. – Volume 9. – 1998. – P. 437 – 446.

300. *Alexandrov S.* Accepting the Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice with Reservations: An Overview of Practice with a Focus on Recent Trends and Cases. // Leiden Journal of International Law. – 2001. – Vol. 14. – Issue 1. – P. 89 – 124.

301. *Bishop Wm. W.* The Anglo-Iranian Oil Company Case // The American Journal of International Law. – Vol. 45. – No. 4 (Oct., 1951). – P. 749 – 754.

302. *Cannizzaro E., Bonafé B.* Fragmenting International Law through Compromissory Clauses? Some Remarks on the Decision of the ICJ in the Oil Platforms Case // European Journal of International Law. – № 16. – 2005. – P. 481 – 497.

303. *Churchill R*. Dispute Settlement Under the UN Convention on the Law of the Sea: Survey for 2007. // The International Journal of Marine and Coastal Law. – № 23. – 2008. – P. 601 – 642.

304. *Churchill R.* Dispute Settlement under the UN Convention on the Law of the Sea: Survey for 2008. // The International Journal of Marine and Coastal Law. – № 24. – 2009. – P. 603 – 616.

305. *Desierto D.* The International Court of Justice's 2022 Reparations Judgment in DRC v. Uganda: 'Global Sums' as the New Device for Human Rights-Based Inter-State Disputes // EJIL:Talk! – February 14, 2022. // URL: https://www.ejiltalk.org/the-international-court-of-justices-2022-reparations-judgment-in-drc-v-uganda-a-new-methodology-for-human-rights-in-inter-state-disputes/ (дата обращения: 04.02.2023)

306. *Fitzmaurice M.* The Optional Clause System and the Law of Treaties: Issues of Interpretation in Recent Jurisprudence of the International Court of Justice // Australian Year Book of International Law. – Vol. 20. – 1999. – P. 127 – 160.

307. *Goldstone R., Hamilton R. Bosnia v. Serbia*: Lessons from the Encounter of the International Court of Justice with the International Criminal Tribunal for the

Former Yugoslavia // Leiden Journal of International Law. – Volume 21. – Issue 1. – 2008. – P. 95 – 112.

308. *Ivanov D.V., Donakanian V.G.* The ICAO Council as a Dispute Settlement Body: Theoretical and Practical Issues. // Moscow Journal of International Law. – 2022. – № 3. – С. 33 – 48.

309. *Jardón L.* The Interpretation of Jurisdictional Clauses in Human Rights Treaties // Anuario Mexicano de Derecho Internacional. – Vol. XIII. – 2013. – P. 99 – 143.

310. *Keene A.* (Ed.). Outcome Paper for the Seminar on the International Court of Justice at 70: In Retrospect and in Prospect // Journal of International Dispute Settlement. – 2016. – № 7. – P. 238 – 265.

311. *Kwiatkowska B.* Fisheries Jurisdiction (Spain v. Canada), Jurisdiction // The American Journal of International Law. – Vol. 93. – No. 2 (Apr., 1999). – P. 502 – 507.

312. *Malintoppi L.* Fact Finding and Evidence Before the International Court of Justice (Notably in Scientific-Related Disputes) // Journal of International Dispute Settlement. – 2016. – № 7. – P. 421 – 444.

313. *Milanovic M.* Palestine Sues the United States in the ICJ re Jerusalem Embassy // EJIL:Talk! – 30 September 2018. // URL: https://www.ejiltalk.org/palestine-sues-the-united-states-in-the-icj-re-jerusalem-embassy/ (дата обращения: 04.02.2023).

314. *Miron A.* Palestine's Application the ICJ, neither Groundless, nor Hopeless. A Reply to Marko Milanovic // EJIL: Talk! – 8 October 2018. // URL: https://www.ejiltalk.org/palestines-application-the-icj-neither-groundless-nor-hopeless-a-reply-to-marko-milanovic/ (дата обращения: 04.02.2023).

315. *Orakhelashvili A.* Adjudicating Racial Discrimination Claims: Issues of Jurisdiction and Admissibility in Ukraine v Russia. // Moscow Journal of International Law. – №1. – 2021. – P. 57 – 69.

316. Peat D. The Use of Court-Appointed Experts by the International Court of Justice. // British Yearbook of International Law. – Vol. 84. – Issue 1. – 2013. – P. 271 – 303.

317. *Pineda A.C.R.* Recourse to International Dispute Settlement Mechanisms, Including Recent International Court of Justice Decisions. // ILSA Journal of International & Comparative Law. – Vol. 21. – Issue 2. – 2015. – P. 385 – 394.

318. *Puoti P.* Yugoslavia Dissolution Before the ICJ: the Need for a New Approach to State Succession // The Italian Yearbook of International Law Online. – Volume 16. – Issue 1. – P. 187 – 213.

319. *Rose C.* Appeal relating to the jurisdiction of the ICAO Council. // American Journal of International Law. – 2021. – 115 (2). – P. 301 – 308.

320. *Rubin A.P.* The International Legal Effects of Unilateral Declarations // American Journal of International Law. – Vol. 71. – No. 1. – 1977. – P. 1 – 30.
321. *SáCouto S.* Reflections on the Judgment of the International Court of Justice in Bosnia's Genocide Case against Serbia and Montenegro. // Human Rights Brief. – Vol. 15. – Issue 1. – 2007. – P. 2 – 6.
322. *Sohn L.* Broadening the Advisory Jurisdiction of the International Court of Justice. // American Journal of International Law. – 1983. – Volume 77. – Issue 1. – P. 124 – 129.
323. *Tomuschat C.* What is General International Law? // Guerra y Paz: 1945–2009. Obra homenaje al Dr Santiago Torres Bernárdez. Universidad del País Vasco, 2010. P. 329 – 348.
324. *Triggs G., Bialek D.* Australia Withdraws Maritime Disputes from the Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice and the International Tribunal for the Law of Sea // The International Journal of Marine and Coastal Law. – 2002. – Vol. 17. – No. 3. – P. 423 – 430.
325. *Ulfstein G.* Who is the Final Interpreter in Human Rights: the ICJ v CERD? // EJIL: Talk! – February 22, 2021. URL: https://www.ejiltalk.org/who-is-the-final-interpreter-in-human-rights-the-icj-v-cerd/ (access date: 30.06.2022).
326. *Verzijl J.H.W.* The System of the Optional Clause // International Relations. – Vol. 1. – No. 12. – 1959. – P. 585.
327. *Vylegzhanin A.N., Ivanov D.V., Zinchenko O.I.* Claims Concerning Racial Discrimination: Jurisdictional Approaches of the International Court of Justice // Kutafin Law Review. – 2022. – Vol. 9. – № 2. – P. 355 – 391.
328. *Vylegzhanin A.N., Zinchenko O.I.* Cases relating to the Law of the Sea: Issues of jurisdiction of the International Court of Justice // Vestnik of Saint Petersburg University. Law. – 2023. – № 3. – P. 686 – 702.
329. *Waldock C.H.M.* Decline of the Optional Clause // British Yearbook of International Law. – Vol. 32. – 1955-56.
330. *Waldock H.* Forum Prorogatum or acceptance of a unilateral summons to appear before the international Court. // – The International Law Quarterly. – Volume 2. – No. 3. – 1948. – P. 377 – 391.
331. *Zimmermann A.* Human Rights Treaty Bodies and the Jurisdiction of the International Court of Justice // The Law and Practice of International Courts and Tribunals. – № 12. – 2013. – P. 5 – 29.

Диссертации, научно-исследовательские работы

332. *Бекяшев Д.К.* Современные международно-правовые проблемы рыболовства. Диссертация на соискание ученой степени доктора

юридических наук. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право / Д.К. Бекяшев: Научный консультант д.ю.н., профессор Вылегжанин А.Н. Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – Москва, 2017.

333. *Величковский А.В.* Юрисдикция международного Суда ООН: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право / А.В. Величковский; Науч. рук. Л.В. Павлова; Белорусский государственный Университет. – Минск, 2003.
334. *Гончарова Н.Н.* Международный Суд ООН: пути повышения его эффективности: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право / Н.Н. Гончарова; Науч. рук. Р.М. Валеев; Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2007.
335. *Ковач И.* Международный арбитраж и международный суд: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / И. Ковач; Науч. рук. проф. С.Б. Крылов; Московский государственный институт международных отношений. – Москва, 1953. – 431 с.
336. *Кудрявцев В.Д.* Компетенция международного суда ООН: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность: 12.00.00 / В.Д. Кудрявцев. Науч. рук. Проф. Ф.И. Кожевников; Московский государственный институт международных отношений. – Москва, 1970. – 364 с.
337. *Орлова Е.С.* Конкуренция юрисдикций международных судебных органов при рассмотрении международных морских споров. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право / Е.С. Орлова; Науч. рук. А.Я. Капустин; Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации». – Москва, 2020.
338. *Шинкарецкая Г.Г.* Судебные средства разрешения международных споров: тенденции развития: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Специальность 12.00.10 – Международное право; Европейское право / Г.Г. Шинкарецкая; Институт государства и права РАН. – Москва, 2010. – 341 с.
339. *Posner E.* The Decline of the International Court of Justice // John M. Olin Program in Law and Economics Working Paper No. 233. – 2004.

Материалы Комиссии международного права ООН, международных конференций, семинаров, лекций

340. *Couvreur P.* Le règlement juridictionnel // SFDI (ed.), Le processus de délimitation maritime: Étude d'un cas fictif: Colloque international de Monaco du 27 au 29 mars 2003. – Paris: Pedone, 2004.
341. *Crawford J.* Interpretation of human rights treaties by the International Court of Justice. // Brainstorming Seminar on the place of the Convention in the European and international legal order, co-organised by the *PluriCourts* academic network. Strasbourg. 29-30 March 2017. // URL: https://vodmanager.coe.int/coe/webcast/coe/2017-03-29-3/lang/1; at 0:31:59.
342. *Greenwood C.* Friday Lunchtime Lecture, Lauterpacht Centre for International Law, *Challenges of International Litigation*, 7th October 2011 // available at http://itunes.apple.com/itunes-u/lcilinternational-law-seminar/id472214191 (at 30:31').
343. *Lauterpacht H.* Report on the Law of Treaties. UN Doc A/CN.4/63 // URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_63.pdf
344. *Owada H.* Speech by the President of the International Court of Justice, to The Legal Advisers of United Nations Member States, Introductory Remarks at the Seminar on The Contentious Jurisdiction of the International Court of Justice, 26 October 2010 // URL: https://www.icj-cij.org/files/press-releases/5/16225.pdf
345. *Rodríguez Cedeño V.* First report on unilateral acts of States. UN Doc A/CN.4/486, 5 March 1998 // URL: https://legal.un.org/docs/?path=../ilc/documentation/english/a_cn4_486.pdf&lang=EFSX
346. *Schwebel S.* Statement of the President of the ICJ S. Schwebel at the 36th meeting of the 52nd session of the General Assembly on 27 October 1997, A/52/PV.36.
347. *Villagrán Kramer F.* Les actes unilatéraux dans le cadre de la jurisprudence internationale // International Law on the Eve of the Twenty-First Century. Views from the International Law Commission. – UN: New York, 1997. – Pp. 137-161.

Материалы СМИ

348. Газета «Коммерсантъ» №47 от 16.03.1995 г., Мир озабочен рыбной проблемой. // URL: https://www.kommersant.ru/doc/104355
349. Газета «Коммерсантъ» № 64 от 08.04.1995 г., Рыбная война Канады и ЕС. // URL: https://www.kommersant.ru/doc/106239

350. Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации 2023 г. «О ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» // URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/1918450/
351. Официальный сайт Посольства Российской Федерации в Латвийской Республике, Интервью Временного поверенного в делах России в Латвии О.О.Зыкова «РИА Новости», приуроченное ко Дню дипломатического работника // URL: https://latvia.mid.ru/ru/voenno_memorialnaya_rabota/zaprosy_kotirovok/intervyu_vremennogo_poverennogo_v_delakh_rossii_v_latvii_o_o_zykova_ria_novosti_priurochennoe_ko_dnyu/
352. Colombia pulls out of International Court over Nicaragua. – *BBC News.* 28.11.2012. // URL: https://www.bbc.co.uk/news/world-latin-america-20533659
353. *Lane C.* U.S. Quits Pact Used in Capital Cases; Foes of Death Penalty Cite Access to Envoys // Washington Post. 10.03.2005. // URL: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A21981-2005Mar9.html
354. *Liptak A.* U.S. Says It Has Withdrawn From World Judicial Body // The New York Times. 10.03.2005. // URL: https://www.nytimes.com/2005/03/10/politics/us-says-it-has-withdrawn-from-world-judicial-body.html
355. *Rampton R., Wroughton L., Van den Berg S.* U.S. withdraws from international accords, says U.N. world court 'politicized' // Reuters, 3 October 2018 // URL: https://www.reuters.com/article/us-usa-diplomacy-treaty-idUSKCN1MD2CP>
356. Niger-Burkina Faso border set by ICJ ruling. – BBC News. 16.04.2013. // URL: https://www.bbc.co.uk/news/world-africa-22165499
357. "TASS" official website, "Russian embassy sends note to Germany's foreign ministry over discrimination of Russians", 5 March 2022 // URL: https://tass.com/politics/1417243
358. "TASS" official website, "Russia urges UN rights officials to condemn Estonia's discriminatory initiative", 1 September 2023 // URL: https://tass.com/politics/1668349